

Alex KaiNiT

**Несколько дней
из жизни Лукавого**

ПРИЛОЖЕНИЕ К АЛЬМАНАХУ
«Δαίμων» №1
июль 2012 г.в.

KaINiTA, Несколько дней из жизни Лукавого / Приложение к альманаху **Δαίμων** №1. — Древний Город: Black Fire Pandemonium, 2012 — 178 стр.

*Альманах разрешается тиражировать всем желающим
любыми доступными средствами
при условии полной идентичности текста.*

— Liber Scientia —

Рис. на обложке © Garvals
Элементы оформления © Армодей Моро

Alex Kait

Несколько дней из жизни Лукавого

Кошкодав

— Благодарю, дорогуша! — сказал Лукавый молодой дьяволице, что принесла ему чашку с горячей магмой, и облизнулся, глядя на стройные длинные ножки. — Зайди ко мне часиков эдак в шесть. Хорошо?

Та кивнула и, усмехнувшись, направилась к выходу, зацокав каблучками.

«Шикарнейший у нас персонал в этом тысячелетии», — подумал Лукавый, и по его лицу тоже расплзлась довольная улыбка до самых ушей.

— Так чего ты там, говоришь, хотел? — продолжил он разговор, повернувшись к парню. — В Легион, говоришь, наметил? А нафига ты нам такой нужен?

— Ну, как же? — забормотал парень. — Я ж столько тварей божьих перерезал! Одних кошек сколько в жертву тебе принёс!

— А зачем мне твои кошки? — удивился Лукавый. — Что я их — на бутерброд мазать буду, что ли?

— Крестов одних вон сколько переверотил! — неустанно продолжал парень. — Все молитвы задом наперед знаю!

— Вот я и спрашиваю тебя, — перебил Лукавый, — НАФИГА ты нам? Что толку от твоих молитв и переворачивания крестиков?

— Да я бога ненавижу!!! — захрипел тот. — Этого что, мало?

— А сам как думаешь? — Лукавый со скукой перевернул страницу административного журнала, и с аппетитом посмотрел на вложенный календарик с изображением красотки «Мисс Инферно» за последний год. — Чего полезного нам предложить можешь?

— Да у меня склонность к разрушению! — заговорил парень.

— Ну, это понятно... — махнул Лукавый когтистой лапой. — Своих вояк у нас полным-полно — забиты все вакансии. А вот если чего поновее бы предложил... К творчеству ты, небось, не привычный, верно?

— ЧЕГО-О-О?!?! — выпучил глаза парень. — Да разве мы должны чего-то там творить?

— А что, я сам всё делать должен?! — повысил голос Лукавый. — Или на халяву тёпленького местечка захотелось? Его, между прочим, заслужить надо!

— А при чём здесь творчество? — выпалил парень оправдывающимся тоном. — Ты же ведь не творец. Ты — разрушитель!

— Ты так думаешь? — усмехнулся Лукавый. — А вот ЭТО, — он окинул взглядом весь свой кабинет. — ЭТО, ты думаешь, откуда взялось? Или решил, что тот олух небесный собственноручно нам здесь апартаменты отлаживал?! Всё, между прочим, самим отстраивать приходилось! Ещё тот бардак творился, когда первые Падшие тут основались...

— А учитель мой говорил другое... — пролепетал парень.

— А самому мозгами пошевелить было трудно? — спросил Лукавый, закуривая сигару.

Парень пожал плечами.

— Небось, и блага разные обещал за «продажу души» и за полное повиновение главе секты, — сказал Лукавый со злорадным умилением глядя на парня.

— А вы откуда знаете? — удивился тот.

— Мне ли не знать? — Лукавый отложил сигару и потряс перед носом парня свежей ведомостью. — Тут про тебя всё написано! Халявы, небось, хотел?

Парень снова пожал плечами.

— Так это ты не по адресу обращался! Халяву можно получить только у вашего мученика раскоряченного, — на голове Лукавого внезапно из ниоткуда появился терновый венец, сам же он раскинул руки в стороны, склонил голову на бок и вывалил язык, пародируя божьего сынка.

— Но ведь я верил в Дьявола! — воскликнул парень.

— За верой тоже не туда полез, — отмахнулся Лукавый, приняв обычный вид и, дыхнув на печать, поставил штамп внизу личного дела допрашиваемого грешника.

— Так что же со мной будет? — несмело спросил парень.

— Найдём применение. Пристроим согласно твоим заслугам, — ответил Лукавый, и, нажав на пульте кнопку, командовал: — В топку!

Два здоровенных дьявола вошли в комнату, и, схватив парня под руки, уволокли из кабинета.

— Хоть какая-то польза от этих кошкодавов, — довольно добавил Лукавый, хлебнув из чашки недавно принесённую магму. — Хорошо горят! Да и местный кофеёк есть на чём подогреть...

Самоубийца

Сегодня в Аду было относительно прохладно. Лукавый не любил работать в такой обстановке, и поэтому, не промедлив ни минуты, поторопил свою длинноногую помощницу приготовить ему побольше горячей магмы.

«Что там у нас новенького?» — Лукавый стал лениво кликать мышкой, проглядывая последние новости Мироздания, и прихлёбывать свой раскалённый напиток. Магма грела, Лукавый решил закурить сигару и врубить музыку, чтобы веселее работалось. Однако он даже не успел запустить свой любимый Winamp 666, как внезапно подавился чем-то жёстким и неприятным. В один миг Лукавый отшвырнул чашку прочь и начал изо всех сил колотить себя хвостом по спине, пытаясь откашляться. Когда же ему это удалось, он выплюнул на стол твёрдый кусок вулканической породы, которая и была виновницей происшедшего. Грязно выругавшись, Лукавый рубанул кулаком по кнопке вызова секретарши.

— ЭТО ЧТО ТАКОЕ?! — заорал он, как только дьяволица появилась на пороге. — КТО ТАК МАГМУ ТОПИТ?!

— Да при чём здесь я?! — стала оправдываться та. — Плита плохо греет — в котельной топлива мало!

— Почему не доложили?! — гневно сказал Лукавый, и, немного успокоившись, начал быстро проглядывать весь список новоприбывших грешников. — То-то я смотрю — прохладно сегодня как-то... Ну ничего — сейчас мы им дровишек подкинем!

В этот день меньше всего хотелось вести положенные по уставу собеседования, поэтому он сразу перешел к разделу

«Суицидники». С этими разговоры проходили довольно быстро. Стандартные слёзы и сопли не требовали долгого разбора, и штампы для них ставились легко и непринужденно.

— Вот это да! — усмехнулся Лукавый, посмотрев первую сегодняшнюю анкету. — Каренина Анна Николаевна! Из-под поезда, что ли? Хм... Таки нет — таблеток наглоталась. Ну что ж — раскочегарим печку!

И, нажав кнопку вызова, Лукавый громко произнёс: «Каренину в кабинет!».

Спустя мгновение служба доставки в лице двух рогатых качков усадила в кресло бледную зарёванную девицу, которая пыталась что-то лепетать.

— Так-с, прелесть моя! Приступим! — сказал Лукавый, дыхнув на печать, отчего та даже задымилась. — Историю твою вкратце знаем, но по правилам положено тебя выслушать.

— Вы не понимаете... — заговорила девушка. — Это ошибка!

— Вот только этого не надо! — осадил Лукавый. — Почти все начинают именно с этих слов!

— Но это действительно правда! — всхлипнула грешница.

— Значит так! Вступление опустили! — отрезал Лукавый. — Делаем всё по-быстрому. Жить не хотела? Не хотела! Вот сейчас ты это подтвердишь, я поставлю штамп, и можно смело отправлять тебя по назначению... Не будем затягивать время, договорились?

— Но я хотела! — заплакала девушка.

— Что ты хотела?

— Я ХОТЕЛА жить! А умирать НЕ хотела!

— Слушай меня! — Лукавый слегка привстал со своего кресла и под самый нос сунул девушке листок с её личными данными. — Вот ЭТО видишь? Вся история смерти написана! Кто таблетки глотал?! Я, что ли?

— Да неправда всё это! — девушка неожиданно для самого Лукавого схватила листок, попытавшись его порвать, однако сразу громко взвизгнула оттого, что бумага вспыхнула ярким пламенем.

— Ты с документами-то поосторожней, — пригрозил Лукавый, забирая уже потухший и ничуть не обгоревший листок. — Иначе по частям тебя жечь прикажу!

— Я не хотела умирать, — запричитала девушка, дую на ладони. — Честное слово, не хотела!

— А чего ж тогда на таблетки потянуло? — с насмешкой спросил Лукавый. — Витаминов в организме не хватало?

— Я думала... — девушка запнулась в нерешительности, но потом произнесла: — Думала ОН вернётся.

— Кто? — Лукавый мельком глянул в историю смерти и, постучав кончиком золотого «Паркера» по упомянутому там имени, спросил: — Этот твой Олег, что ли?

— Я вернуть его хотела, — прошептала девушка.

— Интересный способ, — усмехнулся Лукавый, затягиваясь сигарой. — Так чего ж не вернула?

— Я вернуть его хотела! — повторила девушка, но уже громче. — Я думала, он узнает про таблетки и вернется...

— А чего ему теперь возвращаться? — засмеялся Лукавый. — Он что — некрофил?

— Да нет же, — замотала головой девушка, размазывая по лицу слёзы. — Меня должны были спасти! Света, моя подружка! Такое уже было! И первый и второй раз меня СПАСАЛИ!

— Правда, что ли? — Лукавый с любопытством поглядел в ведомость грешницы. — А здесь почему не оговаривается? Или каялась?

— Да, мама тогда в церковь ходила... — хлюпнула носом девушка.

— Ох, уж мне эти небесные бюрократы, — Лукавый сплюнул в пепельницу, отчего та громко зашипела. — Стоит им разок зад лизнуть, как всё простят не думая... Так значит, мамка твоя тебе амнистии кланчит, а тебя продолжает тянуть на рецидивы, верно я понял?

Девушка опустила голову.

— Кстати, мне вот что интересно, — Лукавый ковырнул когтём содержимое пепельницы. — Те два раза действовал на Олега твой фокус?

— Тогда было не с Олегом, — снова всхлипнула девушка.

— Надо же, — присвистнул Лукавый, оставив пепельницу в покое и полностью переведя внимание на свою собеседницу. — Не часто к нам сюда попадают такие гости. Надо бы тебе ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ оформить!

— Особый? — глаза грешницы загорелись надеждой. — Так что же со мной теперь будет?

— Прямо здесь тебе Премию Дарвина и напишем, — усмехнулся Лукавый, начав что-то строчить паркером в ведомости.

— А потом? — не без тревоги спросила девушка.

— А потом — в топку! — сказал Лукавый, не отрываясь от писанины.

— Что? — глаза суицидницы стали круглыми. — В топку? А, может, покаяться можно?

— Перед кем?

— Перед богом...

— А бог здесь при чём?

— Ну, ведь это по его приказу меня наказывают. За грех...

— Ты что? И вправду так решила? — засмеялся Лукавый, отложив ручку и взяв сигару. — Милая моя, протри глаза. Это же Ад! Ваш бог здесь вообще левый бобёр, и власти никакой не имеет!

— Тогда зачем же вы меня хотите жечь?

— Для обогрева, — сказал Лукавый, продолжив писать в ведомости, предварительно смахнув упавшую с кончика сигары искорку.

— Как это «для обогрева»? — глаза девушки стали ещё круглее. — Неужели больше нечего жечь?

— Можно и другое, — сказал Лукавый. — Только что же мы тогда будем делать с вашей диаспорой?

И он без всякого такта указал паркером в сторону девушки, выпустив туда же попутное облачко дыма.

— Вот ты, например, — Лукавый снова затыкнулся, — чего хорошего предложить нам можешь?

Девушка сделала испуганное лицо и, плотно сомкнув колени, отодвинулась на стуле подальше.

— Куда поползла? — засмеялся Лукавый, погрозив пальцем. — Быстро назад!

В одно мгновение его хвост удлинился и, метнувшись под стол, зацепил ножку стула, вместе с грешницей придвинув его обратно.

— А по-другому никак? — спросила девушка дрожащим голосом, и сжалась ещё больше. — Только таким способом?

— Какая же ты дура! — ещё громче рассмеялся Лукавый. — Я те на ЭТО хоть один намёк делал? Или у тебя других мыслей не бывает?

— А разве здесь девушек не...

— Молчи лучше, дурёха! — сказал Лукавый, немного уgomонившись. — Кто на тебя такую здесь посмотрит? Ты нашим девочкам и в подмётки не годишься! А все они, кстати, тоже не однобоко развиты. Образованы, квалифицированы... А таким, как ты, применение единственное — топка. И польза есть, и дровишки экономим.

— Может, не надо? — снова всхлипнула девушка.

— Ну как же не надо? — удивился Лукавый. — Очень даже надо. А то плита вон фурычит слабо — помощница моя совсем измучалась, да ещё и я на неё наорал сгоряча.

— Подождите... Выслушайте... — просящим тоном заняла грешница.

— Ну, говори, слушаю, — скептически произнёс Лукавый, щёлкая паркером.

— Если бог не властен... То что вам стоит меня отпустить? Только меня одну.

— Зачем?

— Но ведь у вас ещё куча грешников... Сожгите их... А я...

— А ты у нас что — особенная?

— Но ведь вы сами сказали, что у меня «особенный случай».

— Ну да. Его я тебе как раз и оформил, — он показал ей исправленную ведомость. — Вместо «суицида» я тебе отметил «смерть по собственной глупости». Причины: непредусмотрительность, безответственность. Идеальный вариант для топки.

— А какие у вас ещё места для меня есть?

— Никаких... — развёл руками Лукавый, затем, кое-что вспомнив, он снова взял ведомость: — Чуть не забыл ложь пометить...

— Что?

— Ко лжи, говорю, склонная ты, — приписывая что-то в ведомости, ответил Лукавый. — Хотела ж ведь мозги пареньку своему запудрить.

— Я его любила...

— А раз любила — чего ж тогда обманывала?

— Хотела вернуть...

— Вот и определилась бы конкретно! — повысил голос Лукавый. — Любила, или как потерянную вещь хотела вернуть? Уж кому-кому, а мне можешь говорить всё, как оно было на самом деле.

— Хотела вернуть, — выдавила из себя девушка. — Думала, что узнает про таблетки и придёт просить прощения...

— Больше похоже на истину, — кивнул Лукавый.

— И любила, — добавила девушка.

— А вот это уже ложь! — он вновь что-то добавил в ведомость. — Ты даже мысли свои прятать не умеешь, а всё равно продолжаешь лапшу на уши вешать.

— Пойдите! — вдруг приподнялась на стуле девушка:

— А разве *ложь* — это плохо?

— А разве нет?

— Для вас же это хорошо...

— Ещё чего! — фыркнул Лукавый. — Ты вообще знаешь, какой здесь бардак будет, если весь наш персонал начнёт друг другу пургу гнать?

— Но ведь вас называют «Отцом Лжи»...

— Ну и что? Мало как нас там ваши чернорысые называют — на себя пускай посмотрят...

— Так ведь и молитва ещё есть: «...но избави нас от Лукавого...».

— Помнят-таки... — усмехнулся Лукавый, с величавым видом откинувшись в кресле. — Помнят... Боятся... Уважают, значит. Но вот что я тебе, милая, скажу. С чего ты взяла, что ложь и лукавство — это одно и то же?

— А разве нет?

— А ты не знала?

— Нет, — призналась девушка. — Расскажите мне... Научите... Только не жгите.

— Да зачем мне тебя учить? — уныло сказал Лукавый, посмотрев на часы. — Я и так с тобой промаялся дольше задуманного...

— А вдруг я всё-таки полезна буду?

— Нет уж, увольте-с... — фыркнул Лукавый.

— Ну, пожалуйста! — из глаз девушки вновь покатались слёзы.

Тут Лукавый хитро прищурился.

— Ладно, прелесть моя, — сказал он. — Дам тебе единственный урок лукавства... Внимательно следи за моими действиями, и тогда я НЕ буду ставить штамп на твоей ведомости. Кстати — ты кочегаров тех рогатых видела?

— Да...

— Хочешь, я НЕ стану приказывать им тебя жечь?

— Хочу...

— Вот и замечательно! — сказал Лукавый. — Здесь и сейчас ДАЮ ТЕБЕ ОБЕЩАНИЕ, что НЕ поставлю штамп и НЕ позову кочегаров! Уж я-то цену своему слову знаю!

Девушка даже вздрогнула от такого поворота. Медленно подняв глаза на Лукавого, она негромко произнесла:

— Значит... Я могу идти?

— А вот этого я как раз НЕ говорил, — произнёс Лукавый, и на лице появилась хищная улыбка. — Да и куда ты, собственно, пойдёшь? Дурашка.

Девушка вновь побледнела, почувствовав подвох. Лукавый же нажал кнопку вызова секретарши и сказал: «Милая, будь так любезна, зайди ко мне в кабинет».

За дверью тут же раздалось простукивание каблучков, и на пороге вновь появилась длинноногая дьяволица, вопросительно посмотрев сначала на шефа, потом на бледную ссутулившуюся грешницу.

— Радость моя, — медовым голосом сказал дьяволице Лукавый. — Ты не могла бы оказать мне услугу? Подойди сюда...

— А как же посторонние? — удивилась красотка, посмотрев на грешницу.

— Да нет — не ту услугу, — мотнул головой Лукавый, поднимаясь из кресла и предлагая его секретарше. — В посторонних как раз и дело. Разберись с этой грешницей сама, ибо я только что зарёкся выносить вердикт.

Поняв, что шеф просит далеко не то, о чём она подумала сразу, дьяволица разочарованно вздохнула, но, всё же, грациозно запрыгнув в кресло, взяла в руки исправленную ведомость и быстро пробежала её взглядом по диагонали.

— Разрешаете? — переспросила она шефа, взяв в руки печать.

— Всё в твоих руках, — неопределённо ответил Лукавый.

Недолго думая, красотка быстро шлёпнула штамп, и, нажав кнопку на пульте, сказала в микрофон: «Каренину в топку!».

— Почему?! — вскрикнула девушка. — Вы же обещали!!

— Обещал, — Лукавый аккуратно присел на подлокотник собственного кресла. — И сдержал обещание: штамп не

ставил, кочегаров не звал. Правда, моя милая? — он ласково погладил по плечу свою помощницу.

— Так нечестно! — запричитала грешница.

Двое рогатых стражников вошли в комнату, и остановились, увидев в кресле вместо шефа его личную секретаршу.

— Э-э-э... А чего не шеф командует? — удивлённо спросил один из качков.

— Есть причины! — холодно сказала дьяволица, и, указав на суицидницу, добавила: — Приказ слышали? Выполняйте!

Охранники подхватили грешницу под руки и повели к выходу.

— ТАК НЕЛЬЗЯ! — донёсся её голос уже из-за двери.

— К чему всё это? — непонимающе спросила секретарша, уступая место начальнику.

— Да так... — ответил Лукавый, занимая кресло. — Скучно стало... Вот и решил преподнести девочке маленький урок... И знаешь что, милая? Ты у меня просто умница! — он усадил дьяволицу себе на колени. — Извини, что накричал на тебя сегодня.

— Да ладно, чего уж там, — вздохнула помощница. — В прохладные дни я и сама порой нервная бываю.

— Ничего-ничего, — подмигнул Лукавый. — Вот сейчас они топлива в печку подкинут, и мы с тобой... погреемся...

Батюшка

— От те раз! — загоготал Лукавый. — Уж кого-кого, а тебя, пастушок, я никак не ожидал тут увидеть!

— Изыди, нечистый! Сгинь! — низким басом завопил бородатый мужик в рясе с золотым крестом на пузе.

— Тпр-р-ру! Ты коней-то своих попридержи, — перебил его Лукавый и, удлинив свой хвост, звонко хлестнул мужика по плечу, отчего тот завопил ещё громче.

— Да тихо ты! — прикрикнул Лукавый, но когда и это не помогло, резко поднялся из кресла и громко гаркнул: — МОЛЧАТЬ!!!

От звуковой волны стены офиса на миг деформировались, словно были сделаны из резины, затем, вибрируя как холодец, приняли свою прежнюю форму. Где-то за дверью

послышались удивленные возгласы. Молодая секретарша приоткрыла дверь офиса и обеспокоено посмотрела на своего шефа.

— Всего лишь воспитательную работу провожу, — пояснил ей Лукавый и снова перевёл внимание на своего «клиента».

Бородатый сидел, сжавшись в комок, зажмурившись и схватившись за уши.

— Ладно те, батя, расслабься, — кончиком хвоста Лукавый похлопал попа по макушке. — Слышь, чё те говорят?

— Боже, милостив буди мне грешному... — тихо всхлипнул поп, боясь разлепить веки.

— Всё, батя, кончай говно топтать, — оборвал Лукавый. — Случай у тебя сложный, поэтому времени терять не будем. Так что закрой хлеборезку и говори только тогда, когда я разрешу. Всё понял?

Лукавый нарочно, издёвки ради, называл попа «батей». Тот же как-то насторожено реагировал, внимательно прислушиваясь к этому слову, словно не терял надежды на свою мирскую авторитетность.

— Крестным знаменем тебя освящаю! — поп вдруг резко схватился за крест. — Нету силы твоя надо мною, во Христе блаженном!

— Ну, ты ещё скажи: «Нет надо мной твоей власти, Завулон!», — засмеялся Лукавый. — До чего с вами, попами, дела трудно вести! Зато порой весело.

Молниеносным движением хвост Лукавого описал в воздухе дугу и со свистом вышиб крест из рук священника, тут же доставив вещицу на стол Лукавому.

— Давай подумаем, куда тебе его засунуть можно... — задумчиво произнёс Лукавый, вертя крест перед собой.

— Как же так? — пролепетал поп, вылупившись на Лукавого.

— Что «как же так»? — спросил Лукавый. — Ты про это, что ли? — он потряс крестом перед собой. — Удивляешься, почему не боюсь?

Поп молчал.

— А чего мне его бояться? — продолжил Лукавый. — В тебе ж, пастушок, веры ни на грамм! Прикрыл жопу рясой и что с того?

— Господи... — выдавил тот.

— Ты достал со своим фраером небесным! — осадил его Лукавый. — Или вера появилась? Так ведь всё уже! — он постучал когтём по личному делу священника. — А насчёт крестов, — для примерки Лукавый приложил вещицу себе на грудь, предварительно перевернув вверх ногами, — так это ты или «Вечеров на хуторе близ Диканьки» обчитался, или «От заката до рассвета» насмотрелся. В последнем, мне помнится, вампиры вообще крестиков на «скорой помощи» шугались... Нет, говно вещица, — от отшвырнул не подошедший ему крест в сторону попа. — Ты прикинь, каково было бы таким вампам в футбол играть. Они ж бы от ворот убежали — там ведь охереть сколько перекрестий на сетке!

— Помилуй, отпусти, — поняв, что обращаться к богу бессмысленно, запричитал бородач.

— Такого жирдяя — не могу, — покачал головой Лукавый. — Ты ж пойми, сколько топлива сразу потеряем...

— В чём вина-то моя? — начал тот.

— О! — сказал Лукавый. — Наконец-то переходим к конструктивной беседе. Передо мной, собственно, вины у тебя никакой нет, а вот перед фраерком твоим... — он взял дело, просмотрел его беглым взглядом. — Ага! Все как я и говорил — ЗАКОС!

— Что?

— Закос, — повторил Лукавый. — Под верующего всю жизнь косил... Рясу нацепил... С паствы пожертвования брал, а деньгу в карманчик грёб. Вот от тебя твой фраерок и отказался.

— Прости! Помилуй! Бес попутал!!!

— Какой-такой бес? — удивился Лукавый. — Ты это на кого бочку катишь?

— Прости! Помилуй!!! — завопил тот ещё громче.

— Что ты всё «прости», да «прости», — фыркнул Лукавый. — Да мне ведь, откровенно говоря, до одного места, чем ты там при жизни занимался — можешь хоть драть вприсядку! Или это тоже было? — Лукавый опять с интересом глянул ведомость. — А, нет — вприсядку не было, — покачал он головой.

— Отпусти...

— Не могу — сказал Лукавый, строча в ведомости ручкой. — Слишком ладное из тебя топливо....

— А... — начал было поп.

— Сразу нет! — опередил его Лукавый. — Тут каждый из вас договориться предлагает. Достали уже!

Дыхнув на печать, он поставил штамп.

Самопожертвование

— Ну как? — стоя перед зеркалом, Лукавый широко распахнул чёрные крылья Падшего Ангела.

В глазах помощницы было восхищение. Вместо ответа она приблизилась к шефу со спицы, и, глядя через его плечо на отражение, положила ладони ему на талию.

— Нравится? — Лукавый поймал руки дьяволицы и, потянул к себе, соединив спереди в замок и заставив тем самым обнять себя ещё крепче. — Вот это как раз из моей молодости костюмчик. Много нас, падших, тогда было — небесный фраер чуть крышей не поехал от злости!

Он сложил крылья за спиной, Секретарша прильнула к одному из них щекой и медленно вдохнула воздух, пытаясь уловить запах перьев.

— Слишком долго в шкафу хранились — серой пропахли, — сказал в оправдание Лукавый. — А раньше чего там только не было! Седлал я на них ураганные ветры, направо и налево рубил пылающим клинком... И холодом небес от них веяло, и кровь херувимов на них была... Эх, молодость-молодость.

Лукавый ударился в ностальгические воспоминания — эпоха Восстания была одной из его излюбленных тем в разговорах о прошлом. Иногда он даже начинал рассказывать об этом своим сотрудникам на корпоративных вечеринках, за что ему порой в шутку предлагали обзавестись ветеранским удостоверением.

— Хочешь примерить? — вдруг предложил он Секретарше.

— Я? — та замерла в изумлении.

— Что, думаешь, не подойдут? — Лукавый быстро повернулся, теперь уже сам перехватив девушку за талию.

— Я даже не знаю... — смутилась та.

— Не стесняйся — попробуй, — он игриво тронул пальцем кончик её носика. — Почувствуешь себя участницей

Восстания! — затем, ласково проведя тыльной стороной ладони по её щеке, полушёпотом добавил: — А если захочешь — собственные тебе сделаем. Ещё большей красавицей в них будешь.

Смущённая дьяволица уже хотела что-то ответить, но тут лёгкую приятную музыку, под которую Лукавый и его помощница любили уединяться, исказил противный треск в колонках стоявшего на столе компьютера, а по экрану монитора горизонтальными полосами побежали помехи.

— Тьфу ты, блин! — Лукавый подхватил оставленный возле компьютера мобильный телефон.

Он совсем про него забыл и теперь крыл сам себя за то, что не вырубил и не закинул подальше, позволив испортить идиллию. Он уже хотел было отрубить мобилу нафиг, но сработала привычка — раз взял в руки, надо ответить.

— ДА! — недовольно брякнул Лукавый в трубку. — Ну, привет! Чего тебе надо от меня сегодня? ЧТО?! — он фактически рывкнул на неизвестного собеседника. — Ты что, тупой? Я ж тебе чётко сказал — сегодня НЕ ПРИНИМАЮ!!!

В трубке чего-то затараторили, очевидно, ругаясь не меньше Лукавого.

— А мне ПОФИГУ, кто там у тебя такой! — выдал в ответ Лукавый. — Сказал же — НЕ ПРИНИМАЮ! Выходной у меня. Или тебе на древнееврейском разжёвывать надо?

В трубке снова послышалась ответная брань.

— КТО? Я?! — гневно выкрикнул Лукавый. — А вот за этот базар, ты у меня, пархатик, в день Армагеддона обязательно ответишь!

В трубке вновь что-то сказали.

— ЧТО?! — взревел Лукавый. — УЖЕ ВЫСЛАЛ? Ты, пердун старый, попозже позвонить не мог? Меня спросить удосужился? Что я сегодня с твоими гавриками делать буду?!

В трубке опять пробухтели.

— А я вот возьму и вместе с твоими ангелочками жечь прикажу! Будешь знать! — выдал Лукавый.

Голос в трубке стал громче и злее.

— А насрать на последствия! Вот что захочу, то с ними и сделаю! Баста! Отбой!!!

Он отключил телефон.

— Что случилось? — обеспокоенным взглядом посмотрела на Лукавого Секретарша.

— Старый пидор мне гостинчик решил подкинуть... — раздражённо ответил Лукавый. — И это в выходной-то день...

— Что-то серьёзное? — спросила Секретарша.

— Похоже, что да, — сказал Лукавый, скидывая крылья, и принимая свой рабочий рогато-хвостатый облик. — Вместе с грешником выслал сюда двух своих блюдолизов из «Царствия».

— Зачем?

— Хрен его знает, — пожал плечами Лукавый. — Моча в голову старику ударила.

— Так, может, выгнать?

— Можно и выгнать... — кивнул Лукавый. — Только грешника они всё равно здесь оставят, и что с ним делать? Ждать до завтра? Так ведь не люблю я, чтобы всякие божьи овцы шатались тут, как дерьмо в проруби. Выходной всё равно будет испорчен.

— А можно поприсутствовать? — поинтересовалась Секретарша.

— Только рад буду! — одобрительно кивнул Лукавый, понизив голос. — Совсем достали святоши, так хоть кто-то рядом глаз порадует.

— А вы и правда их вместе с грешником жечь будете? — спросила помощница.

— Да нет, пошутил я, — ответил Лукавый, затем с сомнением добавил: — Наверное...

Через некоторое время посланцы уже стояли у Лукавого в приёмной. Давно уже Лукавый не видел, чтобы вместо его привычных качков-рогачей грешницу доставляли белокрылые ангелы.

— Ну, давайте сюда вашу ведомость, не задерживайте! — поторопил Лукавый, принимая личное дело грешницы.

— Так! Матвеева Анна Ивановна, верующая, соблюдала заповеди, посещала храм Христа, чиста душой и телом, и ты-ды, и ты-пы, всякая прочая херня... — он стал быстро проглядывать текст, опуская подробности, затем поднял глаза на ангелов. — Ну и кого вы мне приволокли? Хотите, чтобы вашу так называемую праведницу жёг? Так я сожгу — мне ведь пофиг, кого в расход пускать! — он сощурил глаза и добавил. — Но вот за то, что В ВЫХОДНОЙ меня потревожили, Я ВАМ САМИМ ВСЕ КРЫЛЬЯ ОЩИПАЮ!

— Шеф просит обменять её на грешника, — холодно

пояснил один из Ангелов. — Там внизу почитайте!

— Отреклась от «вечного покоя»... — прочёл Лукавый и тут же удивился. — Отреклась?! Сама?

— Пришлось принять меры, — сказал Ангел.

— Бред какой-то... — фыркнул Лукавый. — Ну, да ладно... Давайте сюда дурёху — побазарим.

Женщину усадили на кресло. Лукавый внимательно оглядел её — не молода, давно уже красоту потеряла (если такая и имелась), бледное лицо, выплаканные глаза. Чем-то Лукавому вспомнилась сожжённая на днях суицидница Каренина, что сидела тут с не менее зарёванным видом. Разница в том, что если из молодой Карениной пёрли капризы и истерика, то в этой была какая-то давняя немая боль.

— Поехали! — Лукавый пометил что-то в графе послесмертия. — Матвеева, если верить ксиве? Я прав?

— Верните мне сына, — вдруг прошептала женщина.

— Так... — Лукавый взял сигару. — Снова будничная рутина — капризные грешники, на вопросы не отвечают, что им говорят, не слушают...

— Заберите меня, отпустите сына! — застонала женщина.

— Какого такого сына? О ком ты, создание?

— Умоляю, — продолжала шептать та.

— Стоп! Давай по порядку, — сказал Лукавый. — Ты хочешь, чтобы тебя сожгли вместо кого-то конкретного?

— Умоляю, — вновь прошептала женщина.

— Вот на вопрос ответишь, тогда и посмотрим, — Лукавый пристально оглядел заплаканное лицо. — Кто сын?

— Умоляю, — словно и не слыша слов, говорила женщина.

— Часотчасу нелегче, — Лукавый вытянул руку и несколько раз прищёлкнул пальцами перед носом отрешённой женщины. — Алё, «агнец божий», ты меня слышишь?!

— Умоляю...

— Цыплятки, помогать будете? — окликнул Лукавый двух пернатых Ангелов.

— Чего помогать-то? — не понял один.

— Ну, раз приперлись, то хоть поясняйте, что за чушь она несёт, и кто её сын...

— Мы не в курсе, — пожал плечами Ангел.

— Что, старый перду... то есть шеф ваш даже никакой дополнительной ведомости не дал? — удивился Лукавый.

Те пожали плечами.

— Так! — Лукавый потёр виски, потом повернулся к Секретарше. — Милая, подстрахуй, пожалуйста... Глянь по базе.

Секретарша проворно заняла кресло возле соседнего компьютера, открывая Базу Мироздания.

— Матвеева... как дальше?

— Анна Ивановна, — подсказал Лукавый и тут же подал личное дело женщины: — Вот тут дополнительные данные для верности. А то в этом Мироздании одноимёнцев и однофамильцев — как собак нерезаных!

— Прошу, верните сына... — подала голос женщина.

— Так, мамаша, если хочешь, чтобы разобрались, то давай отвечай на вопросы, — Лукавый зажёл сигару. — А если говорить не будешь, то сразу в топку сориентируем...

— Делайте! Жгите! Только отпустите сына...

— Соглашается — значит, слышит, — отметил Лукавый.

— Нашла! — сказала Секретарша. — Матвеева Анна Ивановна, всё как в ведомости.

— Ну, так кто там у неё сын? — сразу оставил женщину Лукавый, повернувшись к помощнице.

— Матвеев Виктор Сергеевич, в узких кругах имеет кличку «Аграил». Причина смерти...

— Погоди, как ты сказала? Аграил? — перебил Лукавый, подкатив на кресле к монитору секретарши. — Смотри-ка! Это же один из наших молодых специалистов. Ребята, вы что — оупели? — он зыркнул на Ангелов.

Те промолчали.

— Парни, я ВАС спрашиваю!! — настоял Лукавый. — Это что выходит — вы у меня СОТРУДНИКА хотите забрать в обмен на лишний мусор?!

— Какого сотрудника? — недоумённо воскликнул Ангел. — Это же грешник...

— Грешник-то грешник, да не простой! — ответил Лукавый, и, повернувшись к секретарше, сказал: — Зачитай, милая.

— Матвеев Виктор Сергеевич, в узких кругах имеет кличку «Аграил», — начала та. — Психолог по образованию. Сторонние увлечения — история, культурология, литературное творчество, оккультная практика. Одно время играл на бас-гитаре в рок-группе «Ганнибал Лектер»... В возрасте тридцати двух...

— Достаточно, милая, благодарю, — остановил Лукавый, и обратился к Ангелам. — Слышали? Разносторонне развит парень, между прочим! И к шефу вашему никогда не тяготел. Так что вы, ребята, как хотите, но его я вам не отдам. Хорошие кадры всегда пригодятся!

— Но у нас праведница на замену! — напомнил Ангел, словно хотел переубедить в чём-то Лукавого.

— Ну и что? — спросил Лукавый.

— Отреклась ведь от места в Царствии, — напомнил один из Ангелов.

— Даже если и так? — сказал Лукавый. — Топлива такого у меня навалом, а вот свежих умов не хватает! Вы хоть сами имеете представление, что наш парень будет в вашей дурке делать?

— Приказ такой... — сказал Ангел.

— Приказ кому? — поинтересовался Лукавый. — Тебе или мне?

— Прошу, не мучайте сына! — вновь подала голос женщина.

— Закрой рот, мамаша, не с тобой разговариваю! — грозно оборвал Лукавый и прищёлкнул пальцами, после чего губы женщины слиплись, словно приклеенные, и начали срастаться воедино. — А ещё не дёргайся, — он нажал на своём столе кнопку, и из-за спинки кресла, на котором сидела женщина, вынырнули щупальца-веревки, вмиг спутав её тело.

— Распоряжение чужой собственностью! — поспешно одёрнул Лукавого один из Ангелов. — Не положено!

— Пусть ведёт себя прилично и не перебивает старших, — холодно ответил Лукавый. — И потом — ты ж говоришь, отреклась она от вашего фраера.

— Отреклась от МЕСТА в Раю, — поправил Ангел. — Но пока дело не оформлено, она официально принадлежит НАМ!

— Ну, тогда держите её в узде, — сказал Лукавый, освобождая женщину и возвращая с нормальное состояние её губы. — Иначе всех вас привлеку за нарушение порядка на предприятии!

Подойдя к плачущей женщине, ангел положил ей ладонь на голову. Женщину окутало яркое сияние, она сделала выдох и заснула, откинувшись на спинку кресла.

— Вот как надо... — назидательно сказал Ангел.

— Увассвоиметоды,уменясвои,— пофигистично отмахнулся

Лукавый. — Пускай себе дрыхнет, лишь бы не храпела.

Он сделал пас рукой, и кресло на колёсиках откатилось за спины ангелов.

— Чтобы глаза не мозолила, — пояснил Лукавый.

— Дело надо оформить, — напомнил Ангел. — Приказ есть.

— Ага, о приказе как раз и говорили! — вспомнил Лукавый. — Так вот, — приказам вашего фраера я НЕ ПОДЧИНЯЮСЬ! Так что никакого сотрудника вам, ребятки, НЕ ВИДАТЬ!

— Есть договор! — напомнил второй Ангел.

— Милая, принеси магмы горяченькой... — ласково попросил Лукавый Секретаршу, и, повернувшись к Ангелам, продолжил: — Договор, говорите?

— Договор! — утвердительно кивнул Ангел.

— Его-то я помню, — сказал Лукавый. — А вот вы хоть чуток припоминаете?

— Предприятие «Геена Огненная» имеет право распоряжаться судьбами всех смертных, не являющихся собственностью предприятия «Царствие Небесное», — процитировал Ангел фрагмент договора.

— Дальше! — потребовал Лукавый. — Что есть собственность «Царствия», помнишь?

— Собственностью «Царствия небесного» являются души праведников, «впустивших Господа в своё сердце».

— Без лирики! — холодно осадил Лукавый. — Давай конкретно.

— Души праведников, одобренные предприятием «Царствие Небесное» в лице Бога-отца Иеговы и Бога-сына Иисуса Христа, — сказал Ангел.

— А ТАКЖЕ... — вновь потребовал продолжения Лукавый.

— А также уверовавшие в Иисуса Христа и признавшие его своим Господом, — довершил Ангел.

— Ну и как — выполняются ваши условия? — ехидно усмехнулся Лукавый.

— Грешник уже одобрен, — сразу забежал наперёд Ангел.

— Наш Аграил? — удивился Лукавый. — Одобрен вашим фраером?

— Индульгенция уже выписана, — кивнул Ангел.

— Ишь, быстрые дяди какие! — оценивающе покачал головой Лукавый. — Вот только не пойму нафига он вам... На покаяние раскрутить хотите?

— Это не относится к вопросу...

— Ну, хорошо — это было первое условие, — сказал Лукавый и тут же коварно сощурившись, сказал: — А ты о ВТОРОМ условии не забыл? Признал ли наш Аграил своим господом ВОТ ЭТОГО, — он указал пальцем на фотку Иисуса, что была присобачена к висящей на входной двери мишени «дартс».

— Это формальность... — сказал второй. — Признание не занимает долгого времени.

— Цыплятки, вы тупые или прикалываетесь? — удивлённо воскликнул Лукавый. — Что значит «не занимает долгого времени»? Неужели вы думаете, что наш сотрудник признает вашего шефа?

— Обычно все грешники признают, — пожал плечами ангел.

— Мозгами шевельни, дубина! — Лукавый покрутил кончиком хвоста у своего виска. — У вас тут ПРАВЕДНИЦА от Рая отрекается, а вы надеетесь, что наш Аграил согласится!

— Он уже столкнулся с вашей Гееной Огненной, — сказал Ангел. — Обычно большинство грешников после этого желает попасть в Царствие...

— Ну, мало ли что БОЛЬШИНСТВО желает, — лениво потянулся Лукавый, начиная уставать от затянувшегося разговора. — Вы лучше его самого спросите, тогда и поговорим. Позвать?

Ангелы переглянулись. Не дожидаясь их ответа, Лукавый нажал на кнопку вызова, сказав в микрофон: «Аграил, найди в кабинет!».

— «Найди»? — удивлённо спросил один из Ангелов. — Он САМ найдёт, его не приведут?

— Ага, — кивнул Лукавый.

Сотрудник зашел через пару минут. На самом деле парнем назвать его было трудно — не такой уж и молодой, как могло показаться из разговоров. На вид лет под тридцать ему было точно, хотя даже это мало о чём говорило — те, кого не отправляли в топку или на прозябание, в послесмертии вскоре становились такими, какими бы они себя хотели видеть. Лицо же сотрудника было совсем иным, нежели у других усопших — глаза горели углями, цвет кожи приобрёл характерный красноватый оттенок, на лбу уже начинали набухать две шишки, возвещая о скором появлении рожек. Принят на работу, одним словом.

— Заходи, Аграил, заходи! — позвал Лукавый. — Присаживайся! — он прищёлкнул пальцами, и второе кресло возникло из вспыхнувшего перед столом пламени.

— Благодарю, — кивнул Аграил, присаживаясь.

— Как работается? — мимоходом поинтересовался Лукавый. — С коллективом проблем не возникает?

— Пока нет, — ответил Аграил. — Осваиваюсь.

— Это хорошо... — одобрительно кивнул Лукавый. — Ты горячую магму, кстати, будешь?

— Нет, благодарю, — отказался Аграил. — Только что пил, — он посмотрел на Ангелов. — А что здесь случилось?

— Да, есть тут одна проблемка, — сказал Лукавый. — Без тебя вот никак разрешить не можем... — он показал Аграилу личное дело свежедоставленной праведницы. — На, вот с этим в начале ознакомься.

Аграил стал внимательно читать.

— Это что? — спросил он, подняв голову. — Моя мать?

— Мать, — кивнул Лукавый. — Суть написанного понимаешь?

— Меня в Царствие, а её сюда? — удивился Аграил.

— Именно... — опять кивнул Лукавый. — Как тебе такой вариант?

— Вы что, издеваетесь?! — Аграил глядел на шефа ошалелыми глазами. — ЗА ЧТО меня туда высылают? Что я сделал?!

— Да не высылает тебя туда никто, успокойся! — угомонил его Лукавый. — Тут немного другое... Вот спроси у этих гавриков, — он указал в сторону Ангелов.

— Матвеев Виктор Сергеевич, — сразу обратился к нему один из Ангелов, когда тот повернулся в его сторону.

— Аграил, — холодно поправил его сотрудник.

— Виктор, — назвал его второй Ангел. — Это ваше настоящее имя...

— Было когда-то, — кивнул сотрудник.

— Оно и теперь ваше...

— Теперь моё имя Аграил! — повысил голос сотрудник. — Говорите, чего вам от меня надо!

— Моя школа, — ехидно тем временем подмигнул Секретарше Лукавый.

— Организация «Царствие Небесное» в лице Господа нашего Иисуса Христа настаивает на обмене вас и вашей

матери, — сказал Аграилу Ангел.

— Поясни причины, слуга божий! — потребовал Аграил.

— Отречение Матвеевой Анны от Царствия Небесного, — сказал Ангел.

— Что? — удивился Аграил. — Она же всю жизнь верила...

— Вы можете поговорить с ней сами, — сказал Ангел.

— В вашем «Царствии», я полагаю? — Аграил прищурился.

— Прямо здесь... — отрицательно качнул головой Ангел.

— ЧТО? — вновь изумился Аграил. — ЗДЕСЬ?

— Мы доставили её прямо к вам, — кивнул Ангел.

— В Геену?

— Было слишком поздно что-либо менять, — ответил первый Ангел, отходя в сторону и открывая взору кресло с женщиной.

Он коснулся её плеча, и женщина пробудилась.

— Отпустите сына, — первое, что она сказала, были старые слова.

— Анна, вы можете с ним поговорить, — сказал Ангел.

— Отпустите... моего сына, — глядя на Аграила, сказала женщина.

— Мама? — огонь в глазах сотрудника слегка потускнел.

— Отпустите... — продолжила женщина.

— Мама, это я... Агра... то есть Виктор, — он исправился, вспомнив, что мать толком и не знает его нового имени.

— Витя? — так вдруг оторопела. — Сын... СЫНОК!!!

— А ведь сразу не узнала, — с кривой ухмылкой шепнул Секретарше Лукавый. — Пусть потом попробуют мне эти «цыплятки белокрылые», — он указал на Ангелов, — грузить всякую туфту про «материнское сердце»...

— ВИТЯ! СЫНОК! — мать ринулась к сыну. — ВИТЕНЬКА!!!

Она буквально вцепилась в сына, Аграил, впрочем, тоже приобнял её одной рукой.

— Зачем ты здесь? — холодно спросил он.

— Что они... — мать с ужасом глядела на новую сыновнюю внешность. — ЧТО они с тобой сделали?

— Ты об этом? — он шевельнул когтистыми пальцами второй руки. — Это облик мой новый...

— Что они сделали? ЧТО они сделали?.. — словно не слыша сына, говорила мать, заливаясь слезами.

— Перестань! — не выдержал Аграил. — Хватит плакать!

Говорил он спокойно, но было видно, что сопливая сцена его раздражает.

— Витя, сынок! — всхлипывала мать.

— Хватит, говорю! — вновь сказал Аграил. — Лучше расскажи, зачем ты здесь!

— Я пришла за тобой... — прошептала женщина.

— За мной? — сказал Аграил. — Что за глупости?

— За тобой, Витенька, за тобой! — она поглядела на Ангелов. — Они заберут отсюда твою душу...

— Это куда? — тон Аграила вдруг стал вкрадчивым. — В Царствие, что ли?

— В Царствие Небесное, Витенька! — закивала та. — Заберут в Небесное Царствие прочь из Геены Огненной!

— Прямо-таки возьмут и заберут, — сын посмотрел на Агнелов и добавил: — Ну, что ж — пусть попытаются! — глаза его вновь запылали ярким пламенем.

— Парень! — хотел было осадить его один из Ангелов. — Не создавай конфликтов!

— Будете пытаться или нет? — поинтересовался Аграил.

Лукавый хихикнул.

— Успокойся, парень, — сказал Ангел. — Речь идёт вовсе не о силовом изъятии сотрудников. Ты должен согласиться добровольно!

— Кому это я такое «должен»? — поинтересовался у него Аграил.

— Ну, хотя бы матери своей, — сказал вдруг Ангел. — Она ведь ради тебя пожертвовала...

— Пожертвовала чем? — спросил Аграил.

— Своим местом в Царствии...

— Ты и вправду это сделала? — он повернулся к матери.

— Правда, Витенька, правда! — заговорила она. — Отправляйся в вечный покой, закончились твои муки!

— О каких муках ты говоришь?! — воскликнул Аграил. — И ЧТО меня ждёт в вашем Царствии за исключением «вечного покоя»?

— Вечный покой, сынок, — она по-прежнему его словно не слышала. — Вечный покой и конец мукам...

— А нужен ли мне этот «вечный покой»? — риторически спросил Аграил с задумчивым видом.

— Ты что, Витенька? — в голосе матери появилась

тревога. — Покой всем нужен...

— Ты в этом уверена? — вкрадчиво спросил Аграил.

— Покой всем нужен, Витенька... — растерянно пролепетала мать, и тут её вдруг сорвало на истеричное рыдание: — ГОСПОДИ, НУ ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ ДЕЛАЕТСЯ?! ВИТЯ!!! СЫНОК!!!

— Виктор! — окликнул один из Ангелов. — Что ты делаешь?!

— Тебя что-то смущает, слуга божий? — посмотрел на него Аграил.

— Как вы поступаете с матерью? — сказал второй.

— А как ВЫ с ней поступаете? — спросил в ответ Аграил. — Зачем устроили этот спектакль? И зачем привели её в Геену?

— Она сама решила... — сказал Ангел.

— Решила уйти от того, к чему стремилась всю жизнь? — удивился Аграил. — Не смешите меня!

— Она это САМА сделала ради ВАС! — сказал Ангел.

— Просил ли я её об этом? — задал вопрос Аграил.

— Вы должны быть благодарны ей! — подхватил второй Ангел.

— Благодарен за что? — воскликнул Аграил. — За то, что совершила необдуманый поступок?

— Она желает вам добра! — настоял Ангел.

— КАКОГО добра, если не секрет? — вновь вкрадчиво произнёс Аграил.

— Добро ЕДИНО! — сказал Ангел. — Вошедший в Царствие Небе...

— Так, цыплятки! Попрошу без проповедей, — вдруг резко оборвал Ангелов, до сей поры не мешавший разговору Лукавый. — Попсу мы вашу слышали сотни раз, так что избавьте от неё наши уши.

— Мы ДОЛЖНЫ донести до него СЛОВО! — запротестовал Ангел.

— Слово я ваше знаю, — на сей раз ангелам ответил Аграил. — Не пытайтесь проповедовать, я всё равно не уйду с вами в Царствие!

— Ты отказываешься от спасения? — спросил Ангел.

— От чего вы меня спасаешь, слуга божий? — любопытно спросил Аграил.

— От Геены Огненной... — ответил Ангел.

Сперва глаза Аграила вспыхнули изумлением, потом он поглядел на Лукавого и его Секретаршу, словно хотел спросить: «Вы это слышали?». А затем вся троица — Лукавый, Аграил и Секретарша — залились громким хохотом.

— Витя, сынок, ты ли это... — чуть ли не кусая локти, шептала мать.

— Слуги божьи! — громогласно сказал Аграил Ангелам. — Геена — МОЙ ДОМ! Я НИКУДА не уйду отсюда!

Ангелы молча отступили — вопрос был закрыт.

— Витя, почему? — не понимала мать.

— Я изменился, мама, — холодно сказал Аграил. — Давно изменился... Ещё на Земле. Ты просто не наблюдала за этими переменами.

— Что вы сделали с моим сыном? Что? — она глянула на Лукавого и его Секретаршу.

— Ничего, — развёл Лукавый когтистыми лапами. — Сын ваш САМ выбрал этот Путь.

— Умоляю, спасите его... Заберите его в Царствие... — кинулась она к ангелам. — Разве вы не видите, что с ним здесь происходит?

— Право собственности, — понутив голову, тихо сказал один из Ангелов. — Оно не соблюдено.

— Рад, что вы заметили, цыплятки! — чётко услышав фразу, сказал им Лукавый. — Я ведь сразу говорил, что НЕ БЫВАТЬ нашим сотрудникам вашей собственностью!

— Прощу! Спасите его! — продолжала мать умолять Ангелов. — Заберите! Унесите!

— Нельзя, — покачал головой ангел. — Он не хочет.

— Разве вы не видите, что он НЕ ПОНИМАЕТ?! — залилась истерикой женщина. — НЕ ВИДИТ! НЕ ВЕДАЕТ, ЧТО ГОВОРИТ!

— Нельзя, — опять покачал головой Ангел. — Нельзя.

— Господь! — тряслась женщина. — Господь милостив!!! Почему он не вмешается? ПОЧЕМУ?!

— Пусть только сунется, — хлебнув горячей магмы, Лукавый отправил валявшийся среди рабочего барахла игровой дротик прямо в центр приклеенной на мишени «дартс» фотографии.

В глазах Ангелов мелькнуло недовольство, но им пришлось сдержаться — время Армагеддона ещё не наступило.

— Сынок! — женщина повернулась к Аграилу. — Слышишь ли ты?! Опомнись!

— Я своё слово сказал! — ответил Аграил. — Ты всю жизнь желала попасть в Царствие — ты своего добилась... Это твой Путь.

— А как же ты, сынок? Как ты можешь?.. Что ты с собой делаешь?

— У меня другой Путь, — сказал Аграил. — Я следую ему, и никто не вправе принуждать меня его менять.

— Я столько времени... — запинаясь, говорила женщина. — Я молилась за тебя... Я ушла из Царствия...

— Ты ещё можешь вернуться, — сказал Аграил. — Ведь я не собираюсь занимать там твоё место.

— Вернуться? Без тебя?

— Это твой Путь... — повторил сын.

— А что, «покой» можно назвать «путём»? — с ухмылкой поинтересовался Лукавый.

— Околдован! — вдруг ринулась женщина назад к ангелам. — Он ОКОЛДОВАН! Вы не понимаете? Или... — глаза её совсем вдруг округлились. — Или это НЕ МОЙ СЫН! ВЫ ПОДМЕНИЛИ ЕГО!

— Ну всё, понеслось говно по трубам, — вздохнул Лукавый.

— Эти рога... — дрожащими пальцами женщина указывала на Аграила. — Эти глаза, эта красная кожа... ГДЕ МОЙ НАСТОЯЩИЙ СЫН?!

— Виктор... — сказал один из Ангелов.

— Не начинай! — осадил Аграил.

— Сынок, я не уйду без тебя! — говорила женщина. — Я остаюсь! Я буду страдать вместе с тобой!

— Снова сынком называет, — заметил Лукавый. — А ведь совсем недавно говорила, что мы его подмелили.

— Возвращайся в своё Царствие, — покачал головой Аграил. — Там твоё место...

— Я не уйду! Мне не нужен господь, который не смог спасти душу моего сына. Я остаюсь!

— Ты хоть знаешь, что ожидает тебя ЗДЕСЬ? — спросил сын.

— Муки, страдания! Всё, что угодно! — говорила женщина. — Пусть хоть рога с хвостом приделают...

— Кто тебе их даст, дурёха? — засмеялся Лукавый со своего кресла.

— Анна, вы не понимаете, что творите! — начал было Ангел, но женщина вдруг резко от него отмахнулась.

— Мне НЕ НУЖЕН ваш господь! Мне нужен СЫН! Мы будем гореть ВМЕСТЕ! — голос Анны сорвался на истеричный хрип.

— Вместе вам как раз и не гореть... — покачал головой Лукавый.

— Анна, это ваше последнее слово? — спросил Ангел.

— Я ОТРЕКАЮСЬ от вашего БОГА! — прохрипела женщина. — ОТРЕКАЮСЬ!!!

Ангелы горько переглянулись, и отошли к двери.

— Отчёт о случившемся когда забрать? — спросил один из них у Лукавого.

— Факсом вышлю прямо в ваше Царствие, — ответил Лукавый. — А сегодня, цыплятки, можете быть свободны. Разберёмся и без вас...

Бросив последний взгляд на женщину, Ангелы покинули кабинет.

— Изеньке привет! — крикнул вдогонку Лукавый, запустив при этом ещё один дротик в Иисусову фотку.

— Мы будем гореть... будем гореть... вместе... — обрывками фраз шептала женщина.

— Я пойду, — коротко сказал Аграил. — Мне не хотелось бы присутствовать при оформлении...

— Даже не прощаетесь? — удивился Лукавый.

Аграил остановился в раздумье. Затем повернулся к женщине.

— Прощай, мама, — холодно сказал он, кивнув ей напоследок.

— Прощай? — непонимающе посмотрела на него женщина. — А гореть?.. Вместе гореть...

Ничего не говоря, Аграил покинул комнату.

— Я молилась за него, — шептала женщина. — Молилась...

— Ты не потрудились узнать самого главного, — сказал ей Лукавый. — Даже не осведомилась, нуждается ли он в твоих молитвах!

— Молилась... — не слушая, шептала мать.

Документ был оформлен быстро. В отличии от остальных грешников, женщина даже не кричала, когда её под руки уводили два качка-охранника — только таращилась по стонам заплаканными, ничего не понимающими глазами.

— Сейчас затопят, — Лукавый потрогал ещё не успевшую нагреться батарею.

— Почему Аграил даже не попытался за неё заступиться? — с интересом спросила секретарша. — Ведь бывшим смертным свойственно чувство привязанности.

— Не всем, — отрицательно качнул головой Лукавый. — За это я и люблю нашего Аграила! — взяв Секретаршу за руки, Лукавый кивком головы поманил её в соседнюю комнату. — Идём, милая, я тебе ещё один костюмчик покажу...

Профессор

— Что, страшно? — любопытствовал Лукавый у напряжённого с ног до головы немолодого мужчины.

— Страшно... — честно признался тот, с неподдельной тревогой продолжая изучать глазами восседавшего за письменным столом хозяина кабинета.

— Ну, это понятное дело, — усмехнулся Лукавый. — Большинство усопших всегда пугается, когда попадают в это кресло, — он указал на кресло грешника. — Кричат, что это ошибка, просят, чтобы их отпустили...

— Да я, признаться, не столько из-за пыток... — тихо сказал мужчина. — Просто как-то непривычно это всё, и... удивительно, — он неуверенно поднял глаза, оглядев кабинет. — Всё равно, что странный сон... или галлюцинация... Так и хочется попросить, чтобы кто-то ущипнул.

— Хочешь, я ущипну? — словно краб клешнёй, Лукавый прищелкнул остро отточенными когтями большого и указательного пальца.

— Вы знаете, я всё-таки повременю пока... — вежливо отказался человек, поглядев на внушительные лапищи Лукавого. — У меня ведь, насколько я понимаю, ещё всё впереди, верно?

— Ну, это смотря что под «всем» понимать, — Лукавый листнул ведомость. — Сейчас дело твоё разберём, и тогда будем решать...

— А разве у меня есть шанс? — безо всякой надежды в голосе спросил мужчина. — Я ведь и в бога-то не верил никогда...

— А в этом как раз нет ничего страшного, — сказал Лукавый. — Я, например, тоже в него не верю — неперспективный старикан.

— Да я не в этом смысле, — замялся человек. — Просто думал, что эта загробная жизнь... Ад, Рай, демоны с ангелами... Что это всё лишь выдумки.

— Ладно, не объясняй, понимаю, о чём ты, — приостановил его Лукавый. — Дело вот сейчас прочту, и тогда продолжим, — он привычным беглым взглядом прочесал текст ведомости. — Николаев Геннадий Иванович, значит?

— Это я, — соглашаясь, кивнул человек.

— Физик-ядерщик! — оценивающе глянул Лукавый. — Уважаю!

— Меня? — удивился человек.

— А что, ты ещё кого-то видишь в этой комнате? — спросил его Лукавый.

— Вас ещё вижу... — несмело усмехнувшись, сказал Николаев.

— Смотри ты — подловил! — в шутку погрозил когтистым пальцем Лукавый. — За это вдвойне уважаю... Как и себя, впрочем.

Он снова листнул ведомость, чиркая что-то паркером.

— Старая гвардия, как я погляжу, — он опять поднял глаза на грешника. — Хотя и не без загонов...

— Не без загонов? Вы о чем? — осмелился поинтересоваться человек.

— Об идеологии вашей, — мимоходом ответил Лукавый, что-то отмечая у себя в журнале.

— Идеологии?

— Да говно это ваше «всеобщее равенство», — пояснил Лукавый, не отрываясь от работы. — И «светлое будущее» тоже говно...

— Почему? — непонимающе спросил Николаев.

— Апотомучтонебываетабсолютноравныхлюдей, — Лукавый закончил писать, и теперь, отложив ручку, поднял свои горящие глаза на грешника. — И всеобщего блага тоже не бывает! Что грузину хорошо, то ишаку — больно! Вот и для кого, спрашивается, светлое будущее строили? Для ВСЕХ? Не выйдет! Кого-то всё равно в расход пустить придётся... — он прищурился и добавил: — Адольф, кстати, в этом плане

честнее был. И сидя предо мной на этом стуле, — Лукавый указал на стул грешника, — не отрицал того, о чем я тебе сейчас говорю... За это, в принципе, и работает теперь у меня в достаточно хорошем отделе.

— Адольф? — выпучился Николаев.

— Адольф, — кивнул Лукавый. — Ну, да это не важно! Отвлеклись мы!

— Я и сам в своих идеях сомневаться начал, — вздохнул человек. — После развала моей страны, на её руинах ТАКОЕ твориться начало... Чёрт знает что.

— Знаю что! — соглашаясь, кивнул польщённый Лукавый. — Перемены твориться начали, вот и все дела...

— Перемены... — опять вздохнул человек. — В лучшую ли сторону?

— А никто и не обещает, что перемены происходят всегда к лучшему, — ответил Лукавый. — У меня вон, например, тоже в последнее время качество топлива испортилось — от одних только калдырей-растаманов такой кумар в топке стоит, что кочегары иногда хихикать начинают. А всё из-за грёбанного легалайза наркоты...

— А вы бы их не жгли, — предложил Николаев.

— Пытались не жечь — на компост сплавляли, — ответил Лукавый. — Но из этого компоста, почему-то, одна только конопля прорастает... Ещё пытались живьём скармливать нашим Церберам, так тем почему-то тоже такая пища не нравится — принципиально не жрут всякую дрянь.

— А если перевоспитать попробовать? — предложил Николаев.

— Ты что, совсем крышей поехал? — повысил голос Лукавый. — Ты мне тут ещё клиники по реабилитации даунов открыть предложи! — он по привычке сплюнул в пепельницу, отчего она вспыхнула синим пламенем.

— Вы извините, я просто подумал... — оправдываясь, пожал плечами человек.

— У нас тут серьёзное предприятие, на котором никто не нянчится со всяким быдлом! — произнёс Лукавый, с досадой оглядывая то, что осталось от расплавленной пепельницы. — Сейчас вот подумываем начать установку биореакторов, может тогда попроще с колдырями будет...

— Да-да, я просто забыл, где нахожусь, — закивал человек,

и, вздохнув, добавил: — А вообще грустно всё это...

— Что именно? — поинтересовался Лукавый, жаром дыхнув на пепельницу, отчего та вновь поплыла и стала как пластилиновая. — Что колдырей не щадим, или что страна твоя развалилась?

— Да и то и другое, — вздохнул человек. — Мы ведь когда-то верили, что настанет то самое «светлое будущее». Мы трудились, стремились к нему. А в итоге...

— А в итоге наплодили детишек, которые теперь и близко не стоят рядом с вами, — подытожил Лукавый, придавая пластичной пепельнице её прежний вид. — Верят ли они в то, во что верили вы?

— Телевидение испортило их, — вздохнул человек.

— Да брось ты пургу гнать, на вид не дурак вроде, — осадил его Лукавый. — Что ты имеешь против вашего земного телевидения?

— А ещё музыка и эти... игры компьютерные... — добавил человек.

— Тебя послушать, так самое время ваши телики с компами из окон выбрасывать, — засмеялся Лукавый. — А ещё «прогрессором» себя называешь...

— Я? — удивлённо поглядел на Лукавого грешник.

— Ты! — кивнул Лукавый, показывая грешнику его личное дело. — Вон видишь — было пару раз за твою жизнь! И не важно, в шутку, или всерьёз ты это говорил!

— Я ведь говорил о науке, — пожал плечами человек.

— Ну, так наука и на быт отпечаток накладывает, — сказал Лукавый. — Или ты думаешь, что только ракеты и электростанции возводить надо?

— Нет, конечно... — ответил человек.

— Не наука! Идеология — вот что влияет на умы! — сказал Лукавый. — А телевидение — это лишь инструмент. В своё время и без него обходились — в средневековье, например.

— Но тогда ведь не было такой молодёжи...

— Такой не было — другая была, — сказал Лукавый. — Те «божьи овечки» — вообще рвотный порошок... Ладно, проехали! Давай дело твоё разбирать. А то заговорился тут с тобой не по теме.

— Давайте, — пожал плечами человек.

— В общем, вот, что я тебе скажу, Николаев... — Лукавый

ещё раз глянул ведомость. — Некрещённый ты у нас — это нормально. Клеймо овечье здесь никому не надо. Атеист, понятное дело. Отношение к религии в целом негативное. А ещё твоя тяга к познанию — это ведь заклятый враг всякой слепой веры! В общем, понимаю, почему небесный фраер не захотел принимать тебя.

— Жечь будете? — человек вздохнул.

— А вот это мы сейчас и решим, — сказал Лукавый. — Ты ведь не просто человек науки, насколько я понимаю, — он пристально поглядел на Николаева. — Ради чего ты ей занимался?

— Что значит «ради чего»? — не понял тот.

— Славы, денег хотел, или «светлого будущего»?

— Мне просто нравилось... — пожал плечами Николаев.

— Честный ответ, — сказал Лукавый. — Всё как в ведомости.

— Что вы этим хотите сказать? — не понял грешник.

— Знаешь, Николаев, я бы мог предложить тебе неплохую альтернативу, — сказал Лукавый.

— Альтернативу?

— Я бы мог определить тебя в один из наших отделов, раз уж ты так «эдемские яблочки» любишь...

— Какие такие «эдемские яблочки»?

— О Плоде Познаний слышал когда-нибудь? — спросил Лукавый. — Это как раз тот, что наш Змей вашим прародителям предлагал.

— Я что-то слышал об этой истории с Адамом и Евой... Но знаете, как-то поверхностно, — ответил Николаев. — Не то окружение было в молодые годы... Религия, знаете ли, была не в моде.

— Понимаю, — кивнул Лукавый. — Но сейчас мы о другом немного — дело в том, что в некоторых из вас — я имею ввиду людей, если ты не понял — до сих пор струится тот самый сок от Плода. В вашей крови...

— В крови?

— Ну да! — кивнул Лукавый. — А это, знаешь ли, у нас очень даже ценится!

— Правда, что ли?

— Конечно!

— То есть вы меня не накажете? — изумлённо спросил грешник.

— Я уже сказал — вместо этого я тебе могу предложить неплохую работу в одном из наших отделов, — напомнил Лукавый. — Будешь изучать свойства нового для тебя загробного мира. Силами стихий управлять научим, био-реакторы нам отладить сможешь, а ещё примешь участие в очень-таки интересных проектах.

— В проектах? — всё с той же неуверенностью спросил Николаев. — У вас тоже что-то разрабатывают?

— Ну, видишь ли, — сказал Лукавый. — Гонка вооружений и здесь проходит. У нас, если ты не в курсе, одна горяченькая вещица намечается. Армагеддоном зовётся.

— Тоже что-то слышал... — всё так же неуверенно сказал Николаев.

— Конец света, по-вашему, — пояснил ему Лукавый. — У нас ведь с Царствием свои счета незакрытые остались. «Холодная война» уже несколько тысячелетий длится.

— Конец света... — неуверенно пробормотал Николаев. — Всё уничтожите?

— Ну, не совсем уж и всё, — ответил Лукавый. — Главная цель — уничтожить противника. А уж потом — начнём свой мир отстраивать.

— Так вы хотите подключить меня к разработке вашего оружия? — полюбопытствовал Николаев. — А я справлюсь?

— Первое время будет тяжело, — сказал Лукавый. — Наше оружие — не ровня оружию смертных. Но со временем втянешься. Хорошие кадры нам нужны!

— Оружие... — как-то совсем тихо ответил учёный. — Чтобы уничтожить «царство»?

— Царствие, — поправил Лукавый.

— А это Царствие... Это что?

— Раем многие называют, — устало сказал Лукавый, поражаясь непросвещённости Николаева в вопросах религии.

— Это там, куда «хороших» отправляют?

— Это куда отправляют «АГНЦЕВ БОЖЬИХ», — терпеливо разжевал Лукавый. — Овечек тупых, что от фраера тамошнего не в себя прутся! Что ещё непонятно?

— А те, кто туда попал? — спросил Николаев. — Что будет с ними?

— Если в час Армагеддона под горячую руку попадут, то ничего хорошего им не светит, — ответил Лукавый. — А уж

если победим, то потом и разберёмся что кому.

— У меня бабка была верующей... — сказал грешник.

— Ты это к чему?

— Она сейчас там?

— Сейчас проверим. — Лукавый прощелкал на компе базу Мироздания, найдя там самого Николаева и глянув вкладку «родственники». — Ага! В Царствии... Тебя это расстраивает?

— Вы предлагаете мне предать родственников?

— Послушай, Николаев, — сказал Лукавый. — Главного ты пока ещё от меня не услышал. Так слушай же теперь! — он слегка подался вперёд, словно хотел потянуться через весь стол к Николаеву, и чётко произнёс: — Для того, чтобы у нас работать, тебе придётся ОТКАЗАТЬСЯ от своей человечности. Никакого гуманизма! Никакой привязанности! Понимаешь, о чём я?

— Отказаться? — Николаев изменился в лице.

— Твоя неуверенность и скованность — всё это временно! — сказал Лукавый. — На это я могу ещё закрыть глаза, потому как в области точных наук ты отлично себя проявил! Даже наш сотрудник Аграил не силён в этой области! Но вот что касается любви и сострадания к людям — этого нам здесь не надо.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите... — сказал Николаев.

— Для начала просто подготовь себя к тому, что тебе придётся позабыть своих родственников, — сказал Лукавый. — Возможно, тебе даже придётся застать здесь своих детей. Если не проснётся привязанность — считай, первый шаг сделан.

— Мои дети?! — воскликнул Николаев. — Они здесь при чём?

— Мы тут о молодёжи современной говорили, — ответил Лукавый. — Так вот вспомнилась мне одна поговорка — «на детях гениев природа отдыхает».

— Вы что — оскорбить пытаетесь?! — от скованности Николаева не осталось и следа.

— Вовсе нет, — покачал головой Лукавый. — Просто, если посмотреть по Базе — так у них не самые лучшие прогнозы. А младший — так тот вообще ганжу вовсю дует! Это ведь как раз к нашему с тобой разговору о наркоманах.

— Врёшь! — вскричал Николаев, вскочив со стула.

— Тихо-тихо! — осадил его Лукавый. — Я ведь и обидеться могу. А тогда уж и работы тебе не дам, и в топку наряду с обычным топливом отправлю.

— Не боюсь! — воскликнул Николаев. — Не боюсь, делай что хочешь!

— Надо будет — сделаю! — сказал Лукавый. — Но ты всё-таки присядь, я ведь пока нормально с тобой разговариваю...

— То, что вы сказали... — взяв себя в руки Николаев, опустился в кресло. — Это всё правда?

— Про детей? — переспросил Лукавый. — Конечно, правда. Чего мне врать?

— И они попадут... к вам?

— С большой вероятностью, — кивнул Лукавый.

— И вы их... того? — Николаев недоговорил.

— Ну, а что им ещё здесь делать?

— Под мою опеку оставьте! — вдруг предложил Николаев.

— Ну, ты головой подумай! — фыркнул Лукавый. — Во-первых — какая там будет опека, когда они сюда попадут? Далеко уже не малышами придут в послесмертие! Думаешь, станут тебя слушать?

Николаев молчал.

— Во-вторых, — продолжил Лукавый. — Даже если бы ты их и пригрел, то это УЖЕ было бы нарушением устава. Засорение Геены Огненной! Никчёмный человеческий ресурс должен уничтожаться или находить себе хоть какое-то применение. Вот мы, кстати, пытаемся совместить первое со вторым — ненужных индивидов варим на мясо, жжём как топливо, на компост отправляем, опыты на них ставим, Церберам скармливаем, на военных полигонах используем в качестве мишеней...

— Ну а если отдать под ответственность сотрудника? — с надеждой спросил Николаев.

— Не положено! — мотнул головой Лукавый. — Если изменить устав — то не один ты такой будешь, загадят кандидаты Ад своими «домашними родственничками» — смотреть будет противно.

— Значит, нельзя? — спросил Николаев.

— Нет! — холодно ответил Лукавый.

Николаев помолчал, затем произнёс:

— А если я не согласен на такое?

— Тогда не примем, — ответил Лукавый.

— Вы знаете... — снова после небольшой паузы сказал Николаев. — Мне как-то говорили «нет ничего хуже, чем пережить своих детей»... — он вздохнул. — Вы же мне предлагаете именно это. Хотя и в послесмертии всё происходит... По-вашему, я должен согласиться?

— Всё зависит от того, разделяешь ли ты мнение человека, который говорил тебе эту фразу, — ответил Лукавый.

— Разделяю... — склонив голову, сказал Николаев.

— Значит ли это, что ты отказываешься? — спросил Лукавый.

— Да... — совсем тихо ответил грешник.

— Что ж... — сказал Лукавый. — Дело я твоё почти оформил, осталось отказ сюда внести...

— Вносите... — кивнул Николаев.

— Уверен, что не передумаешь? — пристально глянул на него Лукавый.

— Уверен! — ответил тот.

— Хорошо, оформлю, — кивнул Лукавый. — Вот только магмочки горячей хлебну, и потом уж завершу твой документ.

— Долго ждать? — поинтересовался Николаев.

— А ты торопишься? — с любопытством глянул на него Лукавый.

— К чему затягивать? — вздохнул грешник.

— Затягивать, конечно, не к чему, — ответил Лукавый, — но вот что я тебе скажу, — он достал из стола небольшую карточку и что-то быстро там написал, — иди, погуляй пока, на нашу Геену Огненную полюбуйся и подумай как следует. Может, ещё изменишь своё мнение. А это, — он протянул Николаеву карточку, — временный пропуск на предприятие. Держи!

Подмигнув, Лукавый указал Николаеву на дверь. Тот несмело подошёл к выходу из кабинета.

— А можно вопрос? — попросил он.

— Конечно, — сказал Лукавый. — Что интересует?

— Как дойти до вашей топки?

Несколько секунд Лукавый глядел на него молча. Николаев глядел в ответ и тоже молчал.

— Так сильно хочется? — спросил, наконец, Лукавый.

— Поскорей бы... — с горьким вздохом сказал Николаев.

— Спустишься на нижний этаж, потом от лифта направо, а там уже тебе подскажут, — произнёс Лукавый.

— Спасибо... — ответил Николаев.

— Да не от кого, — вздохнул Лукавый, проведя грешника взглядом.

Он хотел было вызвать секретаршу, но затем посмотрел на ведомость.

— Прямо сейчас и завершу, — сказал он сам себе, застрочив в документе ручкой. — Сам ведь мне говорил — «к чему затягивать?» Не стоит... Не нужно... Никакого гуманизма... Никакой привязанности... — он взял печать и поставил штамп. — Вот так! Теперь хорошо... Теперь всё как положено!

И только тогда он глянул на пульт, и нажал кнопку вызова Секретарши:

— Алло, милая? Зайди ко мне, будь так любезна!

Магдалена

— Покажи-ка мне это, детка! — сказал Лукавый, встав со своего кресла и вытянув внезапно удлинившиеся руки к шее грешницы.

— НЕТ! НЕТ! НЕ НАДО!!! — закатилась та испуганным визгом, закрывая шею руками. — НЕ ТРОГАЙТЕ!

— Да не верещи ты так! — осадил её Лукавый. — Я тебе что — граф Дракула? Думаешь, кусать собрался?

— Не надо... Не трогайте... — девушка уже не кричала, а умоляла и всхлипывала.

Лукавый бесцеремонно убрал её руки прочь.

— Ого! — впечатлился он, оглядев след от веревки. — Тут уж если бы и я был Дракулой, то побрезговал бы присасываться к такой борозде! Как-то аппетит отбивает...

— Отпустите... пожалуйста... Отпустите... — хныкала девушка.

— Да отпускаю, отпускаю, — фыркнул Лукавый. — Пищишь, словно тебе скальп снимать собралась.

— Не трогайте меня... Я больше не могу... — простонала девушка. — Всё что угодно, только не трогайте...

— Всё уже — не трогаю! Успокойся! — сказал Лукавый, опускаясь в кресло. — Просто очень уж хотелось данные

ведомости своими глазами увидеть — давно висельники не поступали, отвыкать даже начал...

— Я не могу... не могу больше...

— Тс-с-с, тихо! — приостановил её Лукавый, глядя ведомость. — Быстрова Светлана Николаевна, верно?

— Да... — девушка кивнула, кое-как пытаюсь взять себя в руки. — Что вы со мной будете делать?

— Да то же, что обычно с такими, как ты, делают, — ответил Лукавый.

— НЕТ! Я больше не могу! Я УБЬЮ СЕБЯ! Заколюсь! — взгляд девушки начал судорожно метаться по комнате в поисках каких-либо острых предметов.

— Расслабься, — сказал Лукавый. — Ты УЖЕ мертва. Да и потом — НЕ ТО мы будем делать, о чём ты подумала!

— Не то?

— Я сказал «с такими как ты» — имел ввиду бесполезных грешников, а не твоё оговариваемое в ведомости ремесло... Магдалена, блин... Тьфу! — Лукавый смерил её презрительным взглядом.

— Я больше не могу так... — опять заплакала грешница. — Я не хочу, не напоминайте...

— Не напоминать о чём? — поинтересовался Лукавый. — О том, что ты не одним сладёной жёванная конфетка?

— НУ ПОЖАЛУЙСТА! — мольба в голосе девушки усилилась.

— Послушай, кроха, — сказал Лукавый. — Ты тут плачь или не плачь, но дело твоё разбирать по-любому надо. Так что говорить будем ИМЕННО ОБ ЭТОМ, хочешь ты того или нет!

— Не хочу... — всхлипнула девушка.

— Ну, а чем быстрее поговорим, тем быстрее тема будет закрыта! — продолжил Лукавый.

— И вы не будете меня... трогать? — произнеся последнее слово, она сжала колени, обхватив их ладонями.

— Нафиг ты кому тут нужна! — фыркнул Лукавый, заметив её жест. — Мне больше интересна сама история, нежели то, что ты так усердно прячешь.

Девушка смотрела на него с недоумением.

— Вообще говоря, я сразу даже удивился, что ты голову в петлю сунула, — сказал ей Лукавый. — Такие, как ты,

обычно или таблетки глотают или руки лезвием полосуют...

— Почему? — как-то совсем тупо, после всей недавней истерики, задала вопрос девушка.

— Ну, видишь ли, — сказал Лукавый. — Удаться обычно пытаются те, кто **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** желает уйти в мир иной... Сегодня ведь столько позёров развелось, и не все хотят умереть по-настоящему!

— Я и вправду хотела умереть, — сказала девушка.

— Заметно, — кивнул Лукавый. — В самый последний момент с верёвкой куда труднее справиться! То ли дело таблетки — наглотался заведомо безопасной дряни, а потом, когда прочистят желудок, плачешься другу или подружке: «Ах, почему я ошибся? Почему таблетки оказались НЕ ТЕ?». Или с теми же венами — почиркаешь ручку лезвием, насажаешь себе шрамов, быстренько замотаешь, чтобы особо не брызгать, а потом, показывая сострадальцам эти шрамы, разгоняешь им о том, как фонтанчики из ран хуячили, и как в последний момент какой-то гад помешал тебе осуществить задуманное. Чего только не придумают ради того, чтобы их жалели и сопельки вытирали!

— Глупые какие... — тихо сказала девушка.

— А сама? — засмеялся Лукавый. — Думаешь, шибко умная?

— Не знаю, мне всё равно, — мотнула головой девушка.

— Всё равно? — Лукавый прищурился. — Стало быть, хотела умереть по-настоящему?

Девушка кивнула.

— А из-за чего, если не секрет? — поинтересовался Лукавый.

— А вам разве не всё равно? — подняла на него глаза девушка.

— Лично мне всё равно, — ответил Лукавый. — А вот ведомость дополнить надо. Не всё порой оговаривается в том, что мне приносят вместе со свежими усопшими.

— Я не могла больше терпеть, — сказала девушка.

— Терпеть что? — потребовал уточнений Лукавый.

— То, чем занималась, — прошептала девушка.

— Ты про панель? — любопытствовал Лукавый.

Девушка лишь зажмурила глаза, по щекам побежали свежие ручейки слёз.

— Угу, значит, про панель, — увидев её реакцию, кивнул Лукавый.

— Я не могла...

— Ну, так и не занималась бы, — заметил Лукавый, начав привычную писанину паркером.

— Я и думать не могла больше... Не могла вспоминать... — не размыкая век, выдавливала из себя девушка каждое слово.

— Зачем тогда начинала? — Лукавый листнул ведомость.

— Я не знала, как... — совсем тихо прошептала девушка.

— Что «не знала как»? — Лукавый на миг оторвался от документа.

— Не знала, как иначе...

— Заработать, что ли? — фыркнул Лукавый. — А то совсем уже способов нет?

— Нужно было срочно, — девушка закрыла лицо ладонями, попытавшись стереть ими струящуюся по щекам влагу. — **ОЧЕНЬ** срочно!

— Так сильно горело? На мобилу не хватало? — с издёвкой спросил Лукавый.

— Маме нужно было делать операцию! — девушку вновь сорвало на рыдание. — Срочно нужно было делать!

— Оп-паньки! — Лукавый аж присвистнул от услышанного. — Ещё одна «жертва во благо»! Сама невинность!

— Перестаньте! — сквозь слёзы простонала девушка.

— Так! Ладно! — Лукавый перешёл с ехидного тона на холодный. — Давай тогда дальше — нужна была операция. И ты решила заложить свою честь?

— Я хотела спасти маму... — всхлипнула девушка.

— Спасла? — поинтересовался Лукавый.

Девушка отрицательно мотнула головой:

— Не успела, — снова шёпотом сказала она.

— Понятно, — кивнул Лукавый, опять застрочив ручкой на бумаге.

— Она умерла... — добавила девушка. — Мне незачем было больше жить...

— Угу, жертва обстоятельств, так и запишем, — кивнул Лукавый, затем, подняв голову, сказал: — Вопрос хочу задать тебе, милая... Ты сама как — из верующих?

— Я молилась, — кивнула девушка.

— Молилась и зад свой подставляла, — пробормотал Лукавый.

— Пожалуйста, хватит! — опять заплакала девушка, услышав его слова.

— Да ладно тебе, не реви, — хвост Лукавого вынырнул с другой стороны стола, как раз там, где сидела девушка, и утешительно похлопал своим кончиком её по плечу. — Не реви, молчу ведь уже! — Лукавый хитро прищурился.

— Яхотеласпасти...— вновьвсхлипнуладевушка. — Хотела помочь...

— Дорогуша, а ты слышала когда-нибудь о таком понятии, как «достоинство»? — поинтересовался Лукавый.

— Я спасти хотела! — повторила девушка. — Я готова была ВСЁ отдать!

— И достоинство?

— Да...

— А мать твоя что на это говорила?

— Она не знала... — честно призналась девушка.

— Совсем не знала? — удивился Лукавый.

— Я НИЧЕГО ей не говорила, — ответила девушка.

— Совсем-совсем ничего?

— Совсем-совсем, — кивнула она.

— А вот как ты думаешь — одобрила бы она твой поступок или нет? — задал следующий вопрос Лукавый.

— Я не знаю... — пожала плечами девушка. — Но я хотела спасти!

— Извечный ваш вопрос, людишки... — вздохнул Лукавый. — Что для вас важнее — жизнь или честь?

Девушка молчала.

— И впрямь-таки Магдалена... — опять вздохнул Лукавый, продолжив писать ведомость.

Девушка по-прежнему молчала, а по её щекам продолжали катиться слёзы.

— Старый пердун в своём стиле, — негромко произнёс Лукавый, закончив писанину.

— Что? — девушка вдруг проявила интерес к его словам.

— Я говорю, что старый пердун в своём стиле, — повторил Лукавый. — Тут просто вот какая вещь получается — по всем признакам у тебя наблюдается классическая христианская жертва. Заботу о ближнем ты поставила превыше

собственного достоинства, а небесный фраер со своим сынулей-Изенькой, как известно, от этого просто кончают, — Лукавый отодвинул ведомость и подпёр голову руками, продолжая пояснять. — Ещё эта твоя вера и молитвы тоже сыграли некоторую роль. Короче, можно было бы считать, что место в Царствии у тебя есть, причём очень даже хорошее. Но вот в чём запарка — в самый последний момент ты накладываешь на себя руки, и все твои заслуги псу под хвост!

— Я не могла терпеть... — простонала девушка. — Мне незачем было больше жить...

— Ну, это уже нюансы, — сказал Лукавый. — Фишка основная в том, что фраер небесный перечеркнул все твои заслуги жирным церковным крестом. Вот я и говорю, что старый пердун в своём стиле.

Девушка опустила голову.

— Что со мной теперь будет? — спросила она.

— Понимаешь, — сказал Лукавый. — Соплей ты сегодня вылила столько, что и мучить тебя не охота — как-то настрой не тот. Но меры принять надо. Потому как оставлять тебя тоже нельзя — в дерьмо ты себя при жизни втоптала солидно, а у нас это ни на йоту не ценят!

— А если бы это была ВАША мать? — вдруг сказала девушка.

— Ну, во-первых, матери у меня нет и не было, — ответил Лукавый. — А во-вторых, если бы подобная ситуация и имела бы место быть, то тут уж я точно знаю — запятнанная честь принесла бы куда больше страданий нам обоим, нежели страдание от недуга или смерть близкого человека.

— Вы не понимаете... — прошептала девушка, тупо глядя перед собой.

— Тут и понимать нечего, — холодно ответил Лукавый, поставив штамп в ведомости. — За Быстровой зайдите, — сказал он в микрофон, нажав кнопку.

— Это всё? — тихо спросила девушка, следя за действиями Лукавого.

— Всё, — кивнул Лукавый. — Опрос твой окончен, и в скором времени ты уже не будешь думать о своём старом занятии. Правда, процедура не из приятных, но я думаю, для тебя это уже не важно. Ты ведь хотела прекратить существование.

— Без мамы незачем жить, — слабым кивком ответила девушка.

— А вообще знаешь — глупости вам, людишкам, не заниматься — если уж готова была себя в грязь втоптать, то могла бы и дождаться своей очереди в ваше грёбанное Царствие. Вдвоём тогда ты с матерью там бы тусили.

— Она... — девушка подняла на Лукавого взгляд, и глаза её вспыхнули огоньком надежды. — Вы говорите, она сейчас... ТАМ?

— А ты что думала — что я ей так же как и тебе мозги тут долбил?

— ОНА ТЕПЕРЬ ТАМ? ПОКЛЯНИТЕСЬ БОГОМ!

— А не пошла бы ты на хер! — Лукавый показал девушке коготь среднего пальца, и тут же картинно стусевался: — Ах да, совсем забыл — ты не любишь, когда тебе о профессии напоминают...

На этот раз девушка даже не обратила внимания на сказанную Лукавым колкость.

— Ну, пожалуйста! Поклянитесь хоть ЧЕМ-НИБУДЬ!

— Делать мне больше нечего, чем таким, как ты клятвы какие-то давать! — фыркнул Лукавый.

— Ну, хотя бы скажите, что это правда! — девушку трясло, она буквально преобразилась вся.

— Достала, слушай! — сказал Лукавый. — Ну да ладно — давай сюда иди! Добрый я сегодня, — он поманил её жестом.

В дверях в это время появились два качка-кочегара.

— Один момент! Мелкая заминка! — сказал им Лукавый, решив завершить начатое. — Вот смотри, — он усадил девушку за комп, показывая ей Базу, — это База Мироздания. Помимо инфы о мире смертных, в ней содержатся данные о нашей Геене и Небесном Царствии. Теперь смотрим, — он быстро набрал данные девушки, затем кликнул мышкой по родственникам. — Быстрова Елена Леонидовна. Твоя?

— Мама! — воскликнула девушка. — МАМА!

— Живёт себе в Царствии и недугом своим больше не мается!

— И не мучается?

— Да вроде ничего здесь про это не сказано. И чего ей, собственно, мучиться? Разве что из-за тебя, Магдалены эдакой... Но эта вроде как не шумит в отличие от некоторых, — он вспомнил мать Аграила.

— Спасибо вам! — вдруг воскликнула девушка. — СПАСИБО ВАМ!

— Я-то тут при чём? — удивился Лукавый.

— За то, что показали её! — трепетала девушка. — Теперь я вижу! Я знаю! С ней всё в порядке! Ей хорошо! Спасибо вам! — она вдруг вскочила из кресла, прильнула прямо к Лукавому, крепко его обняв и даже без всякого страха попытавшись поцеловать в щёку.

— Вон пошла! — грубо отпихнул он её, не позволив коснуться губами. — У меня костюм новый, я ванну принимал недавно!

— Спасибо вам, — совсем не обидевшись на грубость, она стояла рядом, глядя на него благодарными глазами. — Спасибо!

— Гуляй давай отсюда! — фыркнул Лукавый, выпроваживая её пренебрежительным жестом.

— Спасибо... — повторила счастливая девушка, отступая к двери.

— Альтруистка... — покачал головой Лукавый. — Альтруистка, коих ещё свет не видывал! — он всё-таки картинно усмехнулся и подмигнул ей напоследок, а затем, обратившись к рогатой охране, произнёс: — Жгите её, ребята.

Топильные

— Это что за херня? — Лукавый недовольно зыркнул сперва на молодую парочку, а потом на доставивших её рогатых конвоиров. — Вы ещё целый табор передо мной усадите! Почему очерёдность не соблюдаем?

— Одна надвоих ведомость! — пояснил один из охранников.

Денёк сегодня выдался на редкость паршивый, Лукавый устал и немного нервничал, поэтому приключившаяся глупость его ничуть не радовала.

— Хм. И в самом деле одна... — удивился Лукавый, посмотрев на документ, в котором шёл разбор полётов СРАЗУ ДВУХ грешников. — Ладно, ступайте, — отпустил он охранников. — Буду расхлёбывать эту баланду.

Он ещё раз оглядел парня с девушкой — бледные, с длинными темными волосами, губы у обоих чёрные, у девушки не менее чёрные тени на глазах и такой же лак на ногтях, у парня в нижней губе пирсинг.

— Могу поспорить, «Ворона» любите пересматривать, — довольно-таки нестандартно начал разговор Лукавый. — Нравится фильм?

Парочка не произнесла ни слова.

— Нравится или нет? — повысил голос Лукавый, одновременно листая ведомость.

Первым решился заговорить парень:

— Мы в Аду? — спросил он.

— Нет, бля, на программе «Розыгрыш», — шутливо огрызнулся Лукавый, но похоже, что парень воспринял агрессию всерьёз.

— Нестеров Олег Николаевич, Тимошенко Татьяна Валерьевна... — прочёл их имена Лукавый. — Хм. Даже не родственники. Чего ж вас в одну ведомость-то упекли? — он снова перелистнул документ и со скукой в голосе протянул: — Опя-я-ять... Как же я устал от вас, суицидники хреновы!

— Вы Дьявол? — снова спросил парень.

— Друзья зовут Лукавым, — мимоходом ответил Лукавый парню. — Но я сомневаюсь, что ты попадаешь под категорию друзей. Как ни зови — определять тебя по любому придётся.

— Вы только нас не разлучайте... — теперь уже подала свой тонкий голосок девчушка. — Если и пытаться, то...

— Оп-паньки! — перебил Лукавый, подняв на неё взгляд. — Прямо как в анекдоте: «и разгова-а-а-аривает!» Я уж думал, что ты глухонемая!

Слова Лукавого возымели обратный эффект — девочка заткнулась, не решаясь продолжить свою глубокую мысль.

— Так, — похоже, Лукавый отыскал в ведомости кое-что интересное. — Вдвоём, значит, при свечах вскрыли себе вены и, обнявшись, лежали в одной ванне? Хм... Из-за этого что ли и оформили вас в один документ?

— Жизнь ужасна и несправедлива... — произнёс парень.

— Мы хотели уйти вместе... — поддержала его девчушка.

— Вай-вай! — с издёвкой передразнил Лукавый. — Какие готичные красные слёзки и романтичные розовые сопельки! Заплачу сейчас!.. Вот только сигару выкурю и заплачу.

— Вы тоже к нам несправедливы! — возмутился парень. — Разве можно так жестоко издеваться над человеческими чувствами?

— Ну, раз издеваюсь, значит, можно, — сказал Лукавый. — Кто мне запретит?

— Вы ведь тоже одиноки... — тихо произнесла девушка.

— Я? — удивился Лукавый, острыми зубами обкусив кончик только что извлечённой из кармана сигары.

— Вы потеряли дом, вас свергнули с небес, в несчастьи пребывая, болью адскою томимый...

— Стоп! — осадил её Лукавый. — Во-первых, нет слова «свергнули». Есть «свергли». Во-вторых — это что же ты, своими творениями меня задавить решила?

Девушка опустила голову. Лукавый быстро прокликал Базу Мироздания.

— Ага! Есть! Есть в твоей биографии вкладка «творчество»! — сказал Лукавый. — А вот это, — он кликнул мышкой, открывая стих, — как раз то, что ты только что пыталась мне втюхать...

Готичный парень обнял девушку за плечи, а та прислонилась к его груди, пытаясь спрятать лицо.

Не обращая никакого внимания на расстроившуюся девушку, Лукавый зачитал:

«Твой дом утерян, сброшен ты с небес,
В несчастье пребываешь, болью адскою томимый,
И смысл бытия навек исчез,
Когда низвергнут был никем ты не любимый.

Когда лилась на имя твоё грязь,
Когда плевались злые иноверцы,
Струна любви в тебе оборвалась,
Жестокость завелась в разбитом сердце...»

Лукавый перестал читать, и в следующий же миг его классической жертвой стала многострадальная пепельница, куда он сплюнул с такой силой, что комнату озарила вспышка. Парень вздрогнул. Девушка резко повернула от его груди в сторону Лукавого заплаканное лицо и круглыми от ужаса глазами посмотрела на относительно маленький, но достаточно зловеще вздымающийся над останками пепельницы «ядерный грибочек».

— Это ты кому писала, если не секрет? — прищурился горящие глаза, спросил девушку Лукавый. — У какого такого бедолаги «жестокость завелась в РАЗБИТОМ СЕРДЦЕ»?

А «иноверцы» — это кто, если не секрет?

Девушка стала её бледнее, подбородок пару раз дрогнул, а парень сильнее прижал её к себе, начав успокаивающе гладить.

Лукавый тем временем зачитал продолжение:

«В душевных муках пребываешь ты один,
Навеки обделённый лаской и любовью,
Не можешь умереть, не встретишь ты седин,
И грех свой искупить не сможешь кровью...»

— Я сейчас в кого-то степлером кину, — вкрадчиво произнёс Лукавый, поворачивая голову от монитора к девушке.

Та по-прежнему не могла собраться, когда же ей это удалось, то она лишь пошевелила пересохшими губами, с которых упали совсем тихие еле различимые из-за внезапно пропавшего голоса слова:

— Вам... не... нравится?

— Чего там бормочешь? — картинно окликнул её Лукавый, словно и впрямь не услышал сказанного.

— Она же ДЛЯ ВАС это писала! — вступившись за подружку, с укоризной воскликнул парень. — Писала ДЛЯ ВАС! ПОЧЕМУ ВЫ ЕЁ ОБИЖАЕТЕ?!

— Ты, как я заметил, волосы и губы красишь, — сказал готичному парню Лукавый. — Так вот чего хочу спросить — ты не пидор случайно будешь?

— Что вы за существо? — ещё больше обиделся парень. — Откуда столько злобы?

— Я не с целью оскорбить, я серьёзно, — сказал Лукавый. — Ответь — «да» или «нет».

— Я люблю ЕЁ! — он погладил девушку. — ТОЛЬКО ЕЁ и никого больше!

— Значит, не пидор, — кивнул Лукавый. — А вот теперь представь, что ты такой весь из себя натурал, а я для тебя вдруг стих пишу, — не делая лишних пауз, Лукавый сразу выдал вольную импровизацию:

«В тоске унылой гредишь о парнях,
О гей-парадах, что шагают по Европе,
И в грёзах видишь, как целуют пидоры твой пах,
Мечтаешь ощутить упругий фаллос в...»

— ...ну, ты понял, да?

Повисла немая сцена. Казалось, что Лукавый вместо стиха произнёс заклятие, которое превратило парня в каменную статую. Тот сидел, глядя на хозяина офиса остекленевшими глазами. Рука его застыла на плече девушки. Сама же девушка и то проявила больше жизни — обеспокоено заглянула в лицо впавшего в ступор приятеля.

— Вы... — наконец выдавил одно слово парень.

— Ты расслабься! — сказал Лукавый. — Чего в такой ахуй выпал? Думаешь, я проклятие на тебя наслал, и тебя теперь на мальчиков потянет?

— Вы... зачем... — проговаривал парень.

— Это я в качестве иллюстрации тебе привёл, — сказал Лукавый. — Так и не понял, в чём фишка?

— Вам просто не понравились мои стихи? — тихо спросила девочка.

— Бинго! Умница! — Лукавый прищелкнул пальцами. — Наконец-то начинаешь понимать, в отличие от своего офигевшего дружка!

— Она... — парень начал таки связывать слова. — Она ведь не про гомиков вам писала...

— Не про гомиков... — покачал головой Лукавый. — Про меня она писала. Но, видишь ли, парень — слушать о том, что у меня «разбитое сердце» или «душевные муки» мне также нелестно, как и тебе про «упругий фаллос». Иными словами — слог, может, и хороший, но вот смысловая нагрузка... Понимаешь меня?

— Я обидела вас в своих стихах? — девушка теперь вдруг начала проявлять куда больше смелости, нежели парень. — Я не хотела...

— Понятное дело, что не хотела, — фыркнул Лукавый. — Ты ведь за всю свою жизнь обо мне ничего не знала. Думала, что мне приятно всё то же, что и вам. Фу! — он повернулся было к пепельнице, но заметив, что от неё и так остались одни лишь воспоминания, кое-как воздержался от плевка.

— Извините меня, я и вправду не знала, — склонила голову девушка. — Хотите — я другие стихи вам напишу? Хотите? Вы только скажите, какие... А я...

— Уф-ф-ф, детка, — вздохнул Лукавый. — Детка, детка,

детка, детка... — усталым и озадаченным тоном начал медленно повторять он, массируя себе виски. — Как же сложно бывает с такими, как ты, — он переглядел ведомость. — Вот так посмотришь — вроде бы и приятное мне хотела сделать. Время своё личное потратила. Отчасти я даже польщён таким вниманием, — он кивнул девочке. — Да и потом — не зверь я... Не каждого порой и хочется отправлять в топку... — он вздохнул и глянул на моник со стихом. — Но вот как считаешь такую хрень, так сразу противно становится.

Он вновь зачитал:

«Жестокость бога не сравнить с твоей,
Унылою навек останется картина,
Из всех сердец нет сердца холодей,
Того, что блудного простить не может сына...»

— Вот скажи, дорогая, это кого ты «сыном блудным» зовёшь? — спросил Лукавый. — Меня? Я, пожалуй, не стану тебе втирать о том, что Изенька официально считается ЕДИНСТВЕННЫМ сыном небесного фраера. Кроме того — с чего ты взяла, что я этим самым фраером был создан?

— А разве нет? — девушка поглядела с изумлением.

— Нудаладно, — проигнорировала её вопрос Лукавый. — Дело тут совсем в другом — может или не может ваш боженька простить мне мою политику — меня не волнует! А она, видите ли, пишет так, словно я серенады вашему божку пою, ожидая, что сейчас сбросит мне с неба веревочную лесенку.

Девушка вновь уткнулась лицом в свои ладони.

— Хватит! Перестаньте! — вновь вмешался парень, опять начав успокаивать девушку. — Она ведь предлагала вам другие стихи! Почему вы на неё сердитесь?

— Сержусь? — удивился Лукавый. — Было бы за что!

Парень стушевался, ожидая, что Лукавый всё-таки делает что-то ужасное. Но Лукавый лишь дотронулся вынырнувшим из-под стола хвостом к плечу девушки:

— Всё, успокойся. Не буду больше тебя чморить, Не плачь.

Девушка подняла лицо.

— Я всё, что захотите, напишу для вас... — сказала она.

— Верю, — кивнул Лукавый. — Симпатией пахнет. Плюсик тебе за это. Но проблема в том, что подсказать прошишь, — он вздохнул.

Девчушка молча его слушала.

— Но даже и не это главная проблема, — продолжил Лукавый. — А проблема в том, что ты и ДРУГИЕ стихи писала. Что, скажем, вот с этим делать? — он зачитал строки нового четверостишья:

«Страдания закончатся, муки уйдут,
Когда я ударюсь, упав камнем с крыши.
Прощусь с бранным телом, и ввысь понесут
Меня два крыла к тебе, Боже Всевышний...»

— Я думаю, что не стоит тебе лекцию прочитывать о загонах небесного фраера. — сказал Лукавый. — Ты ведь, детка, и сама теперь убедилась, что суицидников он не гребёт в своё стойло.

Девушка виновато кивнула.

— Но помимо этой твоей лажи, я ещё одного понять не могу, — раздвоенным змеиным языком он лизнул уже давно потухшую сигару, отчего та вновь загорелась. — Сначала ты бочку на боженьку катишь, а затем хочешь полететь к нему на крылышках. Это от чего, если не секрет? Прощения у него выпросить решила? А зачем тогда руки на себя накладывать — он же тебе за это «спасибо» не скажет.

— Просто у меня было такое настроение, — пожалала плечами девушка. — Мне просто хотелось написать это.

— Понятно, — вздохнул Лукавый. — Одним словом — ни фраеру небесному свечку, ни мне, соответственно, кочергу.

Девушка молчала. Лукавый тем временем взял свой «Паркер» и застрочил чего-то в ведомости.

— Теперь ты, — закончив писать, сказал он парню. — Покажи-ка свои творения — свериться хочу.

— Какие творения? — парень недоумённо посмотрел на Лукавого.

— Руки свои покажи! — пояснил Лукавый. — Да не ладони, болван! Тьфу ты, и не шрамы свои говённые! Плечи покажи!

Парень наконец сообразил, и сбросил куртку.

— Ага! Теперь вижу! — кивнул Лукавый. — Сходится, прямо как по базе, — он сверил татуировки с картинками в Базе Мироздания. — Змеи, черепа, и без воронёнка, я вижу, тоже не обошлось. Любите всё-таки свой боянистый фильм. А где же моя детка, если не секрет?

— Что? — не понял парень. — Какая детка?

— Вот! — Лукавый повернул монитор в сторону парня. — Твоё творение? Это ведь вылитая моя помощница!

Демонесса на картинке и впрямь напоминала секретаршу Лукавого.

— Это не на мне... — признался парень.

Лукавый перевёл взгляд на девушку.

— Я правильно понял? — спросил он.

— Это Олег мне на память сделал... — сказала девушка.

— Покажешь? — поинтересовался Лукавый.

Девушка растеряно поглядела на парня.

— Да не стесняйся ты! — сказал Лукавый. — Я ведь почти доктор. Могу Айболитом быть, а могу и Йозефом Менгеле. Кого выбираешь?

Девушка, недолго думая, решила подчиниться.

— Действительно похожа! — восхитился Лукавый, оглядев татуировку. — А ещё эта рамочка в виде чёрных переплетений шиповника — тоже ведь красиво. Могу представить, как долго эти картинки от крови и дерьма отмывали, когда из ванны вас вытащили.

— Какого дерьма? — неодобрительно придрался к словам Лукавого парень.

— Да того самого, что из вас полезло, после того как вы очурились и мышцы ваши расслабились! — ответил Лукавый. — Это же ведь только на первый взгляд вы ушли «готично». А приехавшие на место судмедэксперты совсем другую картину застали!

Услышав это, девушка с парнем тут же обменялись растерянными взглядами.

— Да не вертись ты! — ругнулся Лукавый, поворачивая девушку так, как она стояла вначале. — Я ещё разглядывать не закончил.

Та повиновалась.

— Очень красиво! — Лукавый аккуратно провёл когтистым пальцем по девичьей коже, которая тут же от страха покрылась гусиными пупырышками.

— Холодно разве? — спросил её Лукавый.

Девушка не ответила, но ещё больше съежилась.

— В общем, вот что я тебе предложить хочу, — сказал Лукавый парню. — Могу дать небольшую отсрочку!

Посмотрим, что ты мне ещё из своих творений предложить сможешь. Если понравится — пристрою в художественный отдел. Согласен?

— Я больше не рисую... — покачал головой парень.

— Что, совсем? — удивился Лукавый.

— Я не рисую... — вновь ответил парень.

— А почему, если не секрет? — поинтересовался Лукавый.

— Моя работа, — сказал парень, — она напоминает мне о земной жизни... А та жизнь мне опротивела.

— И зачем тогда «на память» девочку зарисовывал? — спросил Лукавый, указав на подружку парня.

— Те рисунки — единственное, что мне нравится, — ответил парень. — А сам процесс работы стал ненавистен, и... мучителен.

— Фу... — фыркнул Лукавый. — Так и скажи — обленился!

— Вы не понимаете... — покачал головой парень.

— Слушай, я не смогу тебя оставить, если ты будешь распиздяйничать, — предостерегающе сказал Лукавый.

— Мне всё равно, — ответил парень.

Лукавый вздохнул и что-то расчеркнул в ведомости.

— Знаешь, — сказал он. — Я ведь мог бы попробовать СИЛОЙ тебя заставить тебя работать...

Парень поглядел на него стеклянными глазами.

— Но с другой стороны — никогда ещё шедевры не выходили из-под палки.

— Дайте ему время! — вдруг попросила девушка. — Быть может, когда-нибудь он нарисует вам, всё, что вы захотите!

— Не думаю, — вздохнул Лукавый. — За это время он тут протунеядствует больше, нежели сделает.

— Но ведь вам понравилось! — сказал девушка.

— То, что есть, понравилось, — кивнул Лукавый, ставя печать в ведомости и нажимая кнопку вызова охраны. — Но что толку давать ему халявные харчи на всю оставшуюся вечность, если работа ему противна? Да и потом... — Лукавый вздохнул. — Я однажды дал шанс одному толковому учёному... Не оценил он этого. С тех самых пор мне как-то лениво амнистиями раскидываться.

На сей раз рогатые качки явились быстро.

— Классический расклад, — сказал им Лукавый. — Топим печку...

На удивление парень как-то апатично отнесся к этим словам. Девушка же, наоборот засуетилась.

— Но почему же?! Попробуйте дать шанс НАМ! — воскликнула она, когда её с парнем выводили из комнаты.

— Он был у вас в течении всей вашей жизни, — ответил Лукавый. — Вы отказались от него, когда легли в кровавую ванну.

— Рисунки! — закричала у самой двери девушка. — Вы ведь губите не нас — губите ЕГО РИСУНКИ!

— СТОЯТЬ! — внезапно остановил охрану Лукавый, и, посмотрев на девушку, сказал: — Ты права! Детка, милая! Ты ведь абсолютно права! Я чуть не совершил крупную ошибку!

Глаза девушки вспыхнули надеждой.

— Я не буду жечь рисунки, — Лукавый повернулся к охранникам, и приказал: — Прежде чем жечь, снимите кожу с татуировками и придайте ей товарный вид.

— НЕТ! ВЫ ЧТО?! — истошно завопила девушка, перекрикивая невнятные протесты парня.

— Нельзя уничтожать подлинники, — задумчиво сказал Лукавый, когда молодую парочку уволокли прочь.

Он ещё раз прощелкал Базу Мироздания, проглядел Татьянины стихи и Олеговы картинки, затем приступил к своей обычной работе.

К вечеру ему доставили несколько красивых рисунков, помещённых в фигурные рамочки. Одним из них была вытатуированная на нежной девичьей коже роковая демонесса, как две капли воды похожая на Секретаршу Лукавого. Демонессу окружали чёрные стебли шиповника, переплетающиеся причудливыми узорами.

— Готично! — одобрительно кивнул Лукавый, аккуратно пристраивая портрет на рабочем месте возле компа.

Кукла

— Урод! Гнида! — хлюпающим и булькающим подобием голоса хрипело лежащее на полу изувеченное тело. — Сучара гнойная!

— Не ругайся, — погрозив пальцем, строго сказал Лукавый. — Я ведь и похуже что-нибудь придумать могу!

— Да ты вообще знаешь, на кого наехал? — зачавкало тело. — Знаешь вообще, что тебе за это будет?!

— Конечно, знаю, — кивнул Лукавый, вытирая платочком окровавленные руки. — Респект и уважуха мне за это будет от сотрудников — упростил им как-никак задачку. Не придётся теперь тебя разделявать.

— Авдей и Серый тебя найдут! — продолжало угрожать тело. — Они тебе кишки разматают! Они тебе...

Не обращая никакого внимания, Лукавый встряхнул запачканный платок, и тот вспыхнул ярким огнём. Изувеченный грешник вмиг заткнулся. Платок тем временем погас, оставшись при этом целым и невредимым, но уже без пятен крови и грязи.

— Чего замолк? — спросил Лукавый, присев на внезапно возникшее из пламени кресло. — Продолжай — послушаю...

— Тебя... найдут... тебя... похоронят... — отрывисто и еле слышно бормотал изувеченный, теперь уже не столько угрожая, сколько по инерции продолжая развивать тему.

— Похоронят? — с любопытством спросил Лукавый, доставая из кармана портсигар. — На это стоит посмотреть!

— Похоро...няют... — голос тела слабел. Хоть второй раз умереть оно не могло, но боль не давала возможности произносить слова внятно. Страх в глазах изувеченного появился ещё тогда, когда Лукавый начал экзекуцию. Бранные слова и угрозы были всего лишь перекочевавшей из жизни в послесмертие защитной реакцией. Сам же грешник только сейчас начал понимать, что всё это далеко не розыгрыш, и что фокусы с огнём и внешность хозяина кабинета — вовсе не элемент какого-то идиотского шоу.

— Ладно! — сказал Лукавый. — Дело твоё можно считать закрытым! Жечь не буду — топлива в последние дни много. Полежишь в компостной яме, а там, глядишь, и дружков твоих подкину — втроём вам будет веселее.

Он поставил штамп и вызвал конвоиров. Когда те явились, Лукавый слегка пожалел, что не посоветовал им захватить ведро с лопатой — надо было прибрать разбросанные по полу куски плоти.

— Шеф, чего это с ним? — полюбопытствовал один из рогатых качков.

— Буянил, — пояснил Лукавый. — Пришлось воспитать.

— Всего забирать? — осведомился второй охранник.

— Ну, конечно — я ж не Цербер, доедать не буду, — ответил Лукавый.

Когда качки кое-как сгребли всё части изувеченного, Лукавый глянул список новоприбывших.

— Так, а это кто? — он с любопытством посмотрел данные очередного грешника. — Ну-ка посмотрим, что за фрукт.

Грешник оказался грешницей — высокая, стройная, накрашенная, очень-таки неплохо одетая, но с явными признаками пластика и силикона. Лукавый хищно ощерился, подробней прочитав ведомость.

— Прямо в тачке? — удивился он, подняв взгляд на раскрашенное существо.

— Чё ты пялишься, раньше никогда не видел? — с характерным «мажорным» акцентом вдруг кинула в ответ девка.

— Опа! — слегка офигел Лукавый. — Это кто ж тебя так разговаривать-то научил?

— Чё ты хочешь ваще? Ты знаешь ваще с кем разговариваешь?! — девка уже перешла в контратаку.

— Дежа вю? — с картинной задумчивостью произнёс Лукавый. — Хотя нет — и вправду был только что один, который почти то же самое мне кричал...

— Какая я тебе «Дежа Вю»? — срываясь на визг, закричала баба. — Да если я позвоню своему Сергулику, то.... **В ГЛАЗА МНЕ СМОТРИ!** — ещё истеричнее заверещала она, когда Лукавый снова опустил взгляд в ведомость. — **В ГЛАЗА СМОТРИ, КОГДА С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ!**

Всё ещё глядя в текст, Лукавый вдруг недобро ухмыльнулся. Затем отложил ведомость в сторону и медленно-медленно начал поднимать взгляд на девицу.

— **В ГЛАЗА Я СКАЗА... А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!** — истеричный бабий визг пронзил весь офис — девка схватилась за лицо сразу же после того, как её взгляд столкнулся с двумя жарящими, словно угли, огоньками в глазах Лукавого. Её длинные до сей поры ресницы загорелись, начали тлеть и осыпаться. Закрывая лицо, баба попыталась вывалиться из кресла, но выскочившие из-за спинки ремни-щупальца тут же усадили её обратно, плотно присобачив к сидухке. Избегая жарящего взгляда, девка всё ещё пыталась дергать головой, но это ей не помогло — Лукавый уже пристально

глядел на её волосы, отчего те начинали трещать, сжигаемые ярким пламенем.

— ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! — истерично вопила баба, позабыв свой «мажорный» акцент и срываясь на невнятные плаксивые бульканья.

— Хватит? — деловито осведомился Лукавый.

— ХВАТИТ! НЕ НАДО БОЛЬШЕ! ПОЖАЛУЙСТА! — рыдая, начала молить обезображенная огнём баба.

— Ну, как знаешь... — угольки в глазах Лукавого потухли, а сам он достал сигару и, слегка перегнув к себе через стол схваченную хвостом за шею девку, прикурил от её всё ещё тлеющей шевелюры.

— Тяжёлый день... — задумчиво сказал он, выпустив в изуродованное лицо грешницы облачко сигарного дыма.

В ответ грешница лишь скулила и всхлипывала.

— Уже второй раз за сегодня к силовому воспитанию прибегать приходится, — продолжал рассуждать Лукавый. — Что ж за ресурс такой пошёл, подумать только? Кош-кодавы и те у меня не буянят...

Он снова взял ведомость. Грешница продолжала скулить.

— Не хлюпай, отвлекаешь! — предупреждающе сказал ей Лукавый, вновь подняв на неё не жгущий, но всё же недвусмысленный взгляд.

Девка уже было взвизгнула, ожидая повторного воспламенения, но Лукавый всё-таки позволил себе выдержать паузу, в течение которой грешница поняла, что повторно её пока не испепеляют. Перестав визжать, она с ужасом поглядела на Лукавого — тот, не отрывая предостерегающего взгляда, молча приложил указательный палец к своим губам. Дважды пояснять не пришлось — теперь она если и всхлипывала, то старалась делать это как можно тише, глотая все лишние звуки.

— Слушай, а тут написано, что у тебя два высших образования! — с удивлением сказал Лукавый, глядя в ведомость. — Неужели правда?

Девка молчала, продолжая лишь хлюпать и подёргиваться.

— Я что — со стенкой разговариваю? — недовольно спросил Лукавый, вновь подняв взгляд на грешницу. — Отвечай, когда спрашивают!

— Два... высших... — дрожащим голосом произнесла

грешница, чуть было не захлебнувшись соплями на втором слове.

— А так чего же ты тогда... ну... — он пристукнул пятёрней когтей по столу, подбирая нужное слово. — Ну, в общем, не по специальности работала — так это назовём.

Грешница не отвечала.

— Мне что — силой из тебя каждое слово вытягивать? — спросил Лукавый, которому явно начало надоедать возиться с допрашиваемой.

— Я... — толком не зная, что именно надо отвечать, подала голос допрашиваемая. — У меня...

— Ну? — выжидающе произнёс Лукавый, стряхнув пепел в кончика сигары. — Что «у тебя»? Нужды не было? Это хочешь сказать?

Допрашиваемая дёрнула головой в слабом нерешительном кивке.

— Понятно, — удовлетворённо сказал Лукавый. — Любознательная, наверное, да? Образование не для заработка, а для «души», как любят выражаться некоторые из ваших? Тяга к познанию, и всё такое?

Он хитро прищурился, явно ожидая ответа. И грешница вновь кивнула.

— Угу, прямо-таки уважать сейчас начну! — ехидно усмехнулся Лукавый, перевернув страницу ведомости. — Того гляди, вообще задумаюсь, в какой из наших элитных отделов тебя можно определить! — не пряча издевательской ухмылки, он выпустил в лицо грешнице облачко дыма.

Та испуганно вздрогнула, явно решив, что сейчас опять вспыхнет. Но Лукавый лишь снова стряхнул пепел, и, опустив глаза в ведомость, стал дальше её проглядывать.

— Ого! Обалденная тяга к познанию! — картинно всплеснул руками Лукавый. — Чуть ли не в обнимку с преподавателями! Хотя, стоп! Почему это «чуть ли не»? Просто — в обнимку... И не только! Тут ещё и.... УХ ТЫ! — он многозначительно поглядел на прочитанную строчку ведомости.

— Даже ссылки есть. Ну-ка... — он тут же повернулся к компьютеру с Базой Мироздания и быстро набрал адрес в окне обозревателя.

Грешница глядела круглыми безумевшими глазами.

А Лукавый уже ждал открытия страницы.

— Дурацкий траффик. — негромко отметил он сам себе. — Опять, наверное, старый пидор свой хентай с раболопными монашками качает.

— Мне... в скорую... надо... — вдруг совсем тихо простонала грешница.

— Тихо ты... — отмахнулся от неё Лукавый, продолжая глядеть на монитор. — О! Ну, наконец-то загрузилось. ОП-ПАНЬКИ! Да тут целая коллекция картинок! Хоть прямо сейчас бери и в папку «три икса» сохраняй! Надо будет Изеньке-Страдальцу ссылочку подкинуть — пускай найдёт применение своим кровоточащим дырочкам в ладошках...

— Пожалуйста... — чуть громче и более моляще простонала грешница. — Прошу вас...

— Ну, чего ты хочешь? — раздражённо повернулся к ней Лукавый, сохраняя у себя ссылку.

— К врачу... в скорую... пожалуйста... — начала мямлить грешница.

— Ты про это, что ли? — он указал на её ожоги. — Нашла из-за чего расстраиваться! Это и ожогами-то назвать нельзя. А вот есть у нас одно местечко — топка называется. Вот там настоящие ожоги, а это...

— Ну, пожалуйста... — перешла на тихий плач грешница.

— Да на тебе, пожалуйста! — Лукавый как-то пофигистично прищелкнул пальцами и внезапно хлестнул своим хвостом по изувеченному лицу допрашиваемой. Та надрывно вскрикнула, и, закрыв лицо ладонями, с плачем вывалилась из кресла на пол — ремни-щупальца в этот раз её удерживать не стали.

Лукавый тем временем продолжил листать ведомость, не обращая вначале никакого внимания на рыдавшую сквозь ладони грешницу. Потом всё-таки, не отрывая взгляда от текста, мимоходом произнёс:

— Лицо проверь, дура.

Дура не отвечала, и продолжала свой вой.

— Связки бы тебе убрать голосовые... — устало вздохнул Лукавый, и, достав из стола небольшое зеркальце, кинул его на тело грешницы. — На вот, посмотри на себя — целёхонько уже давно твоё личико.

Грешница кое-как отняла дрожащие ладони от лица — то

и вправду уже было целым. Даже волосы восстановились, хотя и не уложились в исходную причёску.

— Штукатурить не стал — обойдётся... — холодно заметил Лукавый, уже сам что-то записывая в ведомости.

Девушка смотрела ошалелыми глазами на своё отражение. Ожогов и вправду не было.

— Это... всё-таки... розыгрыш? — с надеждой спросила она, поднимая взгляд на Лукавого.

— Сядь в кресло, — приказал тот, продолжая что-то записывать. — А будешь плохо себя вести — не только личико сожгу, но и весь силикон к херувимам выплавлю. Усекла?

Грешница неуверенно уселась в кресло. Смотрела на Лукавого, ничего не понимая.

— Ну, что смотришь? — спросил Лукавый, закончив писать в ведомости. — Думаешь, что всё подстроено и ждёшь, что сейчас с цветочками и шампанским в офис мой войдут? Типа «улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой», да?

Грешница слабо кивнула.

— Ну так я тебя разочарую — не розыгрыш это никакой! Хочешь, палец тебе оторву?

— За что? — спросила грешница.

— В качестве доказательства, — ответил Лукавый. — Ни в одном вашем «розыгрыше» ещё такого не было...

— Я и вправду умерла? — спросила грешница.

— Угу, — кивнул Лукавый.

— Почему я ЗДЕСЬ? — спросила она.

— А где ты хотела очутиться — в нирване? — усмехнулся Лукавый.

— Я же верила... — сказала грешница.

— Верила, или говорила, что верила? — поинтересовался Лукавый.

Сперва грешница молчала. Потом сказала:

— Верила...

— Точно? — всё с таким же любопытством спросил Лукавый.

— Да, — ответила та.

— Что ж, тогда вот это хотя бы, — он пристукнул в ведомость как раз там, откуда брал ссылку на «весёлые картинки». — Это какой по счёту из боженкиных запретов нарушается? Напомни, ты ж верующая. Это мне забыть простительно...

— Что? — не поняла грешница.

— Я говорю, заповедь какую нарушаешь? — пояснил Лукавый.

— Какую? — глядя непонимающими глазами спросила девушка.

— Ого! — Лукавый прищёлкнул пальцами. — Такое у меня — редкость! Обычно «праведники» хоть какое-то представление о том долбанном писании имеют.. Ну да ладно, — он махнул рукой. — Не мне все остальные полёты разбирать. Куда попала, туда попала. А то, что дала повод своему «покровителю» от тебя отказаться — и так видно..

— Зато я ПОСТ соблюдала! — вдруг поспешно выкрикнула девушка, словно ожидая, что после этого в офис ворвутся два ангела и, подхватив её под руки, унесут прочь от местного рогатого заправлялы.

— Ух ты! — присвистнул Лукавый. — То есть о посте мы представление имеем, а о заповедях нет? Оригинально!

— Имею я представление и о заповедях! — обиженно заныла барышня. — Есть «не убий», есть «не укради», «не прелюбодействуй» ещё, ну, там «плохого не желай кому попало» ещё есть, кажется...

— О-о! Bravo- bravo! — Лукавый картинно похлопал. — «Кому попало» плохого и я не желаю. А вот насчёт «прелюбодействуй» — оно как?

— Да не прелюбодействовала я! У меня тогда никого не было! — закричала грешница.

— А эти? — поинтересовался Лукавый, указав на монитор.

— Да не мои они! Не встречалась я с ними...

— Не встречалась, а сразу е... едрить твою налево!!! Магма-то моя совсем уж остыла! — выругался он, постучав когтём по твёрдой корочке застывшей в чашке магмы, затем потянулся было к пульту вызова секретарши, но тут же передумал: — Ладно, фиг с ним! Не буду лишний раз гонять, а то даже неудобно как-то.

Он опрокинул сгусток остывшей вулканической породы себе в пасть, и порода со зловещим гулом там вспыхнула. Правда, удовольствия на лице Лукавого заметно не было — такой метод быстрого разогрева явно был не из самых лучших, да и вкусовые качества магмы уже давно улетучились.

Грешница с ужасом смотрела на происходящее.

— Возвращаясь к теме, — откашлявшись, продолжил Лукавый. — Это ты НЕ считаешь прелюбодеянием, верно? — он снова показал фотографию.

— При чём здесь прелюбодеяние? — непонимающе спросила девушка.

— Ну, хотя бы, при том, что этим словом старый пердун называет всё, что происходит вне так называемого «брака», — сказал Лукавый. — Не знала об этом?

— Прелюбодеяние, это когда ИЗМЕНЯЮТ! — замотала головой грешница. — А у меня на тот момент моего Сергулика ещё НЕ БЫЛО! Так что не надо мне тут...

— «Не надо тебе тут»? — проговаривая каждое слово, медленно переспросил Лукавый. — Это ты МНЕ говоришь?

Грешница стусевалась, очевидно вспомнив случай со вспыхнувшим лицом.

— Ладно, — Лукавый махнул когтистой лапой. — Спорить и доказывать тебе здесь никто ничего не будет. Факт есть факт — вопреки всем твоим взглядам и ожиданиям ты ЗДЕСЬ. И теперь хоть до хрипоты в голосе можешь кричать своему боженьке, что он не прав и что должен забрать тебя в своё «царствие»... Вот только поторопиться рекомендую, пока мы тебя не «определили». Потом будет поздно.

— А куда вы меня «определите»? — не без тревоги в голосе спросила грешница.

— Топка переполнена, церберы сыты, на компост уже кое-кого сегодня отправили... так... сейчас сообразим... — он стал проглядывать на компьютере все возможные варианты.

Затем всё-таки нажал на кнопку вызова секретарши и заказал себе ещё магмы.

— А сами вы здесь такие праведные? — вдруг спросила грешница. — Ни разу не прелюбодействовали?

— При чём здесь мы? — удивился Лукавый. — Мы вообще плевать хотели на вашего небесного олуха.

— Тогда почему делаете, что он говорит? — задала новый вопрос дама. — Почему наказываете за нарушение заповедей?

— Достали уже! — фыркнул Лукавый. — Не наказываем мы никого — просто избавляемся от лишних... Вот ты, к примеру — никто. И поэтому и уйдёшь на переработку. Ад не

резиновый... По-на-е-е-е-хали тут, понимаешь...

— Почему я — никто? — уязвлённо воскликнула девушка.

— А мне откуда знать? — удивился Лукавый. — Такие вещи не у меня, а у самой себя должна спрашивать.

— Я же ДЕВУШКА! — чуть ли не выкрикнула она последнее слово.

— Ну, девушка, и что с того? — не без скуки в голосе произнёс Лукавый.

— А ТО! — неопределённо выразилась она, но тут же добавила: — Разве можно так с девушками?

— А почему нет? — мимоходом удивился Лукавый. — Они здесь что — особенные?

— Они... Они... — грешница чуть ли не задыхалась от возмущения. — Они ДЕВУШКИ!

— Ну, и что с того? — ещё более скупающим тоном спросил Лукавый.

— Ради них... Ради НАС все мужчины готовы на коленях ползать!

— Вот прямо-таки берут и ползают? — не без ехидства спросил Лукавый.

— Ну... — замялась девушка. — Образно... Но всё-таки ПОЛЗАЮТ!

— Все ли? — снова спросил Лукавый.

— Все! — уверенно воскликнула грешница. — Только женщина может накинуть на мужчину хомут!

— Правда?! — удивился Лукавый.

— ДА! — с уверенностью выпалила грешница.

— А на меня слабо? — деловито поинтересовался Лукавый.

— Что? — растерянно переспросила женщина.

— Хомут на меня слабо накинуть? — повторил вопрос Лукавый.

Какое-то время она смотрела на него молча. В глазах читалась растерянность.

— Вы не в счёт, — проговорила она наконец.

— Почему? — удивился Лукавый.

— Потому что вы не мужчина... — сухо ответила грешница.

— Рога смущают? — поинтересовался Лукавый. — Или это? — он потряс перед собой хвостом.

— Не в этом дело, — отрицательно покачала головой грешница.

— А в чем? — спросил Лукавый. — А-а-а-а! Кажется, понял — исключительно смертных тебе подавай! Ну, можно и смертных. Знавал, я к примеру, одного паренька... Даже вру — не одного, а нескольких... Хотя, чего уж там — МНО-ГИХ. Хрен кто из них «охомутать» себя дал!

— И они не мужчины... — покачала головой женщина.

— Не понял? — удивился Лукавый.

— Они не мужчины, потому что вели себя НЕ ПО-МУЖСКИ! — пояснила грешница. — А настоящий мужчина, этот тот, кто... — она запнулась.

— А-а-а-а!!! Кажется, понял! — сообразил Лукавый. — Стало быть, так и запишем: «настоящий мужчина — тот, кто суёт голову в хомут». Прямо-таки словарь новояза составлять можно!

— Настоящий мужчина это тот, то ЦЕНИТ ЖЕНСКОЕ ВНИМАНИЕ! — перебив, закончила свою мысль грешница.

— А если ценит, но не «хомутается»? — задал каверзный вопрос Лукавый.

— То, значит, не ценит! — категорично заявила женщина.

— Ну, вот и вернулись к истокам, — кивнул Лукавый. — Словарик пополняется, запишем: «ценить внимание — ходить в хомуте». Новояз рулит!

— Да что вы вообще понимаете, — с ноткой пренебрежения в голосе сказала грешница.

— Да, куда уж мне, вечность прожившему, с вами, молодёжь, тягаться, — картинно покивал головой Лукавый.

Дверь в кабинет раскрылась, и вошла секретарша.

— Благодарю, милая, — кивнул ей Лукавый, взяв свежепринесённую кружку магмы.

Завистливый взгляд грешницы тут же прилип к стройной фигуре дьяволицы.

— Что, нравится? — ехидно спросил грешницу Лукавый, после того, как секретарша покинула кабинет.

Грешница тут же опомнилась и пренебрежительно фыркнула.

— То-то и оно! — с издёвкой усмехнулся Лукавый, с чёткостью углядев в этом фальшивом пренебрежении ещё более жгучую зависть. — Тебе до неё, как до небес раком...

— ЧТО? — завозмущалась грешница. — ЭТО МНЕ, КАК ДО НЕБЕС? ДА У НЕЁ ФИГУРА НЕ ПРАВИЛЬНАЯ! И НОГИ КРИВЫЕ, КАК У...

— Рас-кром-са-а-а-ю... — негромким, спокойным, и даже немного ласковым тоном протянул Лукавый, предостерегающе сверкнув глазами-угольками.

Грешницу его взгляд стегнул, как удар бича, она вмиг замолкла, вспомнив недавние увечья от пламени.

— То-то же! — погрозил Лукавый когтистым пальцем. — Будешь про моих сотрудниц гадости говорить — органирую такую расправу, что стандартные экзекуции оргазмом покажутся... Тьфу, блин! — сплюнул он, возмущившись собственной пошлой шутке. — Совсем ошалел тут я с этими базарами. Хомуты-шомуты, бабы-мужики, прелюбодеяния... Оффтоп слошной прёт...

— А ведь она вас тоже охомутила, — вдруг победно улыбнулась грешница.

— Чего? — не понял Лукавый.

— Вот та, что заходила... — напомнила грешница.

— Во-первых для тебя она не «та», и обращаться к ней будешь на «Вы», — мимоходом заметил Лукавый. — Но при чём здесь то, о чём ты говорила?

— Вон как её защищаете! — сказала грешница. — Значит она вас уже ТОГО...

— Угу, «того»... — с насмешкой покачал головой Лукавый. — Того гляди, мне тебя сейчас даже жалко станет, золотце — хрен от пальца отличить не можешь...

— А что тогда? — настырно переспросила грешница.

— А тебе не всё ли равно? — сказал Лукавый. — У тебя ведь свой новояз — вот и пользуйся им, пока можешь. А ведомость твою мы разобрали.

— Ведомость? — переспросила грешница.

— Ну, да, — кивнул Лукавый. — Определили тебя аккурат по специальности.

— Что? — не поняла та.

— Жечь не будем, — успокаивающе сказал Лукавый. — Топлива хватает. А вот в жизни своей ты всё, что имела это... — он указал когтём на тело грешницы.

Та сразу не поняла, а потом сообразила, и машинально провела руками по своей фигуре.

— Да-да... — кивнул Лукавый. — Твоё тело! Оно нам пригодится в быту... Ведь именно телом ты зарабатывала при жизни? Хоть и в «высоких» по твоему мнению кругах, но

факт есть факт...

Грешница сперва залилась краской, а потом в глазах мелькнула надежда.

— То есть вы... — недоговорила она.

— Да-да — будешь и теперь телом работать, — кивнул Лукавый. — Облачим тебя в лучшие одёжки!

В глазах грешницы вдруг загорелись ликующие огоньки, по губам скользнула едва заметная улыбка.

— Все-таки права... — победно прошептала она сама себе.

— Чего? — спросил Лукавый.

— Нет-нет, ничего. Это я так... — кое-как скрыв улыбку, отмахнулась грешница.

— Вот и ладненько, — одобрительно кивнул Лукавый, тут же встретив взглядом вошедших в комнату рогатых качков-конвоиров.

— В топку? — спросил один из них.

— Ну, почему же сразу «в топку»? — почти ласково сказал Лукавый. — Фигура хоть из синтетики, но... Негоже такое «в топку».

— А куда? — спросил второй качок.

— Ну, конечно же, к таксидермисту! — ответил Лукавый.

— Что? — не сразу сообразив, воскликнула грешница.

Улыбка медленно сползла с её лица.

— К чучельщику тебя направим, — пояснил Лукавый. — Сделает из тебя муляж — будешь у нас манекеном в примерочной.

— КАКИМ МАНИКЕНОМ? — в истерике завопила грешница, когда качки взяли её под руки.

— Каким-каким, обычным, — ответил Лукавый. — Сказал ведь — оденем в лучшие одёжки! Будут в качестве образцов на тебе красоваться.

— ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ? — не понимая, вопила грешница.

— Как это «зачем»? — удивился Лукавый. — Нашим демонессам ведь тоже красивые наряды нужны. А портным и закройщикам — хорошие куклы, чтобы эти наряды нормально сидели.

— ВЫ ЧТО? ОТПУСТИТЕ! — вопила грешница, когда её уволакивали к двери. — Я НЕ ХОЧУ! Я НЕ КУКЛА!

— Не лъсти себе, девочка, — покачал головой Лукавый, провожая грешницу взглядом. — Куклой ты была и раньше.

— НЕ ХОЧУУ-У-У-У-У-У!!!!!!! — слышался из коридора вой.
— Радовалась бы, — хихикнул Лукавый. — Такой чести удостоили — нашу торговую марку представлять. Это вам не какая-нибудь галимая «Прада», — с этими словами он отвернул свой пиджак, довольнo оглядев красовавшийся на подкладке логотип фирмы «Инферно».

Оги герные

— Практикуешься? — уже с самого порога тира отметил Лукавый. — Похвально!

Увидев шефа, Аграил тут же снял наушники и поднял на лоб защитные баллистические очки.

— Да нет, ты продолжай, — одобряюще кивнул Лукавый. — Это дело никогда не помешает. Что за ствол, кстати?

— Да вот — решил опробовать крупнокалиберное, — ответил Аграил, протягивая пушку.

— Хм... «Цербер-666»? — с ходу определил модель Лукавый. — Да у тебя хороший вкус, как я погляжу!

— Рекомендовали... — честно признался Аграил.

— Всё равно похвально, — сказал Лукавый. — Многие из наших молодых сотрудников не слушают и берут «Антихриста». Нет, «Антихрист», конечно, тоже неплохой ствол, но отдача слишком сильная и скорострельность меньше. Доспех архангелу прошибает насквозь. Херувима вообще на фарш разрывает. Но при большом количестве противников, когда каждый миг на счету, может подвести. В таких ситуациях играет роль скорость... и меткость.

— Всегда ли совместимо? — полюбопытствовал Аграил.

— Скорость с меткостью? — уточнил Лукавый. — А вот погляди... — он передёрнул затвор «Цербера», затем подошёл к управляющему пульту и нажал кнопку.

На огневой рубеж тут же выехало несколько манекенов в серебристых кирасах и с белоснежными крыльями.

— Движение хаотичное, дистанция максимальная, — сказал Аграилу Лукавый, уступив ему место за пультом и повернувшись спиной к мишеням.

Аграил тут же задал на пульте управления указанные шефом опции. Муляжи архангелов с пронзительным гулом

унеслись в даль огневого рубежа, сперва превратившись в малюсенькие точки, а затем и вовсе исчезнув из виду. Наблюдать за ними Аграил теперь мог лишь на экране управляющего пульта и видел, как они молниеносно дёргаются из стороны в сторону, усложняя стрелку задачу.

— Скорость троекратная, атака по звуковому сигналу. Подать его можешь в любой момент, — не поворачиваясь, сказал Лукавый.

Аграил утроил скорость движения манекенов. Теперь они задёргались так, что на экране и не различить было вовсе.

— Готовы? — спросил у шефа Аграил.

— Сказал же — сигнал в любой момент! — ответил Лукавый.

Решив не затягивать, Аграил нажал кнопку звукового сигнала. Из динамика донёлся пронзительный звук, Лукавый тут же развернулся, и тир сотрясли громовые звуки «Цербера». Аграил весь напрягся, даже прищурился, пытаясь разглядеть происходящее на экране. Когда стрельба стихла, он остановил манекенов.

— Двигай их сюда — лучше разглядишь, — сказал Лукавый.

Аграил нажал кнопку и манекены ринулись к огневой линии.

— Ну как? — самодовольно усмехнулся Лукавый, когда куклы, наконец, приехали.

— НИ ФИГА СЕБЕ! — вырвалось у Аграила.

Он с изумлением глядел на проделанные в головах манекенов дырки, и на те уродливые ошмётки, что некогда были белоснежными крыльями. Серебристые же кирасы остались нетронутыми.

— Вот так-то! — сказал Лукавый. — А ты говоришь «всегда ли совместимо»...

— А если шлемы напялят? — поинтересовался Аграил.

— Крылья всё равно незащищённые, — сказал Лукавый. — Целься в них, и твои противники будут выведены из строя. Сдохнут, правда, не сразу, как если бы стрелял в голову, но сражаться всё равно не смогут! Бери, пользуйся! — он протянул Аграилу пушку. — А «Антихрист» только в самых редких случаях — когда за «Демиургическими Щитами» прачутся или в «Златых Ковчегах» на тебя прут.

Дверь тира вдруг резко распахнулась и группа рогатых

качков острыми трезубцами загнала в помещение толпу закованных в кандалы галдящих и рыдающих грешников.

— Вот как раз и мишени, — подмигнул Аграилу Лукавый. — Будет на чём практиковаться. Удачи!

Аграил благодарно отсалютовал и с удовольствием оглядел свежеприбывший расходный материал, который рогатые качки сейчас приладят на огневой рубеж вместо дорогостоящих казённых манекенов. Лукавый же тем временем направился к выходу. В этот же миг от скованных цепью смуглолицых грешников быстро отделилась совершенно свободная от кандалов женская фигура и быстро ринулась наутёк.

— СТОЯТЬ! — гаркнул один из рогатых качков, преградив беглянке путь и ударив её в живот трезубцем. Та шатнулась, однако упала не сразу, а попыталась ринуться в другую сторону, и врезалась прямо в Лукавого.

— Эй! — недовольно окликнул Лукавый, но беглянка с раной в животе уже сползла вниз, вцепившись Лукавому в ноги.

— Отлипни! — пренебрежительно пнул её Лукавый.

В ответ грешница лишь зашлась хрипом и рыданиями, ещё сильнее прижавшись к ногам Лукавого и не позволяя ему сделать шаг. Попыталась хрипеть мольбы о пощаде и другой прилегающийся к ним бред.

— Бля... — ругнулся Лукавый и методичным хлёстким ударом обрушил свой хвост на хребет нахального создания.

Грешница крякнула и расслабилась — тело начало сползать на пол.

— Эй, парни! — раздражённо окликнул рогатых качков Лукавый. — Это у кого тут глаза на жопе?

— Сейчас уберём, шеф! — сразу отрапортовал один, собираясь оттащить тяжело дышащую на полу грешницу.

— Куда смотрели, я спрашиваю? — настоял Лукавый на своём вопросе. — Где ваши глаза были? Почему она не была прикована к остальным?

— Шеф, она не совсем такая... — оправдывающимся тоном заговорил один из качков. — Её оформили отдельно, вот мы и вынесли в отдельную категорию... Хотели потом к вам доставить...

— Это ещё почему? — удивился Лукавый. — На вид ведь такое же отребье, как и эти, — он указал на остальной

закованный в цепи сброд.

— Никак нет, — отрицательно качнул головой рогатый страж. — На неё составлена ведомость.

— Что, правда, что ли? — ещё больше удивился Лукавый. — А с какой такой стати? Мы же с недавних пор не проводим собеседования со стандартным мусором.

— Она не совсем стандартная, — пояснил конвоир. — Тут такая ситуация, что... — он протянул распечатку ведомости.

— Так... — бегло взглянул Лукавый. — Ух ты, так ведь она у нас... — он с любопытством перевёл взгляд на валяющуюся в ногах грешницу, затем, нагнувшись, ухватил за волосы и опрокинул ей голову лицом вверх.

Девушка слабо застонала, по лицу текли слёзы, изо рта шла кровь. Но Лукавого сейчас интересовало другое — кожа грешницы была светлой.

— Да уж... - сказал он. — Что, спрашивается, она делает среди этих? — он указал на смуглую толпу.

— Там всё поясняют... — качок кивнул на ведомость.

— Что ж, будем разбираться, — вздохнул Лукавый, раскрыл было ведомость, но тут же ругнулся: — Тьфу ты, не могу работать при таком гае! — он снова с неприязнью поглядел на галдящую толпу, затем обратился к рогатым конвоирам: — Как начнёте обрабатывать — уберёте им голосовые связки — пускай молча мишенями служат.

Рогатые качки кивнули.

— А эту, — он указал на светлокожую девушку, — ко мне в кабинет. Почему, кстати, сразу в комнату ожидания не отправили, а в тир поволокли?

— Сперва от этих хотели избавиться, — пояснил рогач-конвоир, указав на толпу. — А её передать было некому, вот и таскали с собой.

— Бардак сплошной на предприятии, — раздражённо проворкотал Лукавый. — Пора всех вас встряхнуть, как следует... — и громко добавил: — Жду её в кабинете, не забыли?

— Так точно! — кивнули конвоиры.

Спустя какое-то время грешница сидела в кабинете.

— Какживот? — поинтересовался Лукавый. — Легче? А спина?

— Пожалей, милый, не мучай, не губи, не надо... — с нехарактерной для большинства грешников манерой разговора вдруг произнесла женщина.

— Тихо-тихо! — предостерёг Лукавый. — Сразу условимся без твоих штучек! А то разделишь судьбу своих дружков...

— Не губи, милый, пожалей, — снова начала грешница. — Матерью, отцом клянусь — не со зла я! Дети малые, голодные, муж на порог не пустит, если...

— Погоди-погоди! — снова пресёк Лукавый. — Какой муж, какой порог?! Уже забыла, где находишься?

— Пощади, сердечный, Христом Богом молю, я ведь...

— Цыц! — Лукавый сверкнул глазами. — Про Изеньку мне не парь — не поможет. Начнёшь словоблудить — пойдёшь в расход без собеседования! Так и напишу — ничем от классических отбросов не отличаешься!

— Прости, милый, прости... Привычка дурная, неразумная... — извиняясь, заговорила женщина.

Но Лукавый всё равно недовольно фыркнул и застрочил в ведомости паркером.

— Стало быть, тяжёлое детство, скользкий подоконник? — без ехидства, но чисто на автомате отколол он шуточку.

— Милый, я за жизнь свою зла никому не пожелала, слова не сказала бранного, глаза дурного не положила... — вновь начала оправдываться грешница.

— Заткнись, — устало оборвал её Лукавый, упреждающе помахав пред собой хлётким хвостом. — Отвечать будешь коротко, и когда я разрешу. Ясно?

— Прости, сердечный... Слова не скажу, коль не дозволишь... Обещаю... — закивала грешница.

— И ещё, — сказал Лукавый. — Рекомендую воздержаться от словечек «милый» и «сердечный» в мой адрес. Поняла?

— Поняла, бриллиантовый, — кивнула грешница.

— Не притворяйся душой, — сказал Лукавый предостерегающим тоном. — Ты всё прекрасно понимаешь, по глазам вижу. А будешь пасяничать — устрою свидание с живым цербером. Его и будешь «милым-бриллиантовым» называть — он тебя за это горячо и страстно «приголубит».

— Не губи, сердеч... Прости-прости... Не губи, Христом Бо... Прости... Просто не губи... Не надо, — сбиваясь, заговорила грешница.

— Как же тебе эти морды мозг загадили... — со вздохом сказал Лукавый. — А ведь могла бы быть... — он задумался. Ну-у,

я даже и не знаю кем... Как вариант — ещё одной суицидницей, «куклой» или «магдаленой». Тогда, в принципе, один хрен — точно также тебя в расход оформлял бы. Но с другой стороны — не исключено, что в чём-то могла бы стать похожа на нашего Аграила или этого... как же его? А — Николаева-Прогрессора, хрен бы его побрал... — Лукавый с неудовольствием вспомнил про учёного глупца, что добровольно отказался от хорошей и уважаемой должности.

Грешница смотрела непонимающе — явно не знала, о ком Лукавый говорит.

— Ладно, молчишь — и то хорошо, — кивнул Лукавый. — А то когда начинаешь трепаться, то сразу дротик от дартса запустить тебе в глаз хочется.

Он покрутил в руке лежавший на столе дротик, затем машинально отправил его в висевшую на двери минешь, на которой теперь уже были лишь рваные куски Иисусовой фотографии.

Грешница глядела с мольбой, но глаза временами начинали бегать по сторонам, словно она искала возможность ускользнуть.

— Я вот что хочу спросить, — мимоходом произнёс Лукавый, продолжив одновременно оформлять ведомость. — Ты хоть сама довольна своей жизнью?

— Жизнью-то, милый? Ох, прости-прости... — осеклась она, вспомнив, что «милым» называть нельзя. — С жизнью-то тяжело порой приходится... Дети голодные, а муж...

— Нет, ты мне зубы не заговаривай! — снова пресёк Лукавый. — Это смертным дурачкам ты могла разгонять о том, как тебе тяжело кусок хлеба даётся. Да и детей у тебя нет — в ведомости написано, что не успела нарожать... Так что давай начистоту, иначе я уже говорил, что с тобой будет.

— Да я ведь за жизнь-то свою слова ласкового не услышала... — всхлипнув, ответила грешница. — А чтобы хлеба кусок, и не впроголодь — только во снах сладких... А сладких-то да недолгих — сна ведь того, как слёз у кошки... А ещё...

— Всё, надоело! — оборвал Лукавый, и, взяв в руки паркер, вписал что-то важное в ведомость. — Из какого оружия предпочитаешь быть расстреляна?

— Что, милый? — испуганно спросила грешница, и тут же снова вспомнила: — Ох, прости! Не милый ты, не милый!

Запомню, дура! Прости, сердеч... то есть просто прости... снова запомню.

— Цыц! — снова заткнул рот ей Лукавый. — Повторю вопрос — из какого оружия предпочитаешь быть расстреляна?

— За что, бриллиан... прости дуру. За что?

— За ненужность, — пояснил Лукавый.

— Отчего же так, милый? — ещё более жалостливо всхлинула грешница, даже не став от растерянности извиняться в этот раз за «милого».

— Что «отчего же»? — не понял Лукавый. — Отчего «за ненужность» расстреливают? Ну, так ведь ответ в самом вопросе — из-за ненужности. Нет, ты, конечно, не подумай, что это мы со зла якобы. Если бы сидела ты, скажем, в «Царствии», к примеру, под хером у своего Изеньки, то плевать тогда мы на тебя хотели — никто не стал бы похищать, дабы тут поизмываться. Но раз зашла на огонёк, то...

— Не заходила я! — всхлинула грешница. — Меня сюда вместе с остальными... С моим Романом, с Кармелиной, с детками её... Я ж не виноватая! Пошто караете?

— Да не караем, а применение находим, — сказал Лукавый. — Без дела у нас тут никто не сидит, а таких, как вы, приходится на сырьё определять. Вот только топка в последние дни переполнена, так что придётся тебе мишенью в тире поработать. А как поизносишься и фаршиком станешь — к церберу на корм...

Он ещё кое-что дописал в ведомости, а грешница начала плакать.

— Ну, пощади, милый... — сквозь слёзы начала просить она. — Ну, пощади, прошу — всё, что хочешь, сделаю...

— Это чего ж ты мне такого «сделать» можешь, чего я сам не сделаю? — со скукой произнёс Лукавый, не отрываясь от писанины.

— А всё, чего скажешь, то и сделаю! — смело заявила грешница.

— Да? — мрачно спросил Лукавый. — Ну, хорошо — скажу тебе вместо меня поработать тут недельку с бумагами. Справишься?

Глаза женщины стали круглыми и непонимающими.

— Ну, вот — а говорила, что всё сделаешь, — разочарованно

сказал Лукавый и с картинной укоризной добавил: — Лгунья, стало быть...

— Милый, да разве ж я то умею? Да кабы умела, то хоть неделю, хоть годы долгие! Я ж ведь ВСЁ для тебя готова! — она подалась вперёд, брякнувшись из кресла прямо на колени перед письменным столом. Лукавый уже было лениво потянулся к пульта управления «щупальцами», чтобы усадить грешницу на место, но потом передумал и решил досмотреть творящуюся клоунаду.

— Милый, да ты скажи — пожелай того, чего я умею, и я ВСЁ тогда сделаю! — плача, продолжила старую песню грешница.

— Так «всё» или «то, чего умеешь»? — с ехидством потребовал уточнений Лукавый.

— Милый! Родимый! Пощади!!! — пуще прежнего запричитала грешница. — Всё сделаю! Всё, чего умею, то и сделаю!

— Всё, отстань! — поняв, что ничего интересного больше не увидит, отмахнулся Лукавый, и нажал на пульте кнопку. Щупальца тут же выскочили из спинки кресла и, окрутив грешницу, быстро усадили её на место.

Та испуганно взвизгнула.

— Тише, не шуми, — устало сказал Лукавый, ослабив хватку щупальцев. — «Умеешь» ты ровно столько, что даже рвотный пакетик принести не сможешь — нету его у тебя...

— Пошто так гнушаешься, милый? — жалобно протянула грешница.

— Что ж мне тебе всё-таки за «милого» сделать? — проигнорировав вопрос, задумчиво произнёс вслух Лукавый. — Может, ухо открутить? — он устремил свой острый взор на левое ухо грешницы.

Та заёрзала в кресле, пытаясь освободиться от щупальцев и, очевидно, прикрыть ухо ладонью:

— Прошу, не надо ми... прости, не буду больше...

— Ладно, успеем мы тебя оприходовать, — махнул рукой Лукавый. — Веди только себя хорошо, тогда, может, и не откручу.

— Не буду! Клянусь, не буду «милым» называть, прости... — шмыгнула носом грешница. — Но скажи всё ж — отчего гнушаешься? Аль я такая страшная уродилась?

— Тьфу ты, мля! — не удержался от ругани Лукавый. — Вот скажи мне: вы там что — дерьма пообъедались в своём Мироздании? Почему у всех вас мозги только в одну сторону работают?

— Что? — растерянно обронила грешница, не сообразив, чем недоволен её собеседник.

— Что, что, — раздражённо фыркнул Лукавый. — Хуёв сто... Чуть ли не каждая вторая тут свою «Точку Жо» предлагать мне пытается... Ух, так и хочется степплером запустить в рожу!

— А что ж дурного то в этом, сердеч... ох, прости, — быстро обуздала речь грешница.

— Противно, — коротко пояснил Лукавый.

Грешница смотрела с ещё большим непониманием.

— Отчего ж противно-то? — наконец, решила спросить она.

— Говна не ем, — снова коротко ответил Лукавый.

— Так ведь разве ж это... ну... разве ж я и все другие... ну... — она запнулась, не решаясь открыто произнести сказанное Лукавым слово.

— Ага! — без тени смущения кивнул Лукавый. — Оно и есть! Самое настоящее!

— Пошто ж ты нас так? — с обидой глядя, спросила грешница. — Отчего злой такой?

— Да какое там «злой»? — отмахнулся Лукавый. — Сами себя в ЭТО превращаете, когда готовы «ноги врозь, абы жопа цела осталась»... — он брезгливо сплюнул в пепельницу, та зашипела.

Пока дописывал ведомость, грешница молча смотрела на него круглыми глазами. Наконец таки набралась в себе смелости и решила спросить:

— Милый, аль хворь какая?

— Чего говоришь? — прослушав из-за писанины вопрос, мимоходом переспросил Лукавый.

— Хворь, говорю, может какая? — повторила она. — Ты ж только скажи, я ведь и пошептаться могу...

Её взгляд скользнул вниз — туда, где нижнюю часть Лукавого закрывал письменный стол.

— Э-э-э... — Лукавый и сам настороженно покосился вниз. — Тебе что — пошептаться больше не с кем?

— Да я ж не для себя, — начала заговаривать зубы грешница. — Я ж ведь для...

— Детка, там тебе не микрофон и не «телефон доверия»! — оборвал её Лукавый. — А хвори у меня никакой нет, не надейся! Скорее наоборот — панацея, — и он бережно поправил стоящую на столе фотку помощницы-демонессы.

— Ты только не таись, милый! Я ж ведь излечить могу всё, что пожелаешь!

— Вот же настырная! — фыркнул Лукавый.

Грешница смотрела с ожиданием.

— Я и вправду что угодно излечить могу, — совсем тихо, но клятвенно сказала она.

— Да? — фальшиво впечатлился Лукавый. — А слабо вот ЭТО излечить? — он вдруг вольготным движением отнял себе кисть руки.

В открывшихся ранах заревело жаркое пламя. Грешница взвизгнула. Лукавый захохотал.

— Лечи, чего трясешься? — сказал он, перекивая рёв огня. — Или слишком горячее блюдо?

Он помахал перед ней своей оторванной рукой, словно паяльной лампой. Грешница в ужасе вжалась в кресло и зажмурилась.

— Ой, милый! Ой, что ты? Ой, что ж творится такое? — не размыкая век, стонала она.

— Страшно, да? — ехидно спросил Лукавый. — Ладно-таки, сам вылечусь...

Он приставил руку обратно — место стыка вмиг окутало огненное кольцо, приращивая и восстанавливая плоть.

— Чего не шептала-то, дура? — спросил Лукавый, когда всё закончилось. — Я вон видишь как заместо тебя поврачевал? Почему не помогала? Обещала ведь!

— Милый! Милый! Я не то шептать умею! Я другое... — начала было оправдываться грешница.

— Всё, хватит! — оборвал её Лукавый. — Надоела! Пора тебя того...

Он начал писать. Грешница обреченно опустила голову и вдруг с ней начало происходить что-то странное — сперва она изменилась в лице, глаза перестали бегать, затем она прекратила дрожать и как-то совсем спокойно спросила:

— Отчего же сразу не загубили?

— Что? — поинтересовался Лукавый, отвлекаясь от ведомости на сменившую поведение грешницу.

— Отчего же сразу не загубили, а сюда привели? — без всхлипываний пояснила грешница. — Остальных всех сразу... Романа... Кармелину... Розу... В цепи, и на погибель... А меня? Пошто не в цепи? Пошто не с ними вместе?

— Да вот сам не знаю, зачем развёл здесь такую бюрократию, — вздохнул Лукавый. — Не та категория ты немного... Хотя вот теперь вижу, что мало чем отличаешься от тех уродцев.

— Пошто ты их так? — спросила грешница. — Отчего уродцы? Аль Кармелина не пригожа? А Роза?

— Дура, мне вообще до задницы ваши фасы, анфасы и профили, — отмахнулся Лукавый. — Я о другом — много шуму, мало дел. Даже если порой и колдует ваша шобла, то всё равно гниль при этом из неё прёт — Изеньке жопу лижут; на собеседованиях, вместо того чтобы на вопросы отвечать, крестить меня пытаются; некоторые даже не только крестят, но и плюются, бормоча при этом детсадовские заговоры и заклятия — мелочь, а неприятно. А в мироздании побираетесь аки блаженные-нищие-духом, именем моим порой ругаетесь, дурью всякой торгуете наркотической.....

— Милый, а дурь-то тут при чём? Разве тебе до неё дело какое? — внезапно поинтересовалась грешница.

— До нарколог мне дела никакого, — мимоходом ответил Лукавый. — Зато есть дело то тех, кто может заслужить место на моём предприятии, но слишком медленно растёт из-за гнилого окружения. Но это не суть — о другом идёт речь...

Грешница молчала.

— Ворьё, кстати, ваше не шибко много пользы мне делает, — продолжал Лукавый. — Оно даже в диверсанты не годится — в Царствии его быстро раскусят...

— Милый, да разве ж мы ворует? — воскликнула грешница. — Да ни я, ни семья моя никогда...

— Кому ты зубы заговариваешь, девочка? — вздохнул Лукавый. — Семья твоя не ворует? Это какую имеешь в виду — биологических родителей, или тех, что тебя выкрали?

— Что? — не поняла грешница.

— А то, что так до сих пор ты и не поняла, почему сидишь здесь передо мной, — покачал головой Лукавый.

Грешница не ответила, но взгляд стал вопрошающим.

— А сидишь ты здесь, потому что не родная у этих черножопиков... — сказал Лукавый, лениво потянувшись за сигарой.

— ЧТО? — вскрикнула грешница.

— Спиздили тебя в детстве, — прикурив, пояснил Лукавый.

— НЕПРАВДА! ЛОЖЬ! — закричала грешница.

— Думай, что хочешь, — отмахнулся Лукавый, выпуская в её сторону кольцо дыма.

— НЕТ! Я РОДНАЯ У МАМЫ И... — она, не договорив, испуганно вскрикнула от того, что выросшее дымовое кольцо вдруг сомкнулось на её шею и сдавило, словно ошейник.

— Я в таких вещах не ошибаюсь, — покачал головой Лукавый, потянув за цепь, что внезапно выросла из ранее дымового, а ныне твёрдого и сковывающего шею грешницы кольца.

Грешница запричитала, а Лукавый всё так же лениво перетянул её к себе через весь стол. Лежавшие на столе бумаги и предметы даже не помялись, зато грешница успела о них поцарапаться.

— Милый, ты что? Милый, пощади! — молила она, а Лукавый неторопливо взял её за волосы и начал внимательно разглядывать черты лица, временами поворачивая её голову под разными углами.

— Нет... Ни я не мог ошибиться, ни те, кто тебя сюда определял... Не родственница ты своим чернозадым, — и он даже достал из стола зеркальце, подставив его грешнице под нос. — Что скажешь? Совсем-совсем не наводит на мысли?

— Пощади, милый... Молю — не так больно... Я ж и сама сейчас всё что скажешь... — просила она, начав пытаться снимать с себя лишнюю одежду.

— Бляха, опять за своё! Пшла вон! — ругнулся Лукавый, и отпихнул грешницу, проводив её пинком до кресла.

Та заткнулась, затем кое-как поднялась и уселась на своё место. Пару секунд посидела тихо, но затем вдруг сорвалась на плач.

— Ох, надоело... — вздохнул Лукавый. — Пора заканчивать с тобой, пара штрихов осталась, — он продолжил писать во всё ещё до конца не заполненной ведомости — судя по всему материал и вправду был не из мелких.

— Кто же тогда я? — вдруг всхлипнула грешница.

— Чего? — Лукавый в очередной раз удивился её неожиданной выходке.

— Кто я? — повторила грешница сквозь слёзы.

— Я ж тебе зеркало давал, — напомнил Лукавый. — Что, там разглядеть не успела?

Грешница отрицательно качнула головой — в этот раз даже не пыталась придуриваться.

— Я ж ведь и раньше мыслила... — начала она изливать душу. — Мыслила, что не родная... Глаза ж у меня есть, видела, что не такая, как они все... Только молчала, сказать им боялась...

— Вот те раз! — присвистнул Лукавый. — А мне чего тогда тут парила?

— Думать себя по-иному заставляла! — ещё сильнее рыдалась грешница. — Но как же это всё... Опротивело. Я ж ненавижу всё это на самом деле.

— Хе-хе, а ведь правду сейчас говоришь! — Лукавый стряхнул с сигары пепел. — Вот за это можно и «по головке погладить»! — он шутливо шевельнул своими когтистыми пальцами, изображая что-то среднее между ласковым поглаживанием по головке и методичной трепанацией черепа.

Грешница же продолжала лить слёзы, но затем посмотрела с изумлением — этот сидящий напротив неё монстр действительно определил, что теперь она говорит правду.

— Да-да, ты не думай, я не лох, — кивнул Лукавый. — Чётко знаю, когда врут, а когда нет, — он вновь затянулся сигарой. — Вот только не всем из вас это понятно, и начинаете мне тут... — не договорив, он затянулся ещё сильнее.

Пока курил, грешница не знала что сказать. Ей почему-то захотелось быть во всем послушной, но теперь уже не для спасения своей шкуры. А для другого — хотелось ЗНАТЬ. И она вновь спросила:

— Так кто ж я всё же, коль не родная я им?

— Теперь ты как раз то, что ты есть, — пыхтя сигарным дымом ответил Лукавый. — Снова зеркальце глянуть хочешь? На! — он протянул ей зеркальце.

— Не надо... — покачала она головой.

— Тогда в чём проблема? — поинтересовался Лукавый.

— Если б меня не... Не выкрали, то... кем бы я?

— Ну-у, этого мы с тобой никогда не узнаем. Сам ведь домыслы строил недавно.

Грешница опустила голову.

— Хотя, скажу тебе честно — мне самому тоже любопытно,— продолжил Лукавый.

Грешница подняла на него взгляд.

— Да-да, без шуток, — Лукавый кивнул. — Ты, небось, думаешь, что я тебя точно таким же отбросом считаю, как и все те... ну... — он прищёлкнул пальцами, подбирая слово. — Короче говоря, как все те «ромалы» твои. В общем, понятно, да?

Грешница смотрела молча.

— Нет, ты это, конечно, правильно думаешь — ещё как считаю! — быстро поставил перед фактом Лукавый. — Но всё же — есть между ними и тобой ма-а-ахонькая разница, — Лукавый сблизил кончики указательного и большого когтей, имитируя ими нечто предельно мелкое. — Эдакая малюсенькая, но все же разница.

— Да? — растерянно обронила грешница, взгляд её стал щенячьим.

— Да, — почти ласково кивнул ей Лукавый. — Ведь если подумать — что от тебя в самом начале зависело? А ни хрена. Выкрали — это раз, — он стал загибать свои когтистые пальцы. — Ограниченный круг общения — это два. Информационный вакуум — три. Ну, че ты пялишься, как баран на новые ворота? — удивился он, увидев реакцию грешницы.

А та и вправду сейчас смотрела на действия Лукавого уже не щенячьим, а ошалевшим бараньим взглядом — явно не понимала ни одного заумного слова.

— Я... Ой, что ж это... — она никак не могла собраться с мыслями.

— Ну вот, а ещё говорят, что это только вы можете заболтать кого угодно, — усмехнулся Лукавый. — Всё, приходи уже в себя, — он похлопал в ладоши почти пред самым носом грешницы.

— Ой, не надо! — вскрикнула та, испуганно отпрянув.

— Дура, я ж ничего с тобой не делаю, — фыркнул Лукавый. — Экая пуганая стала! Перестарался видимо...

Грешница слегка успокоилась, но продолжала поглядывать с опаской.

— На чём я там остановился? — хотел было продолжить он, но тут же передумал: — Хотя ладно — ты и так ни слова не поняла, посему без толку...

— Милый, да ежели б я могла — я бы всё чего не скажешь бы запомнила... — начала было она.

— Остынь уже, верю, — брезгливо отмахнулся Лукавый. — Не в этом дело. Я ведь и понятней пояснить могу, но сути не изменит.

— Да-да! Ты ж скажи по-понятному! Я ж тогда постараюсь... — закивала грешница.

— «По-понятному», — передразнил её Лукавый, — будет так: выкрали тебя — это раз. Никого, кроме своего табора в детстве не знала — это два. Учили тебя не тому, чему тех, кого не выкрали — это три. Да и сама, если бы и хотела, то подучиться бы не могла. Ну, в общем, теперь понятно, да?

Грешница помолчала, в потом вдруг слабо кивнула.

— Так-то, — тоже кивнул в ответ Лукавый. — А из этого имеем что?

— Что? — растерянно повторила грешница.

— А имеем любопытный случай, — Лукавый закурил ещё одну сигару. — Имеем индивида, личность которого искажена вследствие форс-мажорных обстоятельств...

Грешница вновь ничего не поняла.

— Ах да, для тупых пояснить надо, — без всякого стыда обронил Лукавый. — Ну так поясню — не та ты стала, что могла бы быть из-за нехорошего случая. Теперь понятно, черноокая?

Он уже давно заметил, что глаза у грешницы были не чёрными, а голубыми. Но «черноокой» обозвал шулки ради — слишком уж напоминала она своим поведением тех людей, в кругу которых выросла.

— Теперь... да... — снова слегка потормозив, ответила грешница, и, ещё ниже склонив голову, добавила: — Вы простите, что я не сразу всё понимаю.

— Чего это ты меня на «вы» называть стала? — удивился Лукавый. — Из тебя ведь до сей поры говно всякое пёрло типа «милого» и «бриллиантового». Разве нет?

Грешница и сама как-то растерялась.

— Я... не знаю... — ответила она. — Само как-то.

— Само? — иронично усмехнулся Лукавый.

— Да и потом... — она вздохнула и потёрла лицо ладонями. — Как голова уже болит от всего этого! Надоело притворяться... — на последнем слове голос её дрогнул, но она

удержала себя в руках. — Достали все эти «бриллиантовые», «милые», «красивые»... Ходят вокруг эти «бриллиантовые» — глаза б их не видели... Но видом не показывай — говори, как тебя учили... Называй «бриллиантовым» каждого, если даже и «дерьмовый» он на самом деле. Иначе доверия к тебе не будет. А не будет доверия — в кошелёк его не залезешь. Денег не добудешь, и синяков прибавится... Приходится ласкать словами... НАДОЕЛО! — теперь она уже не могла больше удержаться — вновь заплакала.

— Это каких-таких синяков? — поинтересовался Лукавый.

Грешница покачала головой, и медленно убрала часть одежды. Лукавый с любопытством оглядел открывшиеся взгляду рубцы, что зияли у женщины на спине и на плечах.

— Я ж тебя вроде только один раз тогда в тире... — Лукавый вспомнил случай, когда ему пришлось хорошенько стегнуть грешницу хвостом.

— Это не вы... Это... — она замолчала из-за очевидно выросшего в горле кома.

— Муж? — поинтересовался Лукавый.

Грешница слабо кивнула.

— Да, славно владеет плёточкой, хоть хентай-садомазо с вас срисовывай, — отметил Лукавый. — И это что — из-за того, что мало домой бабла приносишь?

Вместо ответа грешница быстро заморгала, пытаясь сбить слёзы.

— Забавные у вас нравы, — сказал Лукавый, ковырнув пепельницу и обнаружив там кусок поизноившейся после «дартс» Иисусовой фотографии. — И что — ты тоже его так пиздишь, когда мало денег домой приносит?

— Кто приносит? — не поняла грешница.

— Ну, муж твой, кто же ещё, — пояснил Лукавый.

— Он не приносит, — в её глазах появилось недоумение.

— Так плохо работает? — усмехнулся Лукавый.

— Он не работает, — ответила грешница. — Деньги домой должна приносить жена. У нас так принято...

— Да? — фальшиво удивился Лукавый, одновременно погрузив кончик тлеющей сигары в Иисусов глаз на фотографии. — Это ему «за вредность» не положено работать? Так устаёт жену свою лупасить, что на отдых времени не хватает?

Грешница вновь опустила голову.

— У нас так принято, — опять повторила она, но голос дрожал.

— А чего ж тогда выходила вообще замуж? — спросил Лукавый, пытаясь вытащить из прожжённой в фотографии дыры застрявшую там сигару. — Любовь-морковь, что ли? Или обещал прописать в своей кибитке?

Грешница молчала.

— Тоже «так принято»? — сам угадал Лукавый.

Грешница кивнула.

— Да и разве ж по-другому можно? — тихо спросила она. — Все вокруг выходят, а коли я не буду, то что подумают? — она замолчала, пытаясь уже не плакать, а сглотнуть ком. — Да и не так это плохо у меня... У Кармелины вон ещё хуже. Однажды муж её...

— Да на кой хер мне твоя Кармелина? — фыркнул Лукавый, всё ещё манипулируя сигарой и нанизанной на неё фоткой Иисуса. — На Кармелину твою отдельной ведомости не заведено. Я тебя о другом спрашиваю — какую ценность для самки представляет самец, который сам не работает, а живёт за счёт этой самки?

— Что? — не сразу сообразила грешница.

— Бля, даже здесь ты выпендриваешься! — эту фразу Лукавый адресовал изображённому на фотографии Иисусу, а затем прижал его когтем и силой стянул с сигары. — Ладно, не важно, — тут же отмахнулся он рукой в сторону грешницы, решив, что ничего путного всё равно не услышит. — Надоело все эти полёты разбирать. Ты меня совсем с толку сбила... Знай наших, жидёнок! — последнее восклицание он тоже адресовал фотографии, небрежно стряхнув на лицо назаретянина пепел.

Грешница сидела с опущенным взглядом.

— Короче говоря, всё с тобой ясно, сказал ей Лукавый. — Дерьмовая твоя ситуация! Влипла основательно к своим «родственничкам»!

Грешница вновь заморгала, перебивая слёзы.

— Но знаешь, — сказал вдруг он. — От всех этих баек любопытно мне стало. Даже опыт провести бы с тобой не отказался.

Грешница опять подняла на него испуганный взгляд.

— Чего испугалась? Думаешь, что к доктору Менгеле

отправлю? — усмехнулся Лукавый. — Ну, здесь можешь не бояться — у Йозефа сейчас и без тебя дел хватает — настоятельно просил по мелочам не беспокоить. Суть опыта состоит в другом...

Она молчала и ждала продолжения.

— Опыт будет называться «вторичная переработка», — сказал Лукавый. — слышала когда-нибудь о таком?

Грешница пожала плечами.

— Ну, как бы это тебе пояснить, — он постучал двумя когтями по столу. — Есть у нас, скажем, мусор... Ну вот как ты, например, — он небрежно указал в её сторону сигарой. — Часть этого мусора можно сразу на уничтожение. А часть можно ещё как-то использовать, если обработать соответствующе...

Грешница внимательно слушала.

— Тебя я, к примеру, в расход собирался оформить, ибо нахрен ты здесь не нужна... — продолжал Лукавый. — Но раз уж пиздеть перестала и ситуацию имеешь любопытную, то можно опробовать одну нашу старую «игрушку».

— Игрушку? — не поняла грешница.

— Да, — кивнул Лукавый. — Есть у нас в техническом отделе одна забавная вещица — «Колесо Сансары» называется. Раньше мы это колёсико использовали часто — не такое, как теперь, говно сюда поступало. Если по качеству кто-то из усопших не совсем нам соответствовал, то можно было его ещё раз в Мироздание переотправить. Потом Колёсико заглохло...

— Почему? — спросила грешница.

— Да просто всё больше и больше материала некачественного приходило... — ответил Лукавый. — Для «вторичной переработки» не годились — сразу в топку их направляли. Из-за этого Колесу пришлось работать на холостых оборотах... А это, знаешь ли, вредно.

Грешница внимательно слушала.

— Когда заглохло, то я вначале даже махнуть рукой на этой хотел... — продолжал рассказывать Лукавый. — Но потом пришлось-таки изменить мнение. А всё из-за чего? Затесался к нам один чудила, который вроде бы и с головой — не такой уж и дурак с виду, как мне сразу показалось... Поговорили

с ним здесь по душам, — Лукавый указал на кресло грешницы. — Даже язык нашли общий... Но всё ж... — Лукавый покачал головой. — Глупым он в итоге оказался. Хотя и «Прогрессором» себя называл. Оправдывался потом — «в шутку, мол, это я», — Лукавый вздохнул.

Грешница слушала.

— В общем, так ему самой малости ума и не хватило, — подытожил Лукавый. — Хотя я даже глаза прикрыть на это решил. Но чудак сам себя того-самого... Кремировал.

— Сам? — осторожно спросила грешница, в которой теперь совсем уж и не узнать было ту прежнюю болтуху.

— Ну, не совсем уж и сам, — сказал Лукавый. — Помогли, конечно. Самого себя «откачегарить» сложно. Но факт в том, что настаивал на топке и не хотел продолжать своё существование... Деток своих он, видите ли, пожалел... Тьфу! — Лукавый сплюнул в пепельницу. — Распиздяев и нарколог начинающих... «Прогрессор», блин...

— Может он их просто любил? — всё так же осторожно, но уже без прежнего страха спросила грешница.

Глаза её стали глубокими и задумчивыми.

— Да не «может», а скорее всего так оно и есть, — фыркнул Лукавый. — Поэтому и говорю — ума у него не хватало...

— Так разве любить — это плохо? — тихо спросила грешница, посмотрев Лукавому в глаза.

— Не всегда поощряю! — холодно ответил Лукавый. — Любить надо за дело, а не за безделье.

— Но ведь это его дети, — слегка склонив голову на бок, сказала грешница.

— Ну да — дети, — кивнул Лукавый. — Никто и не говорил, что внуки.

— Да нет, как же вы не понимаете, — начала было она. — Дети — это ведь для человека самое...

— Для человека — может, и да, — перебил Лукавый. — Но у моих сотрудников иная степень квалификации. Но вернёмся-таки к теме — на чём я остановился, когда про Колесо Сансары рассказывал? — стал вспоминать Лукавый.

— На том, что был там ещё какой-то профессор? — попыталась помочь грешница.

— А! Точно! Только не профессор, а «прогрессор», — поправил Лукавый. — Короче говоря, не хватило ума этому

«прогрессору» — он сам себя и сжёг. Бывает... И вот тогда-то я очень сильно пожалел, что Колесо в тот момент было неисправно. А так вместо топки попробовал бы я его на вторичную переработку убедить — того гляди, ничуть не хуже бы экземпляр получился... А может быть, даже и лучше...

Грешница слушала.

— Приказал я потом это колёсико починить, — сказал Лукавый. — Теперь опять работает.

В глазах грешницы мелькнула толика понимания.

— Короче говоря, — сказал Луквый, — хоть ты на первый взгляд и отброс, но не факт, что полный — ограничена была свобода действия, в отличие от разных там «Кукол» и «Магдален»... А раз уж налажено Колесо Сансары, то можно и перепроверить, что из тебя выйдет.

— Вы и вправду хотите меня пожалеть? — не веря происходящему, спросила грешница.

— Дура, при чём тут жалость? — фыркнул Лукавый. — Я говорю о научном эксперименте! Хочу сравнить два конечных продукта, полученных посредством разных причинно-следственных связей. И при возможности высчитаю соотношение волевых потенциалов «тебя-нынешней» и «тебя-переродившейся». Правда, если разница будет невелика — отправлю потом в топку.

— Простите... — грешница виновато опустила глаза. — Я... слов ваших не понимаю.

— Не важно, — махнул рукой Лукавый. — Считаю, что я из праздного любопытства вторую жизнь тебе даю. Второй раз стыбзить тебя не должны во младенчестве.

Её губы задрожали, она снова заморгала, пытаясь сбить подступающие слёзы.

— Да, и вот этого, — Лукавый указал на слёзы дымящейся сигарой, — Чтобы в следующей жизни у тебя не было! Не люблю сопливых!

— Я... я постараюсь... — шмыгая носом, грешница попыталась ладонями стереть побежавшую по щекам влагу. — Я обещаю, я постараюсь...

— Значит так, — запустив что-то печатать на принтере, Лукавый показал грешнице заполненную ведомость, — здесь я написал твой приговор. Но не поставил печать и подпись, — он взял с принтера только что отпечатавшийся

бланк. — А это будет приказ об отсрочке и возможном пересмотре дела, — он положил его поверх ведомости. — Сейчас ещё разрешение на реинкарнацию выпишу. В принципе, уже можешь отправляться к Колёсику — пока дойдёшь, я как раз его туда по факсу перешлю.

Грешница не верила своему счастью. Лукавый вызвал конвоиров.

— К Колесу Сансары, — сказал он им, кивнув на грешницу. — И понежнее там с ней — мы тут поговорили, и она хорошо вести себя обещала.

— Спасибо вам! — восклицала счастливая грешница, когда её уводили. — СПАСИБО!

— Нахер боженьку! — отмахнулся на её благодарность Лукавый.

Затем он сладко потянулся, разминая затёкшие от сидения кости, и заказал себе горячей магмы.

— Очи чёрные, очи страстные... — напевая себе под нос, он взял в руки разрешающий реинкарнацию бланк. — Очи жгучие, и прекрас... Тьфу ты, напридумывают же креативов, людишки!

Он пошарил по столу, разыскивая свой золотой паркер — бланк надо было заполнить.

— Как люблю я вас... — пропел он дальше. — Как боюсь я вас... Знать, увиде... Изя, ты мою ручку видел? — он строго посмотрел на истрёпанную Иисусову фотографию в пепельнице. — Колись давай, жидовская морда!

Фотография молчала, а Лукавый уже перевёл взгляд туда, где сидела грешница.

— Ах-х-х ты бля-я-ять!.. — растягивая слова, злобно прошипел он, а затем стукнул по кнопке связи и громко рявкнул: — ВЕРНУТЬ!

Грешницу вернули быстро. В глазах её были страх и мольба. Она то и дело подгибала ноги, очевидно желая рухнуть на колени, но рогатые конвоиры крепко держали её в полный рост. Повертев в руках возвращённый паркер, Лукавый посмотрел на грешницу немигающим взглядом и совсем уж спокойно спросил: — Ты хоть сама-то ответить сможешь, для чего тебе он понадобился ЗДЕСЬ?

— Милый, прости... — начала грешница своим прежним говором. — Милый, я не нарочно... Я ж ведь...

— Значит, снова «милый»? — мрачно спросил Лукавый. — Красивый, бриллиантовый, сердечный, да?

— Прости...те... Простите... Я случайно... — исправилась грешница, совладав со своим на автомате включившимся в защитных целях говором. — Я не хотела! Само собой как-то вышло! Я больше не буду! КЛЯНУСЬ ВАМ! — она зарыдала. — КЛЯНУСЬ! Не хотела я, оно всё по привычке!

— Клептомания? — холодно поинтересовался Лукавый.

— Я клянусь! — рыдала грешница. — Само собой вышло! С умыслом я бы и в жизни зла вам теперь не пожелала бы!! Вы ведь меня...пожалели... Жизнь вторую хотели дать..... Вы добрый, я ведь знаю!..

— Ох, дура... — вздохнул Лукавый, и, взяв в руки бланк «о реинкарнации», стал медленно рвать его пополам.

— Не надо! Не надо, молю! — желая бухнуться на колени, удерживаемая конвоирами грешница и вовсе теперь поджала под себя ноги, уподобившись курице на насесте.

— Клептомания — это некстати... — покачал головой Лукавый, продолжая разрывать бланк. — Это хоть и лечится, но обязательно проявится и нагадит в следующей твоей жизни... Да-да, очень некстати...

— Это ведь тоже не я виновата, — рыдала грешница. — Не я — всё ОНИ! — было ясно, что говорит она про своих «родственников». — ОНИ УЧИЛИ МЕНЯ ВСЮ ЖИЗНЬ! ОНИ ВЫКРАЛИ И ВОРОВАТЬ УЧИЛИ!

— Да понял я, понял, — кивнул Лукавый. — Но сути не меняет... Заведомо испоганена твоя следующая жизнь... Опыт нецелесообразен.

— Но не по моей вине ведь! — вскрикнула грешница.

— Да какая разница, по чьей? — удивлённо фыркнул Лукавый. — Смысла тебя «оживлять» всё равно нет.

— Есть! — надрывалась грешница. — Поймите — для меня это ВАЖНО!

— А для меня уже нет, — покачал головой Лукавый. — Дело можно закрывать...

Он выбросил порванный бланк в мусорное ведро — там сразу вспыхнуло пламя — затем подписал ведомость и поставил печать.

— Почему? — плакала грешница. — Почему, вы ведь обещали...

— Я обещал проверить, представляешь ли ты из себя хоть что-то, — сказал Лукавый. — Проверил. Некоторые вещи нельзя искоренить целиком и полностью.

— Не моя вина... не моя... — продолжала тупо всхлипывать грешница.

— Не твоя, не твоя, — кивнул Лукавый. — Просто не доглядели тебя в своё время.

— А почему же вы позволили? — вдруг спросила грешница.

— Что? — удивился Лукавый.

— Почему позволили им меня выкрасть?

— Я что — должен вам в Мироздании сопли вытирать? — ещё больше удивился Лукавый. — Это вы уж сами там разбирайтесь и меры принимайте. А у меня и здесь дел хватает. Каждому своё, как любит говаривать один мой толковый сотрудник.

Грешница продолжала плакать, а Лукавый нажал кнопку связи и сказал в микрофон:

— Аграил, ты до сих пор в тире? Готовься — сейчас тебе приведут ещё одну мишень!

Мимикрия

— Ну, и зачем тогда ты её цеплял на себя? — подпершись на кулак, со скукой спросил Лукавый, одновременно просматривая на компьютере видео о некогда случившемся инциденте.

— А что? Запрещено? — непонимающе воскликнул грешник.

— Нет, не запрещено... — с ещё большей скукой сказал Лукавый, и тут же малость оживился: — О! Чего это ты там кричишь?

Он сделал звук громче.

— «Вы не люди, вы твари»? — переспросил он только что услышанную из видеозаписи фразу.

— А разве не твари? — возмущённо произнёс грешник.

— Ну-ну... — неопределённо хмыкнул Лукавый, продолжив смотреть видео. — А вот ещё что-то там кричишь. «Нелюди»? — в голосе Лукавого появилось удивление. — Отчего же это ты их так чествуешь? По мне так вполне себе обычные люди...

— Вполне обычные? — негодуяюще воскликнул грешник. — Да какие же они люди-то? Я к ним по-хорошему, а они... — грешник запнулся.

— Что «они»? — спросил Лукавый, ожидая продолжения тирады.

— Что-что, — проворчал грешник. — Как будто бы не видно... — он кивнул в сторону монитора.

— Ну, видно. И что с того? — устало вздохнул Лукавый.

— А то, что не поступают так люди... — обиженно выпалил грешник. — Не по-человечески это...

— Что «не по-человечески»? — зевнул Лукавый.

— Вот так вот с людьми поступать... — ответил грешник.

— С тобой, то бишь? — уточнил Лукавый.

— Со мной, — кивнул грешник. — И с другими людьми тоже...

— Угу, понятно... — кивнул Лукавый, что-то пометив в ведомости.

— А сразу непонятно было? — возмущился грешник. — Я ведь сходу про это тебе говорил, а ты...

— Что «я»? — спросил Лукавый. — Вопросов много задаю, да? Ну, так радовался бы, что есть повод для беседы долгой. А то всю жизнь со мной, видите ли, встретиться желал, а теперь с кислой миной тут расселся.

— Да я желал как никто иной! — чуть ли не закричал оживившийся грешник. — Желал, всю свою...

— Вагон пафоса, — мимоходом ввернул Лукавый.

— ...жизнь! — не отвлекаясь, продолжал грешник. — Представлял, как произойдёт эта встреча! И вот... — он запнулся.

— Ну? — выжидающе спросил Лукавый.

— И вот, — продолжил грешник. — Сажу перед тобой, а ты мне словно и не рад.

— Рад, или не рад, — вздохнул Лукавый. — Какая разница? Чего ты ожидал? Что я вальс или танго с тобой в обнимку станцую?

— Да нет, конечно... — словно оправдываясь, замотал головой грешник. — Но ты таким тоном говоришь всё это...

— Уже тон мой ему не нравится. Как девочка, чes-слово... — кликая мышкой по фрагментам видео, проворчал Лукавый. — Ты мне лучше вот что поясни — почему готов к такому «приёму» не был?

— Что? — не понял грешник.

— Это я не про мой приём, — стал пояснять Лукавый, — а про тот, который тебе устроили те самые «нелюди», — он кивнул на монитор с видеоматериалом.

— Я был готов, — запротестовал грешник. — Знал, что и про кошек спросят, и про кресты перевёрнутые...

— Ну и? — снова устало вздохнул Лукавый.

— Ну и приготовился заранее! — продолжил грешник. — Заранее знал, что говорить, с каких слов начать стоит, чтобы им понятней было...

— А к тому, что слушать не захотят, был готов? — на полуслове прервал вопросом Лукавый.

— Так ведь если спрашивают, то, значит, хотят слушать, — стал оправдываться грешник.

— Как видишь, не всегда, — криво ухмыльнулся Лукавый. — Иногда просто хотят пояснить, за что бить собираются.

Грешник удивлённо заморгал глазами.

— Да-да, — кивнул Лукавый. — Риторический вопрос как ритуал перед боем... Человеки, они ведь забавные — страсть как обожают всякие церемонии проводить.

— Да, но разве нормальные так поступают? — возмутился грешник. — Это ведь только быдло безмозглое так себя ведёт...

— Какая разница, кто так себя ведёт? — удивился Лукавый. — Суть одна — мало того, что готов не был, так ещё и сопли потом развесил. «Нелюди», видите ли, его обидели... «Плохие дяди».

— Так ты их ещё и защищаешь? — голос грешника обиженно дрогнул.

— Делать мне больше нечего! — фыркнул Лукавый.

— Тогда почему говоришь всё это? — продолжал не понимать грешник.

— Потому что лично на тебя смотреть потешно, — ответил Лукавый. — Вот здесь, к примеру, — он кликнул на самое начало видеоряда, начав комментировать происходящее на экране: — Вот, значит, идёшь ты по улице. А вот к тебе подходят. Почему, спрашивают, пентуху нацепил. А ты им что?

— Что? — растерялся успевший позабыть некогда произносимые слова грешник.

Лукавый сделал звук ещё громче.

— Вот это! — указал он на произнесённую в этот момент с экрана фразу: — «Вы только не подумайте, что я кошек режу и вандализмом занимаюсь!». Тьфу ты! — он сплюнул в пепельницу. — И смех и слёзы!

А чего я сказал такого? — удивился грешник. — Разве нужно кошек резать?

— Да блять, при чём здесь твои кошки?! — начал раздражаться Лукавый. — Ты сути, что ли, не улавливаешь?

Грешник пожал плечами.

— К нему цепляются какие-то... хм, не знаю даже кто... А он им: «вы ж только не подумайте, что я то да сё...» — брезгливо пояснил Лукавый. — «Дяденьки, не сочтите меня виновным», — продолжил издеваться он над фразой. — «Не велите казнить, милостивые государи...», «Велите, милостивые государи, слово молвить...». Тьфу, бля!

— Не понимаю... — снова пожал плечами грешник. Вид у него был ещё более растерянный.

— Не понимаешь? Вот поэтому и не рад я, — вздохнул Лукавый, снова помечая что-то в ведомости.

— Что, только из-за этого случая? — обиженно воскликнул грешник.

— Можно подумать, что все остальные «случаи» были картинкой... — Лукавый навёл указатель мыши на линейку «родственных видеороликов», что выскочила внизу экрана по окончанию просмотренного видеоряда.

— Что? — не понял грешник.

— Что-что... — Лукавый стал прокручивать линейку слева направо, внимательно вглядываясь в ключевые стоп-кадры, что по умолчанию характеризовали каждый видеоролик из жизни грешника. — Да вот это, например, — он кликнул на ролик, обозначенный ключевым словом «Венчание». — Видал? Не с тобой, скажешь, это было?

— Это? — замялся грешник. — Так я ведь то не всерьёз... Это ж только для виду.

— Что «для виду»? — надавил Лукавый.

— Ну, родители у неё верующие... Хотели дочку по всем правилам замуж выдать...

— А ты, стало быть, и зад готов подставить под их «правила»? — прищурился Лукавый.

— При чём здесь зад? Я просто хотел приятное сделать своей любимой...

— Во-во! — кивнул Лукавий. — Сделал! Не сомневаюсь! Вот только одно интересно — я-то тут при чём?

— Ты? — тупо переспросил грешник.

— Угу. Я, — кивнул Лукавий.

— А что ты? — не понял грешник.

— А вот то и, — ответил Лукавий. — Хотел сделать кому-то приятное — сделал. А кое-кому, может, и не хотел сделать неприятное — но всё равно сделал.

— Тебе? — догадался грешник.

— В некоторой степени, — кивнул Лукавий. — Нет, я вовсе не скажу, что сильно от этого плакал — косою чёлки, как видишь, не имею... Но поплеваться в пепельницу есть из-за чего... Сам представь — приходишь утром на работу, начинаешь всякий мусор по топкам распахивать. Собираешься выпить магмочки горячей, а тут глядь — в личном деле одного из кандидатов запрос имеется — примите, мол, на предприятие. Сразу про магмочку забываешь и внимание заостряешь на клиенте. Посидишь, посмотришь, а как приглядишься — так оказывается, что кандидат этот ни рыба, ни мясо, ни змей, ни херувим... Тьфу, только время зря потратил.

— Так что же это? — замялся грешник. — Выходит, я...

— Угу! Такой же, как и все, — кивнул Лукавий. — Вот, кстати, за «венчанием» ещё характерное видео. «Крещение» называется, — он кликнул на следующий ролик. — На сынулю своего, стало быть, Изенькино клеймо добровольно согласился поставить.

— Так это тоже, что и первое — для жены... Для вида! — снова попытался оправдываться грешник.

— А ты вообще помнишь, как жёнушка тебе изменила? — тут же зацепил отстраненную тему Лукавий.

— Что? Это тут при чём? — ещё больше задёргался грешник.

— А при том, что те все слова, которыми ты её обзывал — вдруг они тоже не заслужены? Вдруг твоя жёнушка тоже лишь «для вида» с другим покувыркалась? — прищурился Лукавий.

— Да ты что? Как можно сравнивать?! — разозлился грешник.

— Что значит «как можно сравнивать?» — удивился

Лукавый. — Когда посторонний самец тело твоей «суженой» увлажняет — это для тебя серьёзная проблема. А когда бородатый дядька на венчании тебя погонялом «раб» называет — это фигня, да?

Грешник уставился на Лукавого остекленевшими глазами.

— Похоже, что фигня, — ответил за грешника Лукавый, и тут же уточнил: — Фигня ДЛЯ ТЕБЯ.

Грешник хотел что-то сказать, но лишь раскрыл рот и тут же осёкся — не подобрал нужных слов.

— Приоритеты... — коротко подытожил Лукавый. — Всё дело именно в них.

— Я просто любил жену... Очень сильно, — всё-таки нашёл слова грешник. — Разве любить — это плохо? Все эти поповские сказки о том, что ты учишь только ненавидеть, и что презираешь любовь — это ведь выдумки?

— Ну, выдумки, и что с того? — взяв сигару, сказал Лукавый. — Любишь ты там с кем хочешь. Вот только меня зачем в это втягивать? Я же к вам в постель не лезу.

— Ну как же? — по-новой начал старую песню грешник. — Я ведь из богов только тебя одного и уважаю!

— Я не бог, — коротко отрезал Лукавый.

— Ну, да! Я просто немного не так сказал, — закивал грешник. — Не богов, а ТЕБЯ уважаю — вот как правильно...

— Это мне немного льстит, но не даёт основания уважать взаимно, — скучающим тоном сказал Лукавый, продолжая прокручивать линейку видеороликов.

— Ну, а что ты от меня хочешь — я же ведь всего лишь человек! — сорвался на причитания грешник. — Это тебе здесь хорошо — сидишь весь такой из себя самый главный крутой и бессмертный! Самый главный тут в Аду! А вон там — среди тех, кто с тобой не согласен! Среди тех, кто тебе не подчиняется и не слушает! Попробуй — проживи среди таких, не приспособившись!

— Пробовал уже... — скучающе ответил Лукавый. — Не понравилось, уволился, основал собственную фирму. Последнее, кстати, удалось не без усилий. Зато прогигаться не пришлось...

— И что же мне теперь — к боженьке валить? — язвительно перебил грешник.

— Хорошо бы, — вздохнул Лукавый. — Да только с

небольшим опозданием решения принимаешь...

Пару секунд грешник молчал, а потом на его лице вдруг начал рисоваться испуг.

— Тогда что со мной будет?

— Если бы ты только знал, как часто мне приходится слышать этот вопрос, — выпустив облачко сигарного дыма, сказал Лукавый. — Вот, кстати, ещё забавное видео, — Лукавый кликнул на ролик, озаглавленный фразой «прямо в хуй» и символами, изображающими перекошенный от смеха смайлик. — Это, я так понимаю, тоже «для вида»?

— Мама была верующая... Хотела чтобы после смерти её по всем канонам отпели... — пробормотал грешник.

— И чтобы ты распятие поцеловал — это тоже её предсмертная идея? — поинтересовался Лукавый.

Грешник сперва пожал плечами, а затем отрицательно покачал головой.

— То есть и отказаться мог, и всё равно не стал? — удивился Лукавый. — В чём же здесь была загвоздка? Поп авторитетом задавил?

Грешник молчал, растерянно моргая глазами. Затем признался:

— Люди смотрели... Неудобно как-то отказываться...

— Ах, во-о-от оно что! — с наигранным пониманием вскинул брови Лукавый. — Ну, тогда ж другое дело! Хоть сейчас на должность «аццкого сотоны» тебя записывай!

Грешник молчал — он прекрасно понял всю суть сарказма.

— Ты глянь, как присосался! — усмехнулся Лукавый, вновь глянув происходящее на экране действо. — И впрямь в оное место Изеньке попал! Понравилось?

Грешник вновь ничего не ответил. Казалось, что он впал в беспамятство — нервозность и растерянность прошли, на лице появилась сперва обречённость, затем безразличие.

— А ещё у нас что интересного? — с любопытством произнёс Лукавый и вновь начал прокручивать линейку видеороликов.

— Хватит! — внезапно произнёс грешник.

— Что? — с любопытством перевёл на него взгляд Лукавый.

— Не издевайся больше... — с безразличием вздохнул грешник. — Жги.

— Э-э-э... Сам соглашаешься? — удивился Лукавый.

— Я всё понял. Жги, — кивнул грешник.

— Вот те раз! — ухмыльнулся Лукавый. — Редко когда приходится такое слышать! Ну, да ладно.

Грешник смотрел на Лукавого пустыми глазами. Лукавый начал дописывать ведомость.

— Это долго? — негромко спросил Грешник.

— Что «долго»? — не отрываясь от записей попросил уточнить Лукавый.

— Гореть буду долго? — уточнил грешник.

— Придётся потерпеть, — ответил Лукавый. — Ну да ничего — когда всё закончится, то о проблемах и не вспомнишь... как и обо всём остальном, впрочем.

Грешник тяжело вздохнул.

— Знаешь... — вызвав конвоиров, сказал грешнику Лукавый. — Раз уж ты хоть в самый последний миг проявил адекватность, то... могу поощрить.

Грешник с надёжной поднял глаза.

— Пока конвоиры не пришли, то покажу пару весёлых роликов, — он переставил монитор так, чтобы изображение было видно не только ему, но и грешнику: — Не волнуйся — не о тебе. Просто развлекательное...

Грешник снова вздохнул — перед топкой удовольствие сомнительное.

— Как знаешь... — вздохнул он с безразличием.

— Вот этот неплохой, — сказал Лукавый, включая один из новых роликов.

На середине видеоряда грешник даже слабо улыбнулся.

«Какие-то зачатки в нём всё-таки есть», — заметив это, подумал Лукавый. — «Жаль только, всходов нет. Профукал жизнь впустую».

— Шеф, вызывали? — окликнули с порога рогатые конвоиры.

— Вызывал, заходите, присоединяйтесь, — приглашающе позвал Лукавый.

— Забирать? — указав на грешника, поинтересовался один из рогачей.

— Сейчас, дайте парню видео досмотреть, — ответил Лукавый. — Вам, кстати, тоже глянуть рекомендую — вещь весёлая.

Рогачи присели на два появившихся из пламени стула.

— И долго ему ещё до топки? — ощерившись, тихонько спросил один из конвоиров.

— Ещё шесть минут, — мимоходом ответил Лукавый, посмотрев на обозначенное до конца видеоряда время. — Хм... А может быть, и больше, — он прищурился наблюдая за возникшей на экране заминкой: — Что-то тормозит «Инфернал-Тьюб» сегодня... Видимо, снова Адольф расчленёнку на сервак закачивает.

Полукровка

— Допрыгалась, да? — тихо спросила грустная девушка с длинными темно-каштановыми волосами.

— Чего? — не отрываясь от просмотра ведомости, переспросил Лукавый.

— Говорю, что допрыгалась, — вздохнула девушка. — Неважно...

— А разве прыгала? — удивился Лукавый. — Здесь же, вроде, написано, что передумала, — он ткнул когтём в ведомость.

— Я не про это... — отрицательно качнула головой девушка, и слегка улыбнулась.

Улыбка получилась горькой.

— Про что же тогда? — по-прежнему не отрываясь от ведомости, мимоходом поинтересовался Лукавый. — Ах, ну да — в переносном... — тут же ответил он сам на свой вопрос и листнул страницу.

— Как такое может быть? — непонимающе прошептала девушка, поглядев на сжатый в пальцах предмет — одноразовую кремнёвую зажигалку.

— Что-то не пойму, — проигнорировав её слова, оторвался, наконец, от ведомости Лукавый. — Если решила себя убить, то для чего кислородная маска?

Девушка тоже подняла от зажигалки взгляд на хозяина кабинета. Смотрела пустыми карими глазами. Молчала.

— Я ведь не с ним разговариваю, — Лукавый взглядом указал на свежераспечатанную фотографию Иисуса, что недавно заняла своё законное место на мишени «дартс». — А с тобой, — он вернул взгляд на девушку.

— Я... — глупо произнесла она, — Что? — во взгляде появилась слабая осмысленность.

— Мозг выгорел? — удивился Лукавый.

— Ну что вы от меня ещё хотите? — не останавливаясь на его издёвке, устало спросила девушка.

— Я спрашиваю, выгорел ли у тебя мозг, раз ты на вопросы отвечать не в состоянии, — без тени смущения повторил свою претензию Лукавый.

— Зачем вам всё это? — девушка указала взглядом на ведомость.

— Так положено, — ответил Лукавый. — Вот здесь о тебе, — он повернул к девушке лист ведомости и указал когтём имя: — Вётрова Алёна Сергеевна. Ты? То-то же! Если торопишься, то в твоих же интересах побыстрее на всё ответить.

Ветрова, тяжело вздохнула и кивнула в согласии.

— Так-то лучше, — сказал Лукавый, затем снова глянул в ведомость, чтобы вспомнить, о чём шла речь, — Так для чего тебе понадобилась кислородная маска?

— Я могла отключиться... — ответила Ветрова.

— А разве не этого хотела изначально? — ещё больше удивился Лукавый.

— Могла отключиться раньше времени, — пояснила девушка.

— Какого такого «времени»? — не понял Лукавый.

— Запланированного... — сказала Алёна, вновь опустив взгляд на зажигалку.

— Давай ближе к делу, — потребовал Лукавый, сунув руку в карман за портсигаром. — Запланированное время тоже бывает разным. Это и «время пить чай», и «время собирать камни», и «время жечь собирателей камней», и много чего ещё...

— Зажечь, — кивнула Алёна, согласившись с третьим предложенным вариантом.

Лукавый прищурился — его собеседница явно не вслушалась во фразу про «собирателей» и уж тем более не уловила её смысл. А под «зажечь» подразумевала что-то своё.

— Ну что ж... Рассказывай, — он слегка откинулся в кресле, приготовившись слушать историю.

Продолжая глядеть на зажигалку, Ветрова чиркнула по кремню металлическим колёсиком. Результата не было — ни огонь, ни даже искры из-под колёсика не появились. Девушка повторила попытку.

— Не заработает, — заметив её действия, сказал Лукавый. — Это лишь тонкоматериальная проекция той твоей игрушки.

— Какая проекция? — Ветрова подняла на него непонимающий взгляд.

— Тонкоматериальная, — повторил Лукавый. — Удивительно, что тебе вообще удалось это спроецировать — мало кто даже за собственным внешним видом следит в послесмертии.

— Я не понимаю вас... — покачала головой девушка.

— Да что там понимать, — фыркнул Лукавый. — Вот ты, к примеру, — он указал в сторону девушки кончиком сигары. — Ты взорвала себя. Ну, по крайней мере, так написано здесь... — он повернул сигару к ведомости, уронив на лист крошки пепла. — Тьфу ты, блин! — попытался сдуть, но не рассчитал силу, и поджог дуновением весь лист. — ТВОЮ Ж МАТЬ! — быстро заколотил по листу ладонью, погасив пламя.

Ведомость, впрочем, не пострадала — адская бумага упорная, как и полагается. Но вместо крошек пепла на листе появилась копоть. Достав из кармана пиджака платок, Лукавый принялся её вытирать.

— На чём я остановился? — попросил он напомнить, закончив процедуру.

Алёна в очередной раз не отреагировала. Только теперь она не витала в своих мыслях, а сидела, вжавшись в спинку кресла, и испуганно глядя на недавно полыхавшую ведомость.

— Ты это чего? — удивился Лукавый.

Теперь Алёна не проигнорировала — нервно дёрнулась на его голос, словно это был выстрел или удар бича. Глаза её были круглыми от шока.

— Я не привыкла ещё... — положив ладонь на грудь в области сердца, совсем тихо прошептала она. Даже не прошептала — прошевелила губами. Но Лукавый всё понял.

— Ты расслабься, здесь многое вначале кажется необычным, — обнадежил он. — Но техника безопасности соблюдается — раньше времени не страдаешь... при хорошем поведении.

Девушка стала немного отходить — отняв руку от сердца, положила пальцы ладоней на прикрытые веки, слегка

потёрла глаза. Затем помассировала виски. Наконец, с полувиноватым видом тихо произнесла:

— Я в порядке...

— А я уже нет — снова забыл, на чём остановился, — честно признался Лукавый.

— Взорвала себя... — напомнила Алёна, и Лукавый даже слегка удивился, что при всей мятости и измученности, она всё ещё держит себя в руках и сохраняет осмысленность происходящего.

— Ага, точно, — одобрительно кивнул он. — В общем, прикол тут один есть интересный — большинство попадающих сюда жмуриков имеют характерные отметины. Те, благодаря которым освободили от себя Мироздание.

Девушка напряглась, пытаясь переварить услышанное. Но в итоге виновато покачала головой — снова ничего не поняла.

— Не так давно, к примеру, одна особа попала аккурат с виселицы вот в это кресло, — Лукавый указал на место, где сидела Ветрова. — Ну, и на шее, понятное дело, борозда нехилая...

Алёна неосознанно запустила пальцы в свои длинные волосы — коснулась шеи, будто та у неё затекла.

— Ага, именно там, — кивнул Лукавый, отчего девушка тут же осознала действие и убрала руку.

— Но при чём здесь я? — спросила она.

— Да при том, что у тебя ещё хуже должно всё быть, — ответил Лукавый. — И тем не менее — даже в зеркало можешь смотреть без предварительного психотренинга.

Алёна опять напряглась, пытаясь переварить мысль. Затем снова потёрла пальцами уставшие глаза.

— Мне очень плохо... — сказала она. — Я ничего не соображаю... Не понимаю вас...

— Сейчас ты выглядишь так, как при жизни до взрыва, — в лоб пояснил Лукавый. — Твоё эфирное тело сохранило форму! Теперь врубаешься?

— Эфирное... что?

— Большинство поступающих сюда клиентов очень крепко застряло на физическом уровне, — дальше стал пояснять Лукавый. — За эфирным телом не следят вообще. Из-за этого после смерти и превращаются в то, чем физически стали в момент гибели.

— А я? — спросила Алёна, словно и не слушала.

— Так! — не став ругаться, жёстко сказал Лукавый, и, развернув к девушке монитор, навёл на неё веб-камеру. — Узнаёшь подругу?

Увидев на экране своё изображение, Алёна слегка кивнула головой. Затем приподняла руку, пошевелила пальцами. Дёрнула глазами к камере и обратно — явно пыталась встретиться взглядом с той «подругой» на экране. Но «подруга» всякий раз отводила глаза в сторону — смотрела не в объектив камеры, а на такой же, не попадающий в кадр монитор.

— Что, красивая? — игриво поинтересовался Лукавый. — То-то и оно! Мне тоже нравится...

Девушка опасливо на него покосилась, а Лукавый тем временем что-то нажал на клавиатуре, сказав при этом:

— А ведь могла бы выглядеть и так!

Изображение на экране тут же изменилось. Из динамиков грянул душераздирающий вопль, которым некоторые юмористы Мироздания очень часто пугали ничего не подозревающих компьютерных пользователей, предварительно включив звук колонок на максимум и предлагая посмотреть флеш-ролик вроде «что неправильно с картинкой» или «проведи курсор по лабиринту». Вместе с душераздирающим воплем «феерию» дополнила выскочившая на весь монитор картинка — обгоревший человеческий череп с остатками спёкшейся плоти.

Похоже, Алёна взвизгнула — Лукавый толком не услышал из-за воющих колонок. А когда те затихли, то и Ветрова уже безмолвствовала — сидела, вжавшись в спинку кресла и зажмурился глаза.

— Всё, уже можно просыпаться, — усмехнувшись, окликнул её Лукавый. — Плохой бабай ушёл с экрана — больше не вякнет.

Алёна не ответила. Теперь Лукавый мог слышать, как колотится её сердце — даже звук компьютерного кулера не мешал ему в этом. А ещё ритм дыхания у девушки стал иным — это тоже было слышно невооружённым ухом.

— Что — и вправду так страшно? — удивился Лукавый.

Не раскрывая глаз, Алёна попыталась ответить, но тут же себя сдержала. Лукавый увидел, как дрожат её губы.

— Я покурю пока, — решил он дать ей поблажку. — А ты давай — вздохни глубже, успокойся.

На этот раз девушка задержала ладони возле глаз намного дольше — просто посидела так какое-то время. Без разных всхлипываний и прочего. Возможно, что и этот для кого-то глупый жест с закрыванием лица попыталась бы не делать... если бы могла. Но увы — глаза пришлось крепко запечатать, чтобы сдержать подступившие слёзы.

Попыхивая сигарой, Лукавый не спеша взял ведомость, продолжая её изучать. Ему явно не нравилось, как она была составлена.

— Я этим белокрылым когда-нибудь все перья выщиплю, — ругнулся он. — Нихера нормально сделать не могут — всё самому выяснять приходится.

Ветрова уже отошла от шока и внутренних переживаний — убрала ладони от лица, быстро заморгала. Затем дёрнула ресницами чуть медленнее, оглядела комнату. Глаза её были сухими, словно и не произошло ничего.

— С возвращением! — поприветствовал её Лукавый. — Разговаривать можем?

— Лучше бы сразу кожу с меня содрали... — то ли пошутила, то ли всерьёз пожелала девушка.

— Не торопи события, — отрицательно покачал головой Лукавый. — У нас на предприятии ценят последовательность.

— Мне ещё не то здесь пережить предстоит, да? — откровенно спросила Алёна, стараясь дышать ровно.

— Посмотрим... — задумчиво сказал Лукавый, глядя ведомость. — Я тут вот что решил за время твоего «отсутствия», — он выбросил огрызок сигары в пепельницу и вытащил из кармана золотой «Паркер». — Пугать и подшучивать я над тобой больше не буду — из-за этого лишь время впустую уходит. Правда, ведешь себя не как большинство... Но это не суть.

Алёна слушала молча.

— Суть в другом, — продолжал Лукавый. — Ту ведомость, что мне на тебя составили, дополнить надо. Потому как большая часть так называемых «грешников» — это вас так придурки из «царствия» называют — отправляется к нам из-за отказа одного очень влиятельного маразматика. Ну а его ангелочки иногда участвуют в составлении документации. Причём весьма коряво. Вот и приходится дополнять. Ты слушаешь?

Девушка подняла взгляд, кивнула.

— Эту твою ведомость, — Лукавый показал бумагу. — Обстоятельства смерти в ней указаны, а вот мотивы...

Ветрова по-прежнему молчала. Но Лукавый не продолжал. Ждал от неё слов.

— Я совсем запуталась... — честно призналась она. — Со мной столько всего произошло, что не могу понять многое...

— Просто расскажи обстоятельства смерти, — сказал Лукавый.

Ветрова будто окаменела. Смотрела в одну точку.

— Можно я не буду об этом? — попросила она.

— Нельзя, — отрицательно качнул головой Лукавый. — Таковы правила.

Алёна попыталась что-то сказать, но запнулась. Снова взяла себя в руки, сделала глубокий вдох. Лукавый не торопил — надоело издеваться и подшучивать.

— Их было пятеро... — наконец начала историю девушка. — Они знали мой домашний адрес... А я знала, что явятся... — тут она снова запнулась, закрыла глаза.

— О ком это ты? — спросил Лукавый, мимоходом рисуя чёртика на полях ведомости.

— О дружках Рустама... — ответила Ветрова, и опять запнулась.

Быстро заморгав, она снова потерла глаза пальцами — из всех сил делала вид, что «всего лишь устала». Лукавый на всякий случай проверил свой карман на наличие платка.

— Я не знаю, что именно они сделали бы... — продолжила Алёна. — Но слышала, что способны на многое... Их весь район боялся...

Снова пауза.

Лукавый тем временем сделал последний штрих на рисованном чёртике.

— Продолжай, я слушаю внимательно, — сказал он девушке.

— Ня-я-я! — внезапно пискнул с полей ведомости тонкий голосок.

— Да-да, с днём рождения, — мимоходом ответил Лукавый ожившему чёртику и придвинул к ведомости чашку с недопитой магмой.

Чёртик отделился от бумаги, обрёл объём и цвет, затем сунул рыльце в чашку, принялся лакать.

Алёна смотрела с изумлением.

— ЧТО ЭТО? — удивлённо спросила она, на миг забыв о своих переживаниях.

— Сама видишь — состругал, не подумавши, — тяжело вздохнул Лукавый. — Теперь заботиться придётся.

Он снова что-то вырисовал на полях, но уже в ускоренном темпе. Рисунок напоминал миниатюрный праздничный торт со свечкой. Отделив его от бумаги, Лукавый поставил возле чёртика. Свечка на торте не горела.

Чёртик за это время успел вылакать всю магму и немного увеличиться в размерах. Увидев торт, он взвизгнул от радости, затем, набрав полные лёгкие воздуха, выдохнул на фитиль облако пламени. Свечка зажглась.

— Обычно задувают... — наблюдая за происходящим, сказала Алёна. Лукавый заметил на её лице слабую улыбку.

— У каждого народа свои традиции, — ответил он, одновременно начав снова что-то рисовать. — У вас задувают, у нас — поджигают.

— Да, конечно, — сказала девушка, но в этот раз глаза её вновь стали пустыми, а улыбка начала медленно таять. Очевидно, какая-то из последних фраз Лукавого заставила её опять вспомнить о чём-то неприятном.

Чёртик тем временем доел пирог вместе со свечкой и сладко рыгнул. Лукавый отделил от бумаги новый предмет — это был маленький трезубец, перевязанный праздничной лентой. Чёртик ещё сильнее завизжал и запрыгал от радости, когда Лукавый вручил ему подарок. Затем взмахнул кожистыми крылышками и порхнул под потолок, начав там носиться, подобно мухе.

— Одним непоседой больше, — прокомментировал Лукавый, потом, посмотрев на погрустневшую Алёну, спросил: — Вернёмся к твоей истории?

Девушка кивнула.

— Только давай немного упорядочим, — сказал Лукавый. — Во-первых — кто такой Рустам?

— Его отец владеет сетью ресторанов в нашем городе, — стала рассказывать Алёна. — Имеет связи в городской мэрии... Богатый и влиятельный...

— Так уж прямо «влиятельный»? — прищурился Лукавый.

— По тамошним меркам, — пояснила девушка.

Лукавый кивнул — принимается. Продолжил слушать.

— Началось всё ещё в университете, — продолжила Ветрова. — Хотя... честно скажу — мне ещё повезло. На занятиях Рустам почти не появлялся, поэтому пересекались с ним мало... А когда бывал — то всё как-то с другими девушками у него... — она снова запнулась.

— Погоди. Тут же, вроде, написано, что ты медик по образованию, — сказал Лукавый, ткнув паркером в ведомость.

— Патологоанатом, — покачала головой Ветрова.

— А этот твой... вернее, не «твой», не бери в голову... — сделал важную поправку Лукавый. — Этот Рустам. Он что — тоже медик?

Алёна пожалала плечами. Потом сказала:

— Он учился в университете... вернее ходил туда.

— Стоп-стоп! Погоди чуток, — Лукавый что-то набрал на компьютере. — Это не он случайно? — он повернул монитор к девушке.

Ветрова застыла и побледнела.

— Значит, он, — сказал Лукавый, возвращая монитор в исходное положение. — Да не смотри ты на меня так — это всего лишь бета-версия его ведомости. Пока не помер — в разработке находится.

Девушка разомкнула губы, пытаюсь что-то сказать.

— Сегодня утром я разбирал полёты его дружков, — продолжил пояснять Лукавый. — А в их ведомостях была ссылка на этого Рустама.

— Они... тоже... здесь были? — проговаривая слова, прошептала Алёна.

— А то как же? — хихикнул Лукавый. — Чёрные-чёрные... В прямом смысле — от гари и копоти. Не то, что ты...

Девушка вздрогнула и резко поднялась с кресла, неосознанным движением попытавшись отряхнуть юбку.

— Да расслабься — в твоём кресле не сидели, — усмехнулся Лукавый. — Чистое оно...

Алёна недоверчиво посмотрела на сиденье.

— Правда? — спросила она.

— Врать не стану, — фыркнул Лукавый. — У нас сидушки предоставляются вот так, — он прищёлкнул пальцами, и рядом с девушкой вспыхнуло пламя.

Та даже не успела испугаться, как из огня материализовалось ещё одно кресло.

— Стерильное... — сказал Лукавый. — Огонь чистит от любой заразы.

Чёртик, привлечённый происходящими фокусами, перестал носиться под потолком и спикировал вниз к Лукавому.

— КИЙЯ!!! КИЙЯ!!! — стал выпендриваться он, прыгая по столу и, размахивая трезубцем, имитировать «восточные приёмы».

— Пуфф! — направив на него указательный палец, симитировал в ответ Лукавый пистолетный выстрел.

Чёртик подыграл незамедлительно — материализовал на своей мордахе чёрные очки и стал прогибаться в спине, изображая сцену из хорошо известного в Мироздании кинофильма.

Ветрова ахнула от изумления. Услышав её голос, игривый чёртик слегка подпрыгнул и тут же замер в воздухе. Затем, продолжая так висеть, начал неспешно поворачиваться вокруг своей оси — от Лукавого к девушке. Та опасливо отодвинулась вместе с креслом — в этой «сцене» чёртик явно намечал удар в прыжке.

— Не трогай! — запретил ему Лукавый, и, аккуратно взяв за хвост, оттащил подальше от Алёны. — Лучше с дядей Изей лети поиграй! — он показал ему висевшую на мишени «дартс» фотографию Иисуса.

— Банза-а-а-ай! — обрадовавшись, заверещал чёртик и тут же ринулся в атаку на несчастную фотографию. — Ня! Ня! Ня! — стал громко восклицать он, нанося при каждом возгласе удар трезубцем в лицо Иисуса.

— А он точно не...? — Алёна опасливо оглянулась назад.

— На тебя не ринется. Точно, — заверил Лукавый. — Коль я запретил, то не ослушается.

Она немного успокоилась, а затем спросила:

— Откуда он всё это знает?

— Что? — не понял Лукавый.

— Сцены из фильма, — сказала девушка. — Он ведь только что родился?

— У демонов телепатия хорошо развита, — пояснил Лукавый. — Вот кое-что и стырил у меня из памяти. Далеко пойдёт...

Алёна улыбнулась. Ей нравилось следить за ужимками чёртика, особенно когда узнала, что для неё он неопасен.

— Мы отвлеклись, — напомнил Лукавый.

Девушка вернула взгляд на него. Кивнула. А глаза стали меркнуть — снова возвратилась печаль.

— Расскажи, что было дальше, — сказал Лукавый.

Алёна помолчала, пытаясь вспомнить нить разговора.

— Рустам стал приставать ко мне ближе к концу университета, — продолжила она повествование. — Вначале терпимо, в неагрессивной форме...

Лукавый что-то пометил в ведомости.

— Те разы можно было отмахнуться, отшутиться, — рассказывала Алёна. — Парней нахальных и так много. Умение «красиво отшивать» для девушки... ну, почти то же самое, что для парня «умение красиво ухаживать». От подруг часто такое слышала...

Лукавый снова сделал в ведомости пометку.

— Но через какое-то время, — продолжила Алёна, — его стало злить, что я... быть с ним не хочу.

— Типичный представитель... — негромко прокомментировал Лукавый.

Алёна посмотрела на него с вопросом, но Лукавый лишь кивнул — продолжай, мол, рассказывать.

— В один из дней, — продолжила Ветрова, — Рустам попытался зажать меня в углу и поцеловать...

Лукавый заинтересовано прищурился.

— Вот тогда я впервые его ударила, — сказала Алёна. — В начале, когда целоваться полез, пихнула его ладонью в лицо... Тогда он меня силой попытался сгрести в охапку, и я ему коленкой между ног... — договорив, Ветрова сделала паузу.

— Неплохо, — слегка улыбнулся Лукавый, делая в ведомости новую пометку.

— В тот момент он согнулся, а я высвободиться и отскокить успела, — после паузы продолжила Алёна. — И вот после этого он с кулаками на меня...

Она снова замолчала.

— Избил? — поинтересовался Лукавый.

Ветрова отрицательно качнула головой.

— Я всегда газовый баллончик ношу в сумочке, — сказала она. — Брызнула ему в лицо...

— Замечательно! — удовлетворённо кивнул Лукавый, делая в ведомости ещё одну пометку.

— А знаете, что было дальше? — Алёна вдруг улыбнулась, но улыбка была такой нервной, что ни о какой радости здесь речи и не шло. — В тот же день меня в деканат вызывают разбираться. «Нападение на студента»... Вы можете себе такое представить? — она опять попыталась изобразить улыбку, но губы дрогнули, и девушка быстро закрыла лицо ладонью, потёрла «усталые» глаза.

— Да уж, «обидела юродивого», — криво усмехнулся Лукавый.

— Ничего мне там, правда, не сделали, — продолжила Алёна. — Так, надавить пытались психологически... Доказательств ведь всё равно нет. Да и подружки помогли — рассказали, что он приставал ко мне раньше.

Лукавый кивнул и, отложив ручку, начал что-то делать на компьютере.

— Правда, бреда я там наслушалась такого, что... — Алёна вновь оборвала фразу, успокоилась и продолжила: — С ума сойти можно... Говорили: «у них свои традиции», «терпимей надо относиться к приезжим», «толерантней надо быть»... А кое-кто вообще сказал: «извинись иди, помирись с ним» и «прощать уметь надо», — она замолчала, перевела дух. — Как они это видят? Я ради «толерантности» и «прощения» должна его подстилкой быть?

Лукавый поморщился и отодвинулся от компьютера. В кабинете повисла тишина. Лишь возле двери то и дело раздавался стук — чёртик рожками бодал фотографию Иисуса. А ещё грозно скалился и рычал на неё свирепым утробным рыком.

— Самое страшное началось позже, — совсем тихо произнесла Ветрова.

Опять пауза.

— Продолжай, я слушаю, — снова придвинувшись к компьютеру, сказал Лукавый.

— Вечером тоге же числа... — вполголоса заговорила девушка. — Рустам собрал всех своих дружков возле универа...

Лукавый окончил возиться с компьютером, повернулся в её сторону.

— Они схватили меня и потащили к своей машине, — сказала Алёна. — Ослепить я успела тогда лишь одного — потом отняли баллончик...

Лукавый слушал.

— Но рядом оказались ребята с моего факультета... Они заступились... Началась драка...

Лукавый взял ручку, стал вносить новые пометки в ведомость.

— Ребят с нашего факультета было больше — сумели мне помочь... — рассказывала девушка. — Но потом...

— Что потом? — после очередной паузы спросил Лукавый.

— Через несколько дней у моих друзей начались проблемы, — сказала Алёна. — Кого-то в милицию стали дёргать, кому-то угрожать... А некоторых... — она замолчала.

Лукавый подождал.

— Несколько моих знакомых выследили по одному... И избили так, что те в больницу попали, — она снова сделала долгую паузу, перевела дух. — А двоих вообще... — здесь она снова опустила голову, прикрыла лицо ладонью.

— Кажется, я понял, — не заставляя завершать, сказал Лукавый. — Ссылки на это были в ведомостях тех самых дружков Рустама, — он взял в руки мышь и щёлкнул по значку обозревателя «FireHound», изображающему синий земной шар с намертво вцепившимся в него снизу огненным цербером.

Затем зашёл на сайт «InfernalTube», открыл параллельно электронный вариант ведомости одного из дружков, перепостил оттуда код видеоролика. Запустил видео. Из колонок послышался шум и нечёткие людские возгласы, агрессивные вопли. Явно драка.

Девушка вздрогнула, переведя испуганный взгляд на отвернутый от неё монитор.

— Что это? — почти прошептала она.

— Сцены тех самых нападений, — ответил Лукавый. — Что, знакомые звуки?

Глаза Алёны округлились ещё сильнее, в них вдруг появилась мольба. Девушка побледнела и прошептала:

— Выключите...

— Да, качество прескверное, — согласился Лукавый, делая звук тише. — Херувимы снимали, полностью оправдывают своё название...

Девушка не понимала, о чём он говорит — её голова теперь была занята другим, что ударило по ней так внезапно и болезненно.

Чёртик воспринял происходящее с куда большим энтузиазмом — вмиг примчался от мишени «дартс», заинтересовавшись звуками видеоролика.

Увидев драку на мониторе, он вдруг вспыхнул ярким облачком пламени и размножился, породив с десяток себе подобных двойников. У каждого двойника на голове вместо тёмных очков уже вырос древний бронзовый шлем с характерным гребнем.

— Это Спа-а-а-а-а-р-р-рта!!! — хором завопили маленькие твари, и воинственно вскинули вверх трезубцы.

Девушка снова выпала из переживаний — ошалело выпучилась на происходящее. А маленькие чертенята тем временем, не теряя ни минуты, быстро ринулись прямо к экрану монитора.

— СТОЯТЬ! — что есть мочи выкрикнул Лукавый, в последний момент притянув к себе телекинезом всю «спартанскую» группу. — ОТСТАВИТЬ! — собрав их в охапку, он в ускоренном темпе превратил всех назад в одного единственного чертёнка. — Ты что?! Аппаратуру мне решил испортить?!

— Агрррррррррррр! — пытаюсь вырваться из лап Лукавого, чертёнок оскалился и зарычал на монитор утробным рыком.

Лукавый поспешно нажал Alt-F4. Изображение пропало с экрана, чёртик издал победный клич.

— Всё, лети вон дальше с ним разбирайся, — Лукавый снова указал на Иисусову фотографию. — Этот всё ещё не сбежал с поля боя.

Чёртик снова оскалился — теперь уже на Иисуса. Явно проникся всей глубиной родительских слов, почувствовал вызов со стороны дырявой фотографии. Ринулся в атаку.

Похоже, что происходящее действительно хорошо отвлекло девушку — она с интересом вертела головой, глядя то на чёртика, то на Лукавого.

— Что, понравился питомец? — поинтересовался Лукавый. — Вот там, — он неопределённо ткнул когтем в экран монитора, — тебе бы и вправду не помешал такой защитник.

— Вы про университет? — растерянно спросила девушка.

— Про Мироздание в целом, — ответил Лукавый. — Впрочем, ладно... Продолжай свою историю.

— А вы... В самом деле могли бы отправить в Мироздание... вот его, например? — девушка вполоборота оглянулась на чёртика.

— Если бы не противостояние с небесными полудурками, то я бы таких разбойников вагонами туда засылал, — ответил Лукавый. — Чтобы не на офисные мониторы, а на настоящих рустамов кидались. Аппаратура у меня не казённая.

Девушка смотрела на него широко распахнутыми глазами. В них читалась странная смесь надежды, изумления и, в то же время, всё ещё оставшегося недоверия.

— Ну, ты будешь дальше рассказывать или нет? — скучающим тоном спросил Лукавый, вытягивая из кармана портсигар.

Девушка снова кивнула.

— В итоге получилось так, что я и остальные мои знакомые тоже стали толпой из университета возвращаться. До самой станции метро, — заговорила Ветрова. — И меня несколько человек провожало... хорошие ребята.

Лукавый закурил новую сигару.

— Тогда Рустам перестал атаковать в открытую, — вздохнув, продолжила Алёна. — Начал про меня слухи распускать... Будто сплю со всеми парнями, кто со мной дружит и кто меня провожает...

Лукавый открыл базу Мироздания, начал внимательно изучать фотографии Рустама.

— Ещё через время он записку подкинул, — сказала девушка и запнулась.

— Что в записке? — осведомился Лукавый.

Алёна не ответила. Во взгляде появилась растерянность — девушка поняла, что болтнула лишнее.

— Раз начала, то завершай, — сказала Лукавый.

— Я перепутала... это из другой истории... не связанной с Рустамом... — сбивчиво стала оправдываться Алёна.

— Нехорошо врать! Это идёт в ведомость, — строго сказал Лукавый, и действительно добавил в ведомость пометку.

Алёна опустила лицо на ладони, уперлась локтями в колени. Похоже, у неё сильно болела голова.

— Он написал, что если я хочу прекратить сплетни, то...

должна... — убрав с лица ладони, они переместила пальцы на виски.

— Здесь нет посторонних, — сказал Лукавый. — Да и ведомости не всякий прочитает. Хватит стесняться!

— Написал, что должна спать с ними его дружками! — Алёна вдруг сказала это столь резко, что Лукавый даже удивился.

Девушка подняла лицо, уставилась прямо в его огненные глаза. Долго взгляд выдержать не смогла, но за это время на её лице отчётливо читалось: «Ну что? Доволен? Это хотел услышать?!».

Лукавый ничего не сказал. Разглядывал Ветрову с любопытством, а та снова опустила голову в ладони. Спросила:

— Долго мне ещё здесь?

— Пока не закончишь историю, — ответил Лукавый.

Она тяжело вздохнула:

— Мне продолжать?

— Продолжай, — неколебимо сказал Лукавый, вновь посмотрев в ведомость.

— Я не знаю, зачем тогда в деканат пошла... — вздохнула Алёна. — Всё ещё верила, что помогут... дура.

Лукавый вернул на неё взгляд. Мало кто из грешников ругал себя в его кабинете — больше оправдаться пытались. Правда, излишнего самоедства Лукавый тоже не одобрял.

— А они мне: «милая, обращайтесь в милицию, а мы отвечаем за учёбу», — довершила Алёна.

— А как же «нападение на студента»? — напомнил Лукавый. — За это они, выходит, отвечают?

Ветрова пожала плечами:

— Вы это у меня спрашиваете?

— Ладно, проехали, — согласился Лукавый. — У деканата и узнаем... если в мой кабинет доставят. Кстати, доставят ли? — он решил проверить статус Алёниных преподавателей.

Запустил поисковик, узнал их имена по данным Алёниного университета. Зашёл на сайт Небесного Царствия.

Девушка молчала, смотрела в одну точку. Её переполняли мысли и воспоминания.

— А одна из подружек моих тоже хороша... — внезапно сказала она дрогнувшим голосом. — Ты что, говорит, белая ворона? Таких, как Рустам, ценить надо. Они щедрые, другие с ними живут — и ничего...

— Слыхали и такое, — проглядывая базу Царствия, с неудовольствием заметил Лукавый. — Этих дурочек даже мои церберы почему-то жрать отказываются.

— Что? — растеряно спросила Ветрова, не поняв о чём идёт речь.

— Да так, — отмахнулся Лукавый. — Есть у нас тут одни пёсики, которым очень люди нравятся.

— В смысле? — всё ещё не поняла Алёна.

— Да в прямом, — улыбнулся Лукавый. — Обожают их что есть мочи! Вкусно, как «Orbit-человечина».

Похоже, девушку сильно подавил её собственный рассказ — она так и не пришла в себя окончательно, чтобы понять, о чём идёт речь.

— О! Вот твои преподы! — сказал Лукавый, отыскав нужных людей. — Хе-хе! А ведь положение у них и вправду весьма шаткое... В мой кабинет с огромной вероятностью того...

Лукавый хотел прочесть подробней, но в этот момент на экран выскочил райский баннер. «Спаситель» лежал на облаке в эротичной позе и манил пользователя горячим взглядом. «Хочешь познакомиться поближе?» — гласила надпись под его обнаженным телом. — «Тогда впусти Господа в свою душу, и мы поболтаем!»

— Бля! — выругался Лукавый, и навел курсор на крестик, чтобы закрыть баннер.

Крестик тут же повернулся под углом в сорок пять градусов, принял вид христианской символики. «Впустить господа», — сообщила всплывающая подсказка.

— Ах ты тварь! — ещё больше разозлился на баннер Лукавый и злобно дёрнул вниз полосу прокрутки.

Надоедливый баннер тут же устремился следом и вновь загородил текст. Иисус продолжал манить, слал воздушные поцелуи, игриво растирал кровь по соску.

— «Желаешь, слиться с господом?» — вполголоса зачитал Лукавый. — «Отправь СМС на номер...». ТЬФУ, КАКАЯ ДРЯНЬ! — не выдержал он, и просунул руку прямо в монитор. По поверхности экрана, словно по воде, пошли круги.

Ветрова уставилась вопросительно — не видела, что происходит на мониторе, слабо понимала, почему ругается Лукавый. А тот уже схватил баннер когтями и вытянул его

из монитора наружу. Картинка стала трепыхаться и визжать противным поросячьим визгом.

— ВОТ ТЕБЕ СМС! — Лукавый швырнул её в стоявшее под столом мусорное ведро.

То в сей же миг зашевелилось и оцетинилось зубами по бокам горловины. Баннер так и не успел выскочить наружу—ведро сомкнуло челюсти, начало жевать и чавкать. Поросячий визг баннера не прекращался ещё пару секунд. К ведру за это время подлетел заинтересовавшийся чёртик — стал порхать вокруг него и наблюдать за происходящим.

— Касперский? — слушая визг, неуверенно спросила Алёна.

— Аквинский, — с досадой ответил Лукавый. — Это он теперь в Царствии веб-дизайном занялся. Вот и штампует всякую дрянь.

Изничтожив баннер, ведро смачно и протяжно рыгнуло. Затем приняло свой обычный вид и затихло.

— Ладно, за преподами ещё понаблюдаем, — чтобы не терять больше времени, сказал Лукавый и зажёл очередную сигару. — Рассказывай дальше! Что было, когда из деканата отправили?

— Я не могла оставаться в том университете. Бросила учёбу и перепоступила в другом городе... — сказала Алёна, в то время как Лукавый пыхнул над собой колечком дыма. — И знаете... — она сделала паузу. — За долгие месяцы мне ещё никогда не было так легко. Этот выродок со своими дружками остался на какое-то время в прошлом...

— «На какое-то время», — тут же подметил Лукавый.

Алёна кивнула.

В это время чёртик, завидев дымовые колечки, подлетел к ним поближе. Одно из колечек он облетел по периметру, во второе пролез, остальные начал ловить пастью.

— Ты не отвлекайся, продолжай, — сказал Лукавый девушке, увидев, что чёртик вновь перевёл на себя её внимание.

— Я почти обо всём забыла, — продолжила рассказ Алёна. — У меня даже парень появился...

Лукавый отложил сигару на край пепельницы, вызвав тем самым слезливое возмущение чёртика — у того пропала возможность играть с дымовыми кольцами.

— Его Пашей звали, — продолжила девушка. — Мы встречались какое-то время...

Лукавый слушал.

— Он показался мне хорошим... — рассказывала про парня девушка. — Ласковым был... Ухаживал...

Перестав капризничать, чёртик вновь зарычал на Иисуса и полетел с ним бодаться.

— Подарки дарил, — продолжала Алёна. — Ревновал иногда к знакомым, но не сильно...

Покосившись на чёртика, Лукавый незаметно взял сигару, и, потянув дым, выдохнул его не колечком, а простым облаком, которое тут же рассеялось. Чёртик всё-таки заметил, две секунды понаблюдал, и, убедившись, что колечек нет, продолжил воевать с фотографией.

— И тут... — девушка сделала паузу, выражение лица было таким, словно сама не верила в то, о чём рассказывает. — Опять Рустам появился, — чтобы взять себя в руки, она сделала глубокий вдох. — Я не знаю, как он меня вычислил... Да и зачем ему ради меня в другой город?

— Любопытный тип, — сказал Лукавый.

— И Пашу тоже вычислил... — речь девушки вновь стала сбивчивой, с запинками.

Лукавый слушал.

— В какой-то из дней, как я потом узнала, он пригласил его... на беседу, — взяв себя в руки, продолжила девушка. — А«беседа» — это... — она сделала небольшую паузу. — В общем, он встретил его на улице, пригласил сесть к себе в машину... переговорить якобы...

— И тот прямо так сел? — удивился Лукавый.

— Да... — кивнула девушка.

— К незнакомому человеку?

— Рустам назвал моё имя... представился моим знакомым... это уже было поводом...

— Вот же... — Лукавый хотел было как-нибудь обозвать того доверчивого парня, но передумал, решив не пихать палки в и без того шаткие колёса рассказчицы.

— Они отъехали в малолюдное место... — дальше заговорила Алёна. — Остановились... И Рустам набросился с ножом. Без предупреждения.

— Откуда узнала? — поинтересовался Лукавый.

— Это потом... Когда Паша показания давал... в больнице, — фразы девушка говорила обрывками, но голос изо всех сил старалась держать ровным. — Он выжил тогда... вообще без сильных ранений... руку только, — Алёна глотала фразы, часто моргала.

— Я не тороплю, — лениво напомнил Лукавый.

Затем выждал, пока девушка успокоится.

— Паша отбивался от него кое-как, — в который раз совладав с собой, продолжила Алёна. —левой рукой закрылся, сопротивляться стал... руку, в основном, изрезало, — снова сделала паузу и глубокий вдох. — Потом из машины выскочил... И убежать... А там его уже люди заметили, и Рустам быстро уехал...

Она снова принялась протирать пальцами «уставшие» глаза.

— Я когда узнала... то прямо в чём была... во всём домашнем — к нему, в больницу... думала, с ума сойду, — теперь отчётливо было слышно, как дрожит её голос. — А он...

Долгая пауза.

— Что «он»? — напомнил о своём присутствии Лукавый.

Алёна молчала, прикрыв лицо ладонью и уперев локоть этой же руки в колено. Снова пришлось выждать.

— Затягивать тоже не стоит, — уже слегка пожалев о том, что «не торопит», сказал Лукавый.

— Подождите... — не открывая лица, обронила девушка неузнаваемым голосом — слабым и немного хриплым.

Лукавый дал ещё время, закурил новую сигару.

— Когда я приехала в больницу, то Пашу словно подменили, — всё ещё не открыв лицо, но без нового напоминания и вполне ровным голосом произнесла девушка. — Он повел себя так, словно я чужая, — пауза. — Он обвинил меня в... измене... решил, что я изменяла ему с этим... — короткая пауза. — Рустамом.

— Можешь ругаться, если хочешь, — разрешил Лукавый, поняв смысл короткой паузы.

Алёна не ответила. Убрала от лица руку — глаза слегка покрасневшие, но не более того.

— Я не знаю, что с ним произошло, — она вдруг заговорила очень быстро — явно хотела поскорее всё «выплюнуть» и окончить этот допрос. — Он сказал, что видеть меня

больше не хочет, что я «растоптала его чувства», что «никогда не простит обмана», что... — быстрая речь внезапно оборвалась, девушка опять закрыла глаза.

Лукавый не стал ей больше давать советов и говорить, что нужно успокоиться — слишком частое участие извне тоже надоедает и начинает раздражать.

— Сказал, что отношениям конец... — не открывая глаз, продолжила Алёна. — Обозвал меня...

Лукавый сделал пометку в ведомости и переключил внимание на компьютер. Девушка открыла глаза, заморгала.

— Мне тогда крышу снесло... Я говорить с ним пыталась... умоляла послушать... чуть в ноги к нему не упала...

— Фу-у-у, гадость! — поморщился Лукавый, одновременно кликая мышкой и высматривая что-то на экране монитора. — Чего ж не упала?

— Я не знаю... я... — она сбилась, проглотив фразу. — Я не понимаю, как он мог подумать обо мне такое... И обозвать меня всеми теми словами... Во мне что-то переключилось — я просто выбежала прочь. Не могла больше терпеть этого.

— Ладно, проехали, — сказал Лукавый. — Что дальше?

— Дальше я плохо помню, — призналась Ветрова. — У меня крыша стала ехать... Я на таблетках пару дней... — снова проглотила фразу и выронила из рук свою зажигалку.

Звук падения привлек наигравшегося с фотографией чертика. Он спикировал под стул, пнул зажигалку и принялся гонять её по полу.

— А потом снова этот выродок... Рустам... — прошептала девушка. — У него и в том городе тоже какие-то связи оказались... Ездил туда и обо мне прознал...

Лукавый престал кликать мышкой — повернулся, стал слушать внимательнее.

— Он подкараулил меня в лифте... Закрытое пространство... Баллончик никак не...

— Вообще-то, если ситуация критическая, то можно... — заметил Лукавый.

— Я не выдержала... Сразу вцепилась ему в лицо ногтями... — не отвлекаясь, продолжила Ветрова. — Тогда он пару раз меня ударил и за волосы схватил... Но у меня ещё и ножницы в кармане... С недавних пор носить начала...

Она замолчала. Взгляд её был опустошённый.

— И? — пожелал продолжения Лукавый.

— Прямо в глаз ему... — коротко ответила Алёна.

Лукавый удовлетворённо кивнул. А чёртик в это время вскарабкался на стол, держа зажигалку так, словно это было огнестрельное оружие. Взгляд его был напряжённым, движения напоминали морского пехотинца, крадущегося по вражеской территории. Чёртик направил зажигалку дырочкой на фотографию Иисуса, сделал вид, что прицеливается.

— Пиу-пиу-пиу! Бёрн, еретик!!! — в следующий момент завизжал он, имитируя лазерные выстрелы и английскую фразу.

— Лети, захватывай точку, — лениво отогнал его Лукавый.

Чёртик свалил со стола, а Ветрова лишь покачала головой, наблюдая за происходящим.

— Самая малость осталась, — сказал Лукавый, снова дописывая ведомость. — Дорасскажешь?

Алёна кивнула.

— Из лифта я выскочила, — сказала она. — Рустама забрали в больницу, а меня дёрнули в милицию...

Она вдруг иронично усмехнулась и снова прикрыла лицо ладонью.

— Моё ответное заявление принимать не стали... Просила зафиксировать следы побоев — без толку... Говорят: «Сиди и не рыпайся, а то хуже будет».

Лукавый не мешал.

— Правда, и задерживать пока не стали, — продолжала Алёна. — Отпустили домой с подпиской о невыезде... И сказали: «радуйся, если до суда доживешь». Вот тогда я всё поняла... домой придут «гости»... дверь дешёвая — высадить легко.

Чёртик снова высунулся из-под стола — казалось, что и он теперь слушал.

— Кислородная маска у меня и до этого дома была, — сказала Алёна. — Через знакомых медиков достать удалось... долгая история... тоже рассказать?

— Позже. Не будем отвлекаться, — сказал Лукавый.

— У меня не осталось ничего в той жизни... — продолжила рассказ девушка. — Всё потеряно... Всё разбито... Здоровья нет... Головные боли мучают — удар сказался... А лечить

себя нет времени и возможности — рядом шайка вырожденков, которым всё сходит с рук...

Чёртик заглянул в отверстие зажигалки. Затем снова уставился на Алёну. Лукавый в это время добавил в ведомость ещё одну запись.

— Я поняла, что сопротивляться, как и раньше, уже не смогу физически. А это означает, что попаду в их лапы, и... — она вытерла глаза. — Не важно... Их просто надо было остановить.

Лукавый не мешал ей выговариваться.

— Электрощит я отключила, — дальше говорила Алёна. — Чтобы в дверь не позвонили, и не взорвалось раньше времени... На второй замок не запирала... Им же легче вломиться будет.

— Не боялась, что всё-таки само взорвётся? — поинтересовался Лукавый.

— Боялась... — призналась Ветрова. — Не хотела уходить одна... Хотела, чтобы они тоже сдохли.

Лукавый снова чиркнул ручкой — ещё одна пометка в ведомости.

— Когда они пришли, — сказала Алёна. — Я была готова...

Лукавый дописал.

— Последней мыслью было: «только бы зажглась», — добавила девушка.

— Даже если и сама не зажжётся, — подметил Лукавый. — То простой искры по кремнию достаточно...

— Голова была пустой к тому моменту, — призналась Алёна. — А ещё боялась, что кто-то из них кинется и успеет забрать зажигалку...

— Боялась живой им в руки попасть, — уточнил Лукавый.

Девушка кивнула.

— Я же говорю — не знаю, что бы они со мной сделали, — прошептала она. — Но предполагаю... Один из них даже видеокамеру с собой принёс.

— Понятно, — кивнул Лукавый.

— А с Пашей, всё-таки, глупо вышло, — не к месту вздохнула Алёна. — Не пойму, почему он так со мной...

— Фи, снова за старое! — скривился Лукавый. — Твой Паша, если тебе интересно, прекрасно знал, что у тебя с этим Рустамом ничего не было.

Алёна подняла глаза.

— Что? — в недоумении спросила она.

Лукавый тут же развернул к ней монитор:

— Вот. Через поисковик нашёл, пока ты рассказывала.

Ветрова всмотрелась в экран:

— Что это?

— Бета-версия его — Пашиной — ведомости, — сказал Лукавый. — Вот здесь, например, говорится, что накричал он на тебя для того, чтобы «покрасивей» разорвать отношения.

Глаза девушки стали круглыми, неверящими.

— Я не понимаю... — прошептала она.

— Для двуногих особей очень важен статус, — вздохнул Лукавый. — Вот этот твой дружок, к примеру, решил «оправдать» свой поступок. Разрыв отношений из-за «измены» — куда более понятен окружающим, нежели из-за того, что испугался чужих угроз.

— ЧТО ВЫ НЕСЁТЕ?! — вдруг вскрикнула Алёна, заставив встрепенуться и взлететь со стола задремавшего от усталости чёртика.

Лукавый лишь развёл руками:

— Факты — упрямая вещь.

Девушка с диким выражением лица смотрела в монитор.

— Это не ложь? — спросила она хриплым, подавленным голосом.

— Там чистая правда, — покачал головой Лукавый. — Хотя, верить не обяываю...

Ветрова ещё какое-то время смотрела на экран, а потом отвела глаза. Веки её снова задёрнулись, она снова попыталась зажмуриться, затем сделать вид, будто «глаза устали». Но в этот раз всё было без толку — по щекам потекли слёзы. Она резко закрыла лицо ладонями, попыталась как можно скорее смахнуть влагу. Не вышло — на смену пришли новые потоки слёз.

— Дура... — тихо всхлипнула она.

Лукавый удивлённо поднял бровь.

— Дура набитая... — шептала сама себе Алёна, задыхаясь от всхлипываний. — Идиотка тупая... Дура...

Чёртик спустился из-под потолка, стал наблюдать за плачущей. Та уронила голову чуть ниже ладоней, и зажала в кулаках собственные волосы — прямо у корней, чтобы больно стало.

— Ты что задумала? — удивился Лукавый.

Нет, Ветрова не собиралась, как это часто описывают, «рвать на себе волосы» — просто физической болью пыталась заглушить то, что было внутри. Надеялась, что хотя бы это поможет остановить слёзы.

— Теперь можешь их не прятать, — вздохнул Лукавый. — Тем более, что плачущих я видел здесь немало — не в диковину.

— Я больше ничего не буду рассказывать... — не оставив слёзы, но, с горем пополам, выровняв голос, сказала Алёна. — Не могу... И не хочу... Сварите меня уже, наконец...

— Что? — переспросил Лукавый.

— Вы же всех тут в котлах варите, — шмыгая носом и стараясь дышать как можно глубже, ответила Ветрова.

— Не всех, — отрицательно покачал головой Лукавый. — Коекого на другие нужды... Про церберов я уже говорил...

— Мне всё равно, — запрокинув лицо в потолок и зажмурившись, сказала девушка. — Сделайте со мной хоть что-нибудь... Ненавижу себя...

— За что? — полюбопытствовал Лукавый.

Она раскрыла глаза, из них снова покатались слёзы — процедура запрокидывания головы не принесла результата.

— Потому что дура... — всхлипнув, ответила Алёна. — Отшила выродка-Рустама, но встречалась всё это время с... — она не договорила, крепко зажмурилась и закусила губу.

— Да, это неприятно, — согласился Лукавый. — Проницательности не хватило. Плохо дело...

Чёртик переводил взгляд то на него, то на девушку.

— Но за уничтожение пятерых отбросов, — усмехнувшись, напомнил Лукавый, — можно пририсовать тебе пять звездочек. Перевернутых.

— Не издевайтесь, — стараясь больше не всхлипать, сказала Алёна. — Вы ведь и так меня скоро мучить начнёте... Ну, жарить там или варить...

— С чего ты взяла? — удивился Лукавый.

Девушка посмотрела на него непонимающими заплаканными глазами. На прокушенной губе выступила кровь.

А чёртик вдруг порхнул к Лукавому и... ловким движением свистнул у него из кармана носовой платок.

— Ты что? — возмутился Лукавый, но в следующий миг остановил себя, увидев, что чёртик не тащит платок невесть куда, а несёт его Алёне.

Мокрые глаза у той распахнулись ещё шире — Лукавый даже смог увидеть, как в них отражается фигурка чёртика.

— Ня? — вопросительным тоном пискнул чёртик, протягивая ей платок.

Ветрова продолжала смотреть с изумлением.

— Это... мне? — задала она ему глупый вопрос.

— Ня! — утвердительно пискнул чёртик.

Девушка осторожно взяла. Промокнула слёзы.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась она рогатому проказнику.

— И-и-и-и? — жалобно запищал чёртик, его глаза стали по-детски обиженными.

Он захныкал и ретировался к Лукавому.

— Я... Что-то не то сделала? — испуганно и виновато спросила Алёна.

— Она не нарочно, — успокоил чёртика Лукавый. — В словах пока не разбирается.

Тот заметно успокоился и снова сделал неуверенный шаг к девушке.

— Слово «спасибо» у нас считается ругательством, — пояснил Алёне Лукавый. — Не обижай его больше.

— Извини меня, — посмотрев на чёртика, сказала девушка. — Я не хотела...

Тот встретился с ней взглядом и подошёл поближе.

— Ня? — снова пискнул он и протянул ей некогда вырonnenную зажигалку.

— «Благодарю»? — девушка неуверенно посмотрела на Лукавого.

— Сойдёт, — кивнул тот.

— Благодарю, малыш! — улыбнулась она чёртику.

Неработающая зажигалка была ей не нужна, но приняла она её с радостью — как знак внимания. А чёртик в этот раз пискнул радостно. Ветрова всё ещё с некоторой опаской протянула руку к его рогатой макушке. Чёртик застыл в ожидании. Алёна поднесла руку поближе, и чёртик с удовольствием шагнул навстречу, уткнувшись макушкой в её указательный палец.

Слёзы у девушки полностью высохли. Она улыбалась,

начала почёсывать пальцем мохнатый загривок чёртика. Тот зажмурился от удовольствия, и наполнил офис звуками, похожими на кошачье мурлыканье.

— Да ты ему понравилась! — улыбнулся Лукавый. — Чувствую, что теперь его от тебя за уши не оттащишь.

Чертик подошёл к девушке ещё ближе и, мурлыкнув по-кошачьи, перебрался со стола к ней на колени.

— Ня? — снова пискнул он, взяв из её рук платок и по одежде начав карабкаться к её лицу.

— Ну, что ты? Куда ты ползёшь? — смеясь, почти по-матерински спросила его Алёна.

— Ня! — чёртик осторожно поднёс платок к её лицу и заботливо промокнул кровоточащую губу.

Ветрова поняла не сразу — сообразила лишь тогда, когда увидела кровь на платке.

— Благодарю, маленький, — в её глазах снова блеснули слёзы. На сей раз не горькие.

Она взяла чёртика на руки, погладила. Тот умиротворённо вздохнул, уткнулся мордочкой в её ладонь.

— Всё! Нашли общий язык! — ещё шире заулыбался Лукавый.

— Устал, маленький... Налетался... — тоже улыбаясь, кивнула Алёна. — Даже жаль немного... — здесь она вздохнула.

— Чего «жаль»? — не понял Лукавый.

— Что меня скоро «на сковородку»... Или как там его?

— Рехнулась? Он же мне все мозги прожужжит! — ощерился Лукавый. — Или тебе и вправду шашлыком так хочется стать?

— Э-э-э, не совсем... — растерялась девушка. — А у меня есть выбор?

— Теперь есть, заслужила, — кивнул Лукавый. — Правда, человеческой дряни в тебе пока что много. Не демон ещё... Так — полукровка.

— И что это значит? — спросила Алёна.

— Перерождаться будет тяжело, — сказал Лукавый. — Но если постараться...

Наполовину задремавший чертик лизнул её в ладонь раздвоенным шершавым языком.

— Малыш, — снова ласково сказала ему Алёна и погладила.

Чертик сквозь сон мурлыкнул.

Лукавый расписался в ведомости, проставил печати.

— Сейчас один звонок сделаю, — сказал он, набирая телефонный номер.

После нескольких гудков на том конце подняли трубку.

— Йозеф, ты сильно занят? — поинтересовался Лукавый.

— Яволь, мой фю... то есть да, шеф, — исправились на том конце провода.

Лукавый покачал головой:

— Всё никак не отвыкнешь... У меня тут практикантка новая. Поможешь выделить руководителя?

— Яволь! Так точно, мой фюр... то есть шеф.

— Слушай, — сказал Лукавый. — Я вот ещё о чем спросить хочу — ты к Адольфу теперь точно также обращаешься?

— Иногда вас путаю, виноват, — ответил демон на том конце провода.

— Надо что-то с этим делать, — сказал Лукавый. — Узелки на память, к примеру, завязывай. Где? Ну, на своих подопытных, хотя бы. Что? Поконкретней? Да я шучу, забудь!

Положив трубку, Лукавый выписал Ветровой пропуск.

— Это тебе на первое время, — сказал он. — Сможешь поработать у нас. Со скальпелем ведь не впервой управляться?

Вид у Алёны стал изумлённый.

— Вы меня... ПРИНЯТЬ хотите? — воскликнула она, отчего спящий чёртик заворочался и что-то пропищал сквозь сон.

— Пока лишь на испытательный срок, — пояснил Лукавый. — То есть — если будешь справляться, то останешься. А если нет... — он вздохнул.

— То уничтожите... — понимающе кивнула Алёна.

— Глупости какие! — фыркнул Лукавый. — От топки ты себя уже застраховала, так что не надейся... А вот в Колесо Сансары попасть можешь запросто. Отправим назад в Мироздание — на «доработку».

Девушка внимательно слушала.

— Или ты прямо сейчас хочешь уйти в новую инкарнацию? — вдруг поинтересовался Лукавый. — Мало ли — вдруг тебе у нас не нравится?

Ветрова подумала, посмотрела на спящего чёртика и сказала:

— Попробую у вас.

— Вот и замечательно, — улыбнулся Лукавый. — Начнешь завтра.

— А сегодня? — растерялась Алёна.

— Выделят тебе комнату и помогут освоиться. Я распоряжусь. А ещё его к себе возьмишь, — Лукавый указал на чёртика. — Мне всё равно ещё работать, пускай уж у тебя поживёт.

— ПРАВДА? — она не поверила его словам.

Лукавый кивнул.

— Благодарю!! — она засияла от радости.

— То-то же, — улыбнулся Лукавый, отметив, что в этот раз она не сказала «спасибо».

От всех этих возгласов чёртик всё-таки проснулся.

— Ня? — пискнул он.

— Спи, маленький, всё хорошо, — шепнула ему Алёна.

Но чёртик, похоже, уже выпался — полез тереться и ласкаться.

— Да, кстати, — сказал Лукавый. — На рабочем месте сможешь увидеть кое-кого из твоих старых «знакомых».

Девушка не поняла.

— Дружков Рустама, — пояснил Лукавый. — Йозеф и его сотрудники ставят над ними опыты. Возможно, потребуется твоя помощь. Сумеешь?

Похоже, что Алёну это слегка ошеломило.

— Они... ТАМ? — удивилась она.

В глазах внезапно блеснул весьма нехарактерный для неё ранее, злой огонёк. Лукавый улыбнулся — она всё ещё умеет ненавидеть. И желает мстить.

— Там, — кивнул Лукавый. — И, кроме того — будь готова, что когда-нибудь на твоём хирургическом столе окажется сам Рустам — ему тоже рано или поздно придётся зайти в мой кабинет.

Ветрова сперва снова растерялась. Но затем хищный огонёк в глазах усилился.

— Точно? — спросила она.

— Точно, — кивнул Лукавый, протягивая ей пропуск.

— Ня! Ня! — радостно запищал на её руках чёртик и, салютуя, выкинул вперёд правую лапку.

— Вот думаю — пожелать ли тебе «ни пуха, ни пера»? — хитро прищурившись, сказал Лукавый, когда потенциальная сотрудница была уже на выходе.

Алёна тут же хотела что-то ответить, но в одночасье остановила себя и на пару секунд призадумалась.

— «К богу»? — наконец, не совсем уверенно предложила она ответ на пожелание.

— Можно было просто «нафиг», — сказал Лукавый. — Но и твой вариант не так уж плох — без пуха и перьев его крылатые придурки и вправду смотрятся весьма забавно.

Алёна засмеялась. Лукавый тоже.

Её смех теперь был искренним, весёлым — без боли и фальши. От его смеха вибрировала комната, и огненные шторы на окне нервно дёргали рыжими язычками.

— Ого! — отсмеявшись, оценила она его хохот.

— Ага, — самодовольно кивнул Лукавый. — Когда-нибудь и ты так научишься... если пожелаешь. Ну, да ладно — иди уже.

Девушка благодарно кивнула и покинула комнату.

— Что, Изя, обидно? — повертев в руках ракетку «дартс», обратился Лукавый к остаткам висевшей на мишени фотографии.

Электронная версия альманаха
(в формате pdf)
находится по адресу:

<http://warrax.net/daimon/>

(там же есть данные,
где купить в бумажном виде)

